

Dree Froage - un aundre Jeschichte

Lew Tolstoi

Три вопроса - и другие рассказы

Лев Толстой

Draft May 4, 2019

Lew Tolstoi - Dree Froage - un aundre Jeschichte

Лев Толстой - Три вопроса - и другие рассказы

An electronic file will be available at www.plautdietsch-copre.ca.

Based on the short stories of Leo Tolstoy (1828-1920).

Лев Николаевич Толстой, Художественные произведения – Leo Tolstoy, Works of art – index.

<http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/proza/index.htm>

Acknowledgement: The provision of Plautdietsch language software by Adi Stoeckl is gratefully acknowledged.

Photo Credits:

Leo Tolstoy portrait:

Sass, Moscow. [Public domain]

Cover and pages 1, 3, 9:

Complete Works of Count Tolstoy - Vol. 12, L. Wiener (trans., ed.), Dana Estes & Co., Boston, 1904.

[http://public-library.uk/dailyebook/The%20complete%20works%20of%20Count%20Tolstoy%20\(1904\)%20Volume%2012.pdf](http://public-library.uk/dailyebook/The%20complete%20works%20of%20Count%20Tolstoy%20(1904)%20Volume%2012.pdf)

Translation to Plautdietsch and preparation of parallel text:

D. E. Copre, Tatiana Klassner.

All rights reserved.

Ottawa, 2019.

Enhault

Содержание

Vääuwat	Предисловие	4
1. Gott sitt de Woarheit, oba wacht	Бог видит истину, но ждет	7
2. Eene Funk tochjelote brent daut Hus	Упустишь огонь — не потушишь	16
3. Wua Leew es, doa es Gott	Где любовь, там и бог	31
4. Daut Beese lokt, daut Goode besteit	Зло здоровья, но хорошего достоинства	45
5. Kjliene Mejales sent kluaka aus oole Mana	Девчонки умнее стариков	48
6. Ilyas	Ильяс	50
7. Woo väl Launt brukt een Maun?	Много ли человеку земли нужно?	55
8. Eene Oa soo groot aus een Heenaei	Зерно с куриным яйцом	60
9. Daut Koffee Hus von Surat	Кофейня Сурат	63
10. Too dia	Дорого стоит	71
11. Esarhaddon, Kjeenich von Assieren	Ассирийский царь Асархадон	76
12. Dree Froage	Три вопроса	83
Bibliografie	Литературы	88

Väawuat

Leo Tolstoy

Leo Tolstoy wia eena von de jratste Schrefstalasch von aule Tiet enne gaunze Welt. Hee wort en Russlaunt 1828 en eene Odel Famielje jebuare un wort de Schrefstala von de groote Romaunschrefte *Kjrich un Fräd un Anna Karenina*. Sien Nome wort aus Kandidot fa daut *Nobel Peace Prize* miere mol jeschekjt, oba niemols met Erfolg.

Tolstoy funk sien erwosnet Läwe aun Offizia enem Kjrimm Kjrich. Fa een gaunzet Joatieende haud hee een rucht Läwe. Lota bekjand hee selfst daut hee schuldich wia von aule Sorte Schaunde un Sinde, oppwool daut jeweenlich wia fa een Maun en sienem Aumt.

Aul aus Offizia funk Tolstoy aun Schrefte to stale. Aus hee trigj no Hus kaum worde siene ieeschte Bieekja erut jejäft. En siene Vieetich Joare schreef hee de twee groote Romaunschrefte woone am Rum äwa de gaunze Welt brochte. Bieaun siene groote Romaunschrefte, schreef Tolstoy eene Rieej kjlandre Kortjeschichte, Teeautastekja un fillisofische Schrefte.

En siene lotre Joare, erläwd Tolstoy eene groote moralische Nootloag, dee am to eenem jeistlichen Oppwakje fieede. Hee wort sea besorcht äwa dän Senn vom Läwe un dän Toostaunt von siene Seel. Hee dreid sikj to de Rusche-Orthodox Kjoakj, funk doa kjeene Befrädjunk, un wort dan to eenen perseenlichen Lleewe jeleit. Sien Gloowe acht sikj aun de kjristliche Boajch Prädicht, de Wäaloosichkjeit, un de Leew fa dän Metmensch.

Aum Enj von sien Läwe, holp Tolstoy de Unjadrekjte, un siene Schrefte deende doatoo, sienen kjristlichen moralischen Gloowe to vemedle. Eene von siene latste Woakje wia *De Doot von Evan Ilyich*. Tolstoy storf 1920 kort no de Marxiste Rewoluzion.

Предисловие

Лев Толстой

Льва Толстого многие считают величайшим писателем мира всех времен. Он родился в русской аристократической семье в 1828 году и стал автором всемирно известных романов «Война и мир» и «Анны Карениной». Он был номинирован в качестве кандидата на Нобелевскую премию мира несколько раз, но никогда не был выбран.

Толстой начал свою взрослую жизнь офицером русской армии в Крымской войне. В течение десятилетия он прожил тяжелую жизнь. Позже он признался в том, что был виновен во всевозможных серьезных правонарушениях, которые, хотя и считались обычными для кого-то на его посту.

Во время офицера Крымской войны Толстой начал писать рассказы. Когда он вернулся домой после войны, его книги были вскоре опубликованы. В свои 40 лет он написал два величественных романа, которые завоевали его признание во всем мире. Помимо своих великих романов, Толстой написал ряд небольших рассказов, пьес и философских очерков.

В свои сорок лет Толстой пережил большой моральный кризис, который привел к глубокому духовному пробуждению. Он стал глубоко обеспокоен смыслом жизни и состоянием его души. Он обратился к русской православной церкви, но, не найдя там удовлетворения, он развил личную веру. Эта вера была сосредоточена на христианской Нагорной проповеди, непротивлении и любви к ближнему.

В последующие годы Толстой был чемпионом слабых, и его труды передавали его христианские моральные убеждения. Одной из его последних восхищенных работ была «Смерть Ивана Ильича». Толстой умер в 1920 году, вскоре после марксистской революции.

Dree Froage - un aundre korte Jeschichte

Buta de weltberiemde Romaunschrefte, schreef Tolstoy miere Kortjeschichte, vāle met relijeese Teemasch. En de latste 150 Joare worde miere von dise āwasat un en Buak Form rutjejāft. Eene von dise Āwasatunge, L. & A. Maude, *Twenty-Three Stories of Tolstoy*, kaum en 1907 rut. Daut vāaligjendet Buak, *Dree Froage*, jeft eene Plautdietsche Āwasatunk von twalf Jeschichte von daut Maude Buak. De Jeschichte jehiere to veschiedne Literatua Sorte, doarunja Kjinja un Volkj Jeschichte, Māarche un Sittenlia. Eene korte Toopfotunk von jiede Jeschicht folcht.

Gott sitt de Woarheit, oba wacht - Een Maun woat wāajen een Vebrāakje, daut hee nich begone haft, no Sibirjen vebaunt, un Joatieende lota bejāajent hee dām Rajchtschuldja vom Vebrāakje.

Eene Funk tochjelote brent daut Hus - Von eene kjliene Beleidjunk entwekjelt sikj een groota Striet, woont daut Lāwe von Nobasch Famieljes un āa Darp vetilcht.

Wua Leew es, doa es Gott - Een Maun, dee siene gaunze Famielje velist, haft een Lāwe von Mootloosichkjeit bat am een Dach een Wajch jewāse woat, dee to perseenlichen Frād fieet.

Daut Beese lokt, daut Goode besteit - Dit es eene Jeschicht, wua daut Goode āwa daut Beese jewent.

Kjliene Mejales sent kluaka aus oole Mana - Twee kjliene Mejales habe eene Meenunk Veschiedenheit, daut sikj bat de Elre un Nobasch vebreet, oba de Kjliene leese āa Striet, wāarent de Oppjewosne doamet wiedagone.

Ilyas - Dise Jeschicht wiest de Vāadeel von de Mensche, dee en eene Meista-Deena-Jemeenschoft bedeelicht sent.

Woo vāl Launt brukt een Maun? - Een jiezicha Maun haft een Schans, een soo grooten Gruntstekj to aunschaufe, woont hee en eenem Dach runt gone kaun, un vesieekjt dise Jelāajenheit aum baste to benutze.

Три вопроса - и другие рассказы

Помимо написания великих романов, Толстой написал множество коротких рассказов, многие квази-религиозных по своей природе. В последние полтора столетия многие из них были переведены на английский язык и опубликованы в виде книг. Один из этих переводов, L. & A. Maude, «Двадцать три истории Толстого», появился в 1907 году. В настоящей книге «Три вопроса» представлен перевод из двенадцати историй этой книги. Истории относятся к ряду различных категорий литературы, в том числе детские, популярные, сказочные, народные и этические. Краткое резюме каждого из них следует.

Бог видит истину, но ждет - человека высылают в Сибирь за преступление, которого он не совершал, и спустя десятилетия он сталкивается с фактическим исполнителем преступления.

Упустишь огонь — не потушишь - из-за небольшого оскорбления развивается грандиозная вражда, которая разрушает жизни соседних семей и их деревни.

Где любовь, там и бог - Человек, который теряет всю свою семью, сталкивается с жизнью одиночества и депрессии, пока однажды ему не покажут путь, ведущий к его личному счастью.

Зло здоровья, но хорошего достоинства - это история, в которой добро побеждает зло.

Девчонки умнее стариков - две маленькие девочки имеют разногласия, которые распространяются на родителей и соседей, но они решают свои проблемы, в то время как взрослые продолжают ссору.

Ильяс - Эта история рассказывает о соответствующих преимуществах людей, вовлеченных в отношения хозяина и слуги.

Много ли человеку земли нужно? - Скупому человеку предоставляется возможность приобрести участок земли настолько большой, насколько он может совершить кругосветное

плавание за один день, и стремится максимально использовать эту возможность.

Eene Oa soo groot aus een Heenaei - Een besondret Dinkj, daut von Kjinja jefunge wort, woat toom Kjeenich vom Launt jebrocht, dee bie de Sieekj no sien Oppwies daut Erfolch vonne Jesalschoft en sienem Launt en Froag stalt.

Зерно с куриным яйцом - Особый предмет, обнаруженный детьми, доводится до сведения правителя страны, который, стремясь его идентифицировать, ставит под сомнение прогресс общества в своей стране.

Daut Koffe Hus von Surat - Miere Utlenda, von veschiedne Relijione, sette en eenem Koffe Hus un bedeelje sikj en eene Unjahoolunk, om dän woaren Gott vonne Welt fausttostale, un kjeena von an es enteischt von dän Entschluss daut errieeckt woat.

Кофейня Сурат - Многие иностранные клиенты в кофейне вступают в дискуссию, стремясь определить истинную религию, и удивляются заключению, сделанному в их дебатах.

Too Dia - Een Maun, dee en Monaco wäm omjebrocht haft, es äwarauscht von de Bejäwenheite von siene Veuadeelunk en dise Jeschicht, dee sikj opp de Froage von de Doodesstrof un daut Äwareenkome von Politikj Lied tweschen de Wirtschoft un Sittlia deelt.

Дорого стоит - человек, совершивший убийство в Монако, удивлен событиями, последовавшими за его арестом и осуждением в этой истории, которая сосредоточена на проблеме смертной казни и компромисса с этикой и экономикой политиками.

Esarhaddon, Kjeenich von Assieren - Een Maun, de rikjsichtloos siene Macht ensat om perseenliche Befrädjunk to erlange, woat en eene Loag jedwunge, en dee hee de Kwol von siene Opfa erläwe mott.

Ассирийский царь Асархадон - Человек, который безрассудно использует свою силу, чтобы получить личное удовлетворение, оказывается в ситуации, когда он должен пережить агонию всех своих жертв.

Dree Froage - Om de Auntwieed opp drie drinjende Froage to finje, besieektj een Kjeenich eenen Eensiedla opp eenem Boajch, wua am äwarauschende Auntwieed jejäft woare.

Три вопроса - Чтобы найти ответ на три насущных вопроса, король посещает отшельника в отдаленном месте, где ему дают удивительные ответы на все вопросы.

1. Gott sitt de Woarheit, oba wacht

En de Staut Wladimir wond een junga Koopmaun Nomes Iwan Dmitritch Aksionov. Hee haud twee Jeschafte un sien ieejnet Hus.

Aksionov wia een schmocka, blonda, kruzhelja Kjieedel, voll Spos un sea freelich. Aus junga Maun wia hee to drinkje jejäft worde un wort emma oppjeräacht, wan hee too väl jehaut haud, oba nodäm hee sikj befriet haud, gauf hee daut Drinkje opp, buta nu un dan.

Een Somma wull Aksionov to de Nischni-Utstalinj gone, un aus hee sikj von siene Famielje Aufsheed, säd siene Fru to am, “Iwan Dmitritch, fang vondoag nich aun; ekj haud eenen schljachten Droom von die.”

Aksionov lacht un säd, “Du hast Angst, daut ekj, wan ekj to de Utstalinj go, eenen Spaziareis moake woa.”

Siene Fru auntwua, “Ekj weet nich, wuaron ekj Angst hab; ekj weet bloos, daut ekj eenen schlemmen Droom haud. Ekj hab jedreemt, du wiescht von de Staut trig jekome, un aus du diene Metz auf naumst, sach ekj, daut diene Hoa zimlich greiw wiere.”

Aksionov lacht. “Daut es een jlekjlichet Tieekjen”, säd hee. “Du woascht seene, daut ekj aul miene Woa vekjeepe, un eenje Jeschenkje von de Utstalinj trigj brinje woa.” Soo muak hee Aufsheet von siene Famielje un fua doavon.

Aus hee opp haulwen Wajch jereist wia, troff hee eenen Koopmaun, dän hee kjand, un see kjeeme em selwjen Nachtkwatia toonachst. See drunke Tee toop un jinje dan en aunjrensende Stowe to Bad. Daut wia nich Aksionov siene Aunjewanheit lang to schlope, un, wiels hee em kjeelen reise wull, jinkj hee ver däm Morje greiwe sienen Foara opptowakje un foddad am, de Pieed aunspaune.

Dan jinkj hee äwa toom Wieet (dee hinje en een Huskje wond), betold siene Rääkjnunk un sad siene Reis wieda.

Aus hee onjefäa fiefontwintich Miel trigjjelajcht haud, hilt hee aun, om de Pieed to foodre. Aksionov vereiwd sikj een Stootskje em Derchgank vom Gausthus. Dan

Бог видит истину, но ждет

В городе Владимире жил молодой купец Аксенов. У него были две лавки и дом.

Из себя Аксенов был русский, кудрявый, красивый и первый весельчак и песенник. Смолоду Аксенов много пил, и когда напивался — буянил, но с тех пор, как женился, он бросил пить, и только изредка это случалось с ним.

Раз летом Аксенов поехал в Нижний на ярмарку. Когда он стал прощаться с семьей, жена сказала ему: — Иван Дмитриевич, не ездь ты нынче, я про тебя дурно во сне видела.

Аксенов посмеялся и сказал: — Ты всё боишься, как бы не загулял я на ярмарке?

Жена сказала: — Не знаю сама, чего боюсь, а так дурно видела, — видела, будто ты приходишь из города, снял шапку, а я гляжу: голова у тебя вся седая.

Аксенов засмеялся. — Ну, это к прибыли. Смотри, как расторгуюсь, дорогих гостинцев привезу. И он простился с семьей и уехал.

На половине дороги съехался он с знакомым купцом и с ним вместе остановился ночевать. Они напились чаю вместе и легли спать в двух комнатах рядом. Аксенов не любил долго спать; он проснулся среди ночи и, чтобы легче холодком было ехать, разбудил ямщика и велел запрягать.

Потом вышел в черную избу, расчелся с хозяином и уехал.

Отъехавши верст сорок, он опять остановился кормить, отдохнул в сенях на постоялом дворе и в обед вышел на крыльцо и велел поставить

jinkj hee opp de Väaleew erut un befool eenem Samawoa, oppjehett to woare, hold siene Jittoa rut un funk aun to spēle.

Plazlich fua een Troika met een Kjlinja un eenem Beamten vāa, jefolcht von twee Soldote. Hee kaum no Aksionov un funk am aun to Froage, wāa hee wia un von wua hee kaum. Aksionov auntwuad am voll un sād, “Welst du kjeenen Tee met mie drinkje?” Oba de Beaumta befruach am wieda. “Woo wia daut? Wua hast du latste Nacht vebrocht? Wiescht du auleen ooda met eenem Koopmaun? Hast Vondoag Morje dān aundren Hendla jeseene? Wuarom hast du daut Gausthus ver Morje Schemma velote?”

Aksionov wundad sikj, wuarom hee all dise Froage jestalt wort, oba hee beschreef aules waut passieet wia, un sād dan noch doatoo, “Wuarom frajchst du mie, aus wan ekj een Deef ooda een Reiba sie? Ekj reis opp eene Utstalinj, un doa besteit kjeene Needichkjeit, mie to befroage.”

Dan sād de Beaumta, dee de Soldote aunroopt, “Ekj sie de Polizei Beaumta von dit Distrikjt, un ekj froag die, wiels de Koopmaun, met dām du de latste Nacht vebrocht hast, wort met eene Hauls Schnett jefunge. Wie motte diene Sache derchsieekje.”

See jinje em Hus enenn. De Soldote un de Polizist naume Aksionov sien Jepak un sochte daut derch. Plazlich trock de Polizist een Massa von eene Tausch rut un roopt, “Wām sien Massa es dit?”

Aksionov kijkt han un aus hee een Bloot beschmāadet Massa von siene Tausch sach, veschrock hee. “Woo kjeemt et, daut sikj opp disem Massa Bloot finjt?”

Aksionov vesocht to auntwuade, kunn oba kaum een Wuat rut kjriee un stomad bloos, “Ekj, weet nich, nich mient.”

Dan sād de Polizist, “Vondoag Morje wort de Koopmaun met eenem Hauls Schnett em Bad jefunge. Du best de eensje Persoon, dee daut haud doone kjenne. Daut Hus wia von benne toojeschlote, un kjeen aundra wia doa. Hia es dit Massa, von Bloot beschmāat, en diene Tausch un dien Jesecht un diene Oat verode die! Saj mie, woo du am doot jemoakt hast un woo vāl Jelt du jestole hast?”

самовар; достал гитару и стал играть;

вдруг ко двору подъезжает тройка с колокольчиком, и из повозки выходит чиновник с двумя солдатами, подходит к Аксенову и спрашивает: кто, откуда? Аксенов всё рассказывает, как есть, и просит: не угодно ли чайку вместе выпить? Только чиновник всё пристаёт с расспросами: «Где ночевал прошлую ночь? Один или с купцом? Видел ли купца поутру? Зачем рано уехал со двора?»

Аксенов удивился, зачем его обо всем спрашивают: всё рассказал, как было, да и говорит: «Что ж вы меня так выспрашиваете? Я не вор, не разбойник какой-нибудь. Еду по своему делу, и нечего меня спрашивать».

Тогда чиновник кликнул солдат и сказал: — Я исправник и спрашиваю тебя затем, что купец, с каким ты ночевал прошлую ночь, зарезан. Покажи вещи, а вы обыщите его.

Взошли в избу, взяли чемодан и мешок и стали развязывать и искать. Вдруг исправник вынул из мешка ножик и закричал:

— Это чей ножик?

Аксенов поглядел, видит — ножик в крови из его мешка достали, и испугался.

— А отчего кровь на ноже?

Аксенов хотел отвечать, но не мог выговорить слова.

— Я... я не знаю... я... нож... я... не мой...

Тогда исправник сказал:

— Поутру купца нашли зарезанным на постели. Кроме тебя, некому было это сделать. Изба была заперта изнутри, а в избе никого, кроме тебя, не было. Вот и ножик в крови у тебя в мешке, да и по лицу видно. Говори, как ты убил его и сколько ты ограбил денег?

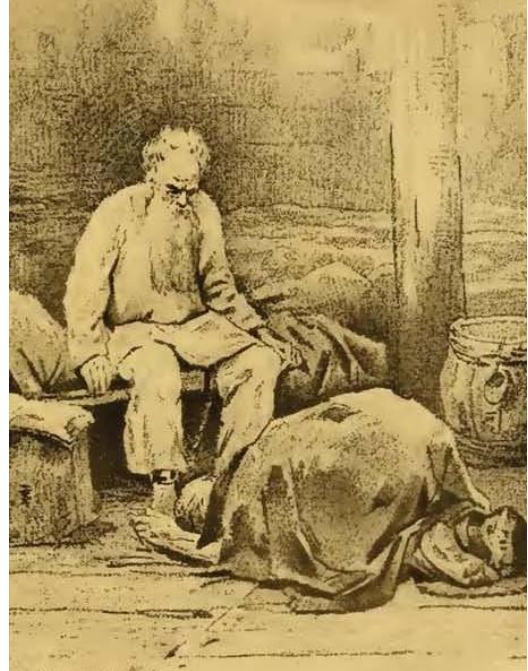

Wäm sien Massa es dit? — Это чей ножик?

Aksionov schwua, hee haud daut nich jedone; daut hee dän Koopmaun nich jeseene haud, nodäm see toop Tee jedrunke haude; hee haud kjeen Jelt buta achtdusent Rubbel un daut Massa jehieed am nich. Oba siene Stemm wia schwak, sien Jesecht bleiw un hee zettad ver Angst, aus wia hee schuldich.

De Polizist befool de Soldote, Aksionov mettobrinje un en dän Woage to laje. Aus see siene Feet toopjebunge un am em Woage jeschmäte haude, bekjriezt Aksionov sikj un hield. Sien Jelt un siene Woare worde am aufjenome, un hee wort no de näakjste Staut jeschekjt un doa enjestopt. En Wladimir worde Froage betrafs sien Wäsent jestalt. De Kooplied un aundre Enwonasch von dise Staut säde, hee haud ea jedrunke un siene Tiet veschwent, oba hee wia een gooda Maun. Dan kaum de Prozass, hee wort aunjekloacht, eenen Koopmaun aus Ryazan aufjemort un am twintich dusent Rubbel jestole habe.

Siene Fru wia vetwiewelt un wist nich, waut see jleewe sull. Äare Kjinja wiere aule ganz kjlien; eena wia een Bäbe aun äare Brost. See naum dee aule met un jinkj en de Staut, en dee sikj äa Maun em Jefenkjnis befunk. Aunfanks durf see am nich seene; oba no väl prachre kjrieech see de Erlaubnis am em Jefenkjnis to besieekje. Aus see äaren Maun en Jefenkjnis Kjleeda

Iwan Dmitritsch, vezei mie!
— Иван Дмитриевич, прости меня!

Аксенов божился, что не он это сделал, что не видал купца после того, как пил чай с ним, что деньги у него свои 8000, что ножик не его. Но голос у него обрывался, лицо было бледно, и он весь трясся от страха, как виноватый.

Исправник позвал солдат, велел связать и вести его на телегу. Когда его с связанными ногами взвалили на телегу, Аксенов перекрестился и заплакал. У Аксенова обобрали вещи и деньги, отослали его в ближний город, в острог. Послали во Владимир узнать, какой человек был Аксенов, и все купцы и жители владимирские показали, что Аксенов смолоду пил и гулял, но был человек хороший. Тогда его стали судить. Судили его за то, что он убил рязанского купца и украл 20 000 денег.

Жена убивалась о муже и не знала, что думать. Дети ее еще все были малы, а один был у груди. Она забрала всех с собою и поехала в тот город, где ее муж содержался в остроге. Сначала ее не пускали, но потом она упросила начальников, и ее привели к мужу. Когда она увидела его в острожном платье, в цепях, вместе с

un en Kjäde sach, met Deef un Vebräakjasch toojestopt, foll see han un kaum lange Tiet nich to Besennunk. Dan trock see äare Kjinja to sikj un sad sikj dicht bie äa Maun han. See vetald am von to Hus un fruach, waut met am passieet wia. Hee vetald äa aules un see fruach, “Waut kjenn wie nu doone?”

“Wie motte dän Zaaren froage, eenen Onschuldichen nich omkome lote.”

Siene Fru leet am weete, daut see eene Aunfroag aun dän Zaaren jeschekjt haud, daut oba nich aunjenome wia. Aksionov auntwad nich, sonda kjikjt bloos doljeschloage ut.

Dan säd siene Fru, “Daut wia nich aundasch, von waut ekj dreemd, daut diene Hoa greiw jeworde wiere. Kaunst die noch denkje?” See fua met de Finjasch derch äare Hoa un säd, “Leefsta Vanya, saj diene Fru de Woarheit; hast du daut nich jedone?”

“Aulsoo hast du mie uk en Vedocht!” säd Aksionov, un hee vestuak sien Jesecht en siene Henj un funk aun to hiele. Dan kaum een Soldot, an to saje, daut de Fru un de Kjinja gone muste; un Aksionov neem Aufscheet toom latsten Mol von siene Famielje.

Aus see fuat wiere, erinnad Aksionov sikj aun daut Jesajcht, un aus hee doaraun docht, daut uk siene Fru am vedocht haud, säd hee to sikj selfst, “Daut schient, daut bloos Gott de Woarheit seene kaun; von am auleen kaun eena Jnod kjrie.”

Un Aksionov schreef kjeene Aunfroage mea; hee gauf aule Hopninj opp un bäd bloos to Gott.

Aksionov wort to de Priejel Strof veuadeelt un en de Miene jeschekjt. Aulsoo wort hee utjepitscht, un aus de Wunde doavon veusoakt jeheelt wiere, wort hee met aundre Jefangne no Sibirjen jeschekjt.

Sasuntwintich Joa lang wond Aksionov aus Jefangna en Sibirjen. Siene Hoa worde schneewitt, un sien Boat wort lang, denn un greiw. Aul siene Freid veschwunk; hee wort kromm; hee jinkj langsam, spruak mau selden un lacht nie, oba hee bäd foaken.

разбойниками, — она ударилась о землю и долго не могла очнуться. Потом она поставила детей вокруг себя, села с ним рядышком и стала сказывать ему про домашние дела и спрашивать его про всё, что с ним случилось. Он всё рассказал ей. Она сказала:

— Как же быть теперь?

Он сказал: — Надо просить царя. Нельзя же невинному погибать!

Жена сказала, что она уже подавала прошение царю, но что прошение не дошло. Аксенов ничего не сказал и только потупился.

Тогда жена сказала: — Недаром я тогда, помнишь, видела сон, что ты сед стал. Вот уж и вправду ты с горя поседел. Не ездить бы тебе тогда.

И она начала перебирать его волосы и сказала:

— Ваня, друг сердечный, жене скажи правду: не ты сделал это?

Аксенов сказал: «И ты подумала на меня!» — закрылся руками и заплакал. Потом пришел солдат и сказал, что жене с детьми надо уходить. И Аксенов в последний раз простился с семьей.

Когда жена ушла, Аксенов стал вспоминать, что говорили. Когда он вспомнил, что жена тоже подумала на него и спрашивала его, он ли убил купца, он сказал себе: «Видно, кроме бога, никто не может знать правды, и только его надо просить и от него только ждать милости». И с тех пор

Аксенов перестал подавать прошения, перестал надеяться и только молился богу.

Аксенова присудили наказать кнутом и сослать в каторжную работу. Так и сделали.

Его высекли кнутом и потом, когда от кнута раны зажили, его погнали с другими каторжниками в Сибирь.

В Сибири, на каторге, Аксенов жил 26 лет. Волоса его на голове стали белые, как снег, и борода отросла длинная, узкая и седая. Вся веселость его пропала. Он сгорбился, стал ходить тихо, говорил мало, никогда не смеялся и часто молился богу.

Em Jefenkjnis lieed Aksionov Steewle häatostale un vedeend een beskje Jelt, met däm hee 'Daut Läwe von de Heilje' koft. Hee laus dit Buak, aus et em Jefenkjnis dach jenuach wia. Aum Sindach laus hee en de Jefenkjnis Kjoakj de Lekzione un sunk em Kua, wiels siene Stemm noch emma goot wia.

De Jefenkjnis Beaumte jleichte Aksionov wäajen siene Saunftmoot, un siene Metjefangne haude Respakjt fa am, see nande am 'Groosvoda' un 'De Heilicha'. Wan see bie de Jefenkjnis Beaumte eene Aunfroag moake wulle, muake see Aksionov emma to äarem Veträda, un wan daut tweschen dän Jefangne Striedarie gauf, kjeeme see to am, om de Sache en Ordnunk to brinje un de Aunjeläajenheit to räajle.

Kjeene Norecht kjeem to Aksionov von Tus un hee wist nich eenmol, aus siene Fru un siene Kjinja noch läwde.

Eenen Dach kaum eene niee Grupp von Jefangne em Jefenkjnis. Aum Owent vesaumelde sikj de oole Jefangne om de niee un fruage an, von woone Städte ooda Darpa see stauemde un wuafäa see veuadeelt wiere. Met de aundre sad sikj Aksionov biesied de Nielinja han, un horcht met doljeschloagne Wies daut Vetald. Eena von de niee Jefangne, een groota, stoakja Maun von zastich Joare, met eenem dicht jeschnäden greiwen Boat, vetald dän aundren, wuarom hee Faustjenome worde wia.

“Nu, Frind”, säd hee, “ekj hab bloos een Pietet metjenome, daut aun eenen Schläde jebunge wia, un ekj wort faustjenome un wäajen Stälarie aunjekloacht. Ekj säd, ekj haud daut bloos jenome, om schwinda no Hus to kome, un haud daut dan gone jelote; butadäm wia de Foara een perseenlicha Frint von mie. Aulsoo säd ekj, “Aul goot”. “Nä”, säde see, “See hab daut jestole.” Oba wie un woo ekj daut jestole hab, kunne see nich saje. Ekj hab eenmol werkjlich waut faulsch jemoakt un sull ieejentlich aul ver lange Tiet verhäa jekome sult, oba to dise Tiet wort ekj nich erut jefunge. Nu wort ekj fa nuscht hiahäa jeschekjt. Eh, oba daut sent Lieceje, dee ekj Junt saj, ekj wia aul eenmol en Sibirjen, oba ekj sie nich lang jebläwe.”

“Von wua kome See häa?” fruach irjentwäa.
“Von Wladimir. Miene Famielje es ut dise Staut. Ekj heet Makar un see nane mie uk Semyonich.”

В остроге Аксенов выучился шить сапоги и на заработанные деньги купил Четы-Минеи и читал их, когда был рвет в остроге; а по праздникам ходил в острожную церковь, читал Апостол и пел на клиросе, — голос у него всё еще был хорош.

Начальство любило Аксенова за его смиренность, а товарищи острожные почитали его и называли «дедушкой» и «божьем человеком». Когда бывали просьбы по острогу, товарищи всегда Аксенова посылали просить начальство, и когда промеж каторжных были ссоры, то они всегда к Аксенову приходили судиться.

Из дому никто не писал писем Аксенову, и он не знал, живы ли его жена и дети.

Привели раз на каторгу новых колодников. Вечером все старые колодники собрались вокруг новых и стали их расспрашивать, кто из какого города или деревни и кто за какие дела. Аксенов тоже подсел на нары подле новых и, потупившись, слушал, кто что рассказывал. Один из новых колодников был высокий, здоровый старик лет 60-ти, с седой стриженной бородой. Он рассказывал, за что его взяли.

Он говорил: — Так, братцы, ни за что сюда попал. У ямщика лошадь отвязал от саней. Поймали, говорят: украл. А я говорю: я только доехать скорей хотел, — я лошадь пустил. Да и ямщик мне приятель. Порядок, я говорю? — Нет, говорят, украл. А того не знают, что и где украл. Были дела, давно бы следовало сюда попасть, да не могли уличить, а теперь не по закону сюда загнали. Да врешь, — бывал в Сибири, да недолго гащивал...

— А ты откуда будешь? — спросил один из колодников.

— А мы из города Владимира, тамошние мещане.

Aksionov hoof dän Kopp un säd, “Saj mol, Semyonich, weets du waut von de Kooplied Aksionov von Wladimir? Läwe see noch?”

“Aus ekj dee kjan? Natieedlich kjan ekj dee. De Aksionovs sent rikj, oppwool äa Voda en Sibirjen es, een Sinda aus wie, soo aus daut schient! Woo es et met Junt, Groospape, woo kjeeme See hiahan?”

Aksionov räd nich jieren von sienem Onjlekj. Hee ständ bloos un säd, “Fa miene Sinde sie ekj seit sasuntwintich Joare em Jefenkjnis.”

“Waut fa Sinde?” fruach Makar Semyonich.

Oba Aksionov säd bloos, “Nu, ekj mott daut vedeent habe!” Hee haud nich mea jesajcht, oba siene Kommarode vetalden dän Nielinkj, woo Aksionov no Sibirjen kaum; woo irjentwää eenen Koopmaun omjebrocht haud un daut Massa unja Aksionov siene Sache jestekjt haud, un Aksionov Onrajcht veuadeelt worde wia.

Aus Makar Semyonich daut hieed, kjikjt hee Aksionov aun, schluach opp siene Kjneen un roopt, “Nu, daut es wundaboa! Werkjlich wundaboa! Oba woo oolt sent See jeworde, Groospape!”

De aundre fruage am, wuarom hee soo äwarauscht wia un wua hee Aksionov verhäa jeseene haud. Oba Makar Semyonich auntwuad nich. Hee säd bloos, “Daut es wundaboa, daut wie ons hia trafe, Junges!”

Dise Wieed leete Aksionov sikj wundre, aus dis Maun wist, wää dän Koopmaun omjebrocht haud. Soo säd hee, “Veleicht, Semyonich, habe See von dise Sach jehieet ooda habe See mie veleicht aul eenmol jeseene?”

“Woo kunn ekj halpe daut to hier? De Welt es volla Jeräd. Oba daut es lang häa un ekj hab vejäte, waut ekj jehieet hab.”

“Veleicht habe See jehieet, wää dän Koopmaun omjebrocht haft?” fruach Aksionov.

Makar Semyonich lacht un auntwuad, “Daut mott deejanja jewast senne, en wäm siene Tausch daut Massa jefunge wort. Wan irjentwää aundra daut Massa doa vestoake haft, 'hee es kjeen Deef, bat hee jejräpe woat', soo aus daut Sprechwuat sajcht. Woo kunn irjentwää een Massa en June Tausch stekje, wäarent

Zвать Макаром, а величают Семеновичем.

Аксенов поднял голову и спросил:

— А что, не слыхал ли, Семеныч, во Владимире городе про Аксеновых купцов? Живы ли?

— Как не слыхать! Богатые купцы, даром что отец в Сибири. Такой же, видно, как и мы грешные. А ты сам, дедушка, за какие дела?

Аксенов не любил говорить про свое несчастье; он вздохнул и сказал:

— По грехам своим 26-й год нахожусь в каторжной работе.

Макар Семенов сказал:

— А по каким же таким грехам?

Аксенов сказал: «Стало быть, стоило того», и не хотел больше рассказывать, но другие острожные товарищи рассказали новому, как Аксенов попал в Сибирь. Они рассказали, как на дороге кто-то убил купца и подсунул Аксенору ножик, и как за это его понапрасну засудили.

Когда Макар Семенов услышал это, он взглянул на Аксенова, хлопнул себя руками по коленам и сказал: — Ну, чудо! Вот чудо-то! Постарел же ты, дедушка!

Его стали спрашивать, чему он удивлялся и где он видел Аксенова; но Макар Семенов не отвечал, он только сказал:

— Чудеса, ребята, где свидеться пришлось!

И с этих слов пришло Аксенору в мысли, что не знает ли этот человек про то, кто убил купца. Он сказал: — Или ты слыхал, Семеныч, прежде про это дело, или видал меня прежде?

— Как не слыхать! Земля слухом полнится. Да давно уж дело было: что и слыхал, то забыл, — сказал Макар Семенов.

— Может, слыхал, кто купца убил? — спросил Аксенов.

Макар Семенов засмеялся и сказал:

— Да, видно, тот убил, у кого ножик в мешке нашелся. Если кто и подсунул тебе ножик, не пойман — не вор. Да и как же тебе ножик в мешок сунуть? Ведь он у тебя в головах стоял? Ты бы услышал.

daut unja Jun Kopp wia? Daut haud Junt sechalich oppjewakjt.”

Aus Aksionov dise Wieed hieed, wia hee sikj secha, daut dit de Maun wia, dee dän Koopmaun omjebrocht haud. Hee stunt opp un jinkj wajch. De gaunze Nacht lach Aksionov waka. Hee feeld sikj schrakjlich Onjlekjlich un aule mäajliche Bilda stieeje en sienem Kopp opp. Doa wia daut Bilt von siene Fru, waut see säd, aus hee sikj von äa Aufscheet neem, om to de Utstalinj to foare. Hee sach äa, aus auf see aunwäsent wia; äa Jesecht un äare Uage hoowe sikj ver am opp; hee hieed äa räde un lache. Dan kjikjt hee siene Kjinja too, aus soo see dan mol wiere, rajcht kjlien, eena met eenem kjlienen Mauntel, eena aun de Brost von siene Mutta. Un dan erinnad hee sikj aun sikj selfst, aus hee junk un freelich wia. Hee erinnad sikj, woo hee opp de Väaleew vom Gausthus, en däm hee faustjenome wort, Jittoa späld un woo frie von Sorje hee wia. En Jedanke bekjikjt hee dän Uat, wua hee utjepitscht wort, dän Henkja un de Lied, dee erom stunde; de Kjäde, de Jefangne, aule sasuntwintich Joa von sien Jefenkjnis Läwe un sien tiedjen Ella. De Jedanke doaraun muake am soo Älent, daut hee reed wia, sikj omtobrinje.

“Un daut es aules dis Beesewicht sien Woakj!” docht Aksionov. Un sien Oaja wia jaajen Makar Semyonich soo groot, daut hee sikj no Rach bangd, selfst wan hee selfst doafaa to Grunt gone sull. Hee hilt de gaunze Nacht Jebäd, kunn oba kjeene Ru finje. Däm gaunzen Dach jinkj hee nich dicht bie Makar Semyonich un kjikjt am uk nich aun. Vietiesen Doag vejinje opp dise Wies. Aksionov kunn nachts nich schlope un wia soo Älent, daut hee nich wist, waut hee doone sull.

Eene Nacht, aus hee derch daut Jefenkjnis jinkj, wort hee von waut Ieed en, daut rut rold von unja eenem von de Jestale, en dän de Jefangne schleepe. Hee bleef stone, om to seene, waut daut wia. Plazlich kroop Makar Semyonich von unja däm Jestal vaa un kjikjt met veschroknem Jesecht to Aksionov enopp. Aksionov vesocht to gone, one am auntokjikje, oba Makar foot no siene Haunt un säd am, hee haud een Loch unja de Waunt jegroft. De Ieed scheffeld hee en siene huage Steewle enenn un jiedren Dach opp de Gaus muak hee dee ladich aus de Jefangne to äare Oabeit jedräwe worde.

“Du blifst ruich, ola Maun, un du saust uk rut. Wan du plaupascht, woare see mie daut Läwe utpitsche, oba

Как только Аксенов услышал эти слова, он подумал, что этот самый человек убил купца. Он встал и отошел прочь. Всю эту ночь Аксенов не мог заснуть. Нашла на него скука, и стало ему представляться: то представлялась ему его жена такую, какую она была, когда провожала его в последний раз на ярмарку. Так и видел он ее как живую, и видел ее лицо и глаза, и слышал, как она говорила ему и смеялась. Потом представлялись ему дети, такие, какие они были тогда, — маленькие, один в шубке, другой у груди. И себя он вспоминал, каким он был тогда — веселым, молодым; вспоминал, как он сидел на крыльчке на постоялом дворе, где его взяли, и играл на гитаре, и как у него на душе весело было тогда. И вспомнил лобное место, где его секли, и палача, и народ кругом, и цепи, и колодников, и всю 26-тилетнюю острожную жизнь, и свою старость вспомнил. И такая скука нашла на Аксенова, что хоть руки на себя наложить.

«И всё от того злодея!» — думал Аксенов.

И нашла на него такая злость на Макара Семенова, что хоть самому пропасть, а хотелось отомстить ему. Он читал молитвы всю ночь, но не мог успокоиться. Днем он не подходил к Макару Семенову и не смотрел на него. Так прошли две недели. По ночам Аксенов не мог спать, и на него находила такая скука, что он не знал, куда деваться.

Один раз, ночью, он пошел по острогу и увидал, что из-под одной нары сыплется земля. Он остановился посмотреть. Вдруг Макара Семенов. выскочил из-под нары и с испуганным лицом взглянул на Аксенова. Аксенов хотел пройти, чтоб не видеть его; но Макара ухватил его за руку и рассказал, как он прокопал проход под стенами и как он землю каждый день выносит в голенищах и высыпает на улицу, когда их гоняют на работу.

Он сказал: — Только молчи, старик, я и тебя выведу. А если скажешь, — меня засекут, да и

ekj wudd die toieescht ombrinje.”

Aksionov zettad fa Wutt, aus hee sienen Fient sach. Hee trock siene Haunt wajch un säd, “Ekj hab kjeenen Wensch to fliee, un du brukst mie nich ombrinje; Du hast mie ver lange Tiet omjebrocht. Om an daut to saje, ekj kaun daut doone ooda nich, soo aus Gott daut entscheide woat.”

Aum näakjsten Dach, aus de Jefangne to Oabeit jefieet worde, wort eena von de Soldote daut en, daut dee eene ooda aundra Jefangna waut leed ut siene Steewle utschedd. Daut Jefenkjnis wort derchjesocht un de Schuldje jefunge. De Gowernia kaum un befruach aule Jefangne, om erut to finje, wää daut Loch jegroft haud. See aule besträde jiedret Weete doaräwa. Deejanje, dee daut wiste, wudde Makar Semyonich nich verode, wiels see wiste, daut hee meist to Doot jepriejelt woare wudd.

Schlieslich dreid sikj de Gowernia to Aksionov, von däm hee wist, daut hee een jerajchta Maun wia, un säd, “Du best een opprechtja oola Maun; saj mie ver Gott, wää daut Loch jegroft haft?”

Makar Semyonich stunt doa, aus opp hee goanich besorcht wia, kjikjt dän Gowernia aun un nich eenmol Aksionov. Aksionov siene Leppe un Henj zettade, un hee kunn lange Tiet kjeen Wuat saje. Hee docht, “Wuarom sull ekj däm schitze, dee mien Läwe vedoaft haft? Lot am fa daut betole, waut ekj liede must. Oba wan ekj daut saj, woare see woarschienlich daut Läwe ut am priejle, un daut kunn senne, daut hee doafää oschuldich es. Un schlieslich wudd daut fa mie waut Goodet doone?”

“Na, oola Maun”, wadahold de Gowernia, “saj mie de Woarheit, wää haft unja de Mua jegroft?”
Aksionov kjikjt kort opp Makar Semyonich un säd, “Ekj kaun nich saje, June Iea. Daut es nich Gottes Welle, daut ekj daut vetale saul. Doone See, waut See welle met mie; ekj sie en äare Haunt.”

Soo sea de Gowernia daut uk vesocht, säd Aksionov nuscht mea, un soo must de Sach velote woare. En dise Nacht, aus Aksionov opp sien Bad lach un jrod aunfunk to schlope, kaum irjentwää ruich un sad sikj opp sien Bad. Aksionov zield derch de Dunkelheit un erkjand Makar.

тебе не спущу — убью.

Когда Аксенов увидал своего злодея, он весь затрясся от злости, выдернул руку и сказал:
— Выходить мне незачем и убивать меня нечего, — ты меня уже давно убил. А сказывать про тебя буду или нет, — как бог на душу положит.

На другой день, когда вывели колодников на работу, солдаты заметили, что Макара Семенов высыпал землю, стали искать в остроге и: нашли дыру. Начальник приехал в острог и стал всех допрашивать: кто выкопал дыру? Все отпирались. Те, которые знали, не выдавали Макара Семенова, потому что знали, что за это дело его засекут до полусмерти. Тогда начальник обратился к Аксену. Он знал, что Аксенов был справедливый человек, и сказал:

— Старик, ты правдив; скажи мне перед богом, кто это сделал?

Макара Семенов стоял как ни в чем не бывало и смотрел на начальника, и не оглядывался на Аксенова. У Аксенова тряслись руки и губы, и он долго не мог слова выговорить. Он думал: «Если скрыть его, за что же я его прошу, когда он меня погубил? Пускай поплатится за мое мученье. А сказать на него, точно — его засекут. А что как я понапрасну на него думаю? Да что ж, мне легче разве будет?»

Начальник еще раз сказал: «Ну, что ж, старик, говори правду: кто подкопался?»
Аксенов поглядел на Макара Семенова и сказал:
— Я не видал и не знаю.
Так и не узнали, кто подкопался.

На другую ночь, когда Аксенов лег на свою нару и чуть задремал, он услышал, что кто-то подошел и сел у него в ногах. Он посмотрел в темноте и узнал Макара.

“Waut welst du mea von mie?” fruach Aksionov.
“Wuarom best du hiahää jekome?”
Makar Semyonich bleef stell. Aulsoo sad sikj
Aksionov opp un säd, “Waut welst du? Go wajch ooda
ekj woa däm Wajchta roope!”

Makar Semyonich kjikjt däm Aksionov aun un
fuscheld, “Iwan Dmitritsch, vezei mie!”
“Wuarom?” fruach Aksionov.

“Ekj hab dän Koopmaun omjebrocht un daut Massa
unja diene Sache vestoake. Ekj wull die uk ombrijne,
oba ekj hab Bute een Jereisch jehieet, un soo hab ekj
daut Massa en diene Tausch vestoake un sie utem
Fensta jeflicht.”

Aksionov bleef stell un wist nich, waut hee saje sull.
Makar Semyonich jlept vom Jestal un kjneed sikj opp
de Flua. “Iwan Dmitritsch”, säd hee, “vejeff mie, om
Gottes Leew, vejeff mie! Ekj woa jestone, daut ekj dän
Koopmaun omjebrocht hab, un du woascht frijelote
woare, soo daut du no Hus gone kaust.”

“Daut es leicht fa die to saje”, säd Aksionov, “oba ekj
hab dise 26 Joare fa die jeläde. Wuahan kunn ekj nu
gone? Miene Fru es doot, un miene Kjinja habe mie
vejäte. Ekj hab noanich wua to gone.”

Makar Semyonich stunt nich opp, sonda schluach met
däm Kopp opp de Flua. “Iwan Dmitritsch, vezei mie!”
hield hee. “Aus dee mie prijelde, wia daut nich soo
schwoa to liede, aus daut es, die nu to seene. Oba du
hautst Metleet met mie un sätst daut nich.” Un hee
funk aun to schlukse.

Aus Aksionov am schlukse hieed, funk hee uk aun to
hiele. “Gott woat die vejäwe!” säd hee. “Veleicht sie
ekj hundatmol schljachta aus du.” Un bie dise Wieed
wort sien Hoat dach un daut Bange fa de Heimat
veleet am. Hee haud kjeene Lost mea, daut Jefenkjnis
to velote, sonda hopt daut siene latste Stund kome
wudd.

Oppwool Aksionov am daut nich jefoddat haud,
bekjand Makar Semyonich siene Schult. Oba aus de
Befäl fa Aksionov siene Frielotunk kaum, wia hee aul
doot.

Аксенов сказал: — Что тебе еще от меня надо?
Что ты тут делаешь?

Макар Семенов молчал. Аксенов приподнялся и
сказал: — Что надо? Уйди! А то я солдата
кликну.

Макар Семенов нагнулся близко к Аксенону и
шепотом сказал:
— Иван Дмитриевич, прости меня!
Аксенов сказал: За что тебя прощать?

— Я купца убил, я и ножик тебе подсунул. Я и
тебя хотел убить, да на дворе зашумели: я сунул
тебе ножик в мешок и вылез в окно.

Аксенов молчал и не знал, что сказать. Макар
Семенов спустился с нары, поклонился в землю и
сказал:
— Иван Дмитриевич, прости меня, прости, ради
бога. Я объявлюсь, что я купца убил, — тебя
простят. Ты домой вернешься.

Аксенов сказал:
— Тебе говорить легко, а мне терпеть каково!
Куда я пойду теперь?.. Жена померла, дети
забыли; мне ходить некуда...

Макар Семенов не вставал с полу и бился
головой о землю и говорил: — Иван Дмитрич,
прости! Когда меня кнутом секли, мне легче
было, чем теперь на тебя смотреть... А ты еще
пожалел меня — не сказал. Прости меня, ради
Христа! Прости ты меня, злодея окаянного! — и
он зарыдал.

Когда Аксенов услышал, что Макар Семенов
плачет, он сам заплакал и сказал:
— Бог простит тебя; может быть, я во сто раз
хуже тебя! — И вдруг у него на душе легко стало.
И он перестал скучать о доме, и никуда не хотел
из острога, а только думал о последнем часе.

Макар Семенов не послушался Аксенова и
объявился виноватым. Когда вышло Аксенону
разрешение вернуться, — Аксенов уже умер.

2. Eene Funk tochjelote brent daut Hus

En eenen Darp wond eenst een Bua Nomes Iwan Stcherbakof. Hee läwd jemietlich, wia em basten Ella, de baste Oabeida em Darp un haud dree Säns, dee aule oabeide kunne. De elsta wia befriet, de tweeda fried sikj, un de dredde wia een groota Kjieedel, dee sikj om de Pieed kjemre kunn un aul to plieeje aunftunk. Iwan siene Fru wia eene fäiche un spoasome Fru, un see haude daut Jlekj, eene ruiche, hoat oabeidende Schwia Dochta to habe. Daut gauf nuscht, waut Iwan un siene Famielje doaraun hindad, jlekjlich to läwe. See haude bloos eenen kranken Mul to Foodre; daut wia Iwan sien oola Voda, dee aun Austma litt un seit säwen Joare opp däm Tieejel Owe krank lach. Iwan haud aules, waut hee brukt, dree Pieed un een Falm, eene Koo met Kaulf un feftieen Schop. De Frues muake de gaunze Kjleedunk fa de Famielje, buta opp de Felda holpe see uk, un de Mana beoabeide daut Launt. See haude emma jenuach Jeträajd, om äwa de näakjste Arnt eruttostone, un see vekofte jenuach Howa, om de Takse to betole un äare aundre Needichkjeite to erfelle. Iwan un siene Kjinja haude aulsoo gaunz maklich Läwe kjenne, wan nich tweschen am un sienem Noba, Limping Gabriel, däm Sän von Gordey Iwanof, eene Jejacht jewast wia.

Soolang de oola Gordey noch wond un Iwan sien Voda noch em Staunt wia, daut Hushault to fiere, läwde de Buares aus Nobasch. Wan de Frues von de Hiesa toofalich een Säw ooda eene Komm wulle ooda de Mana eenen Sak brukte ooda een Woage Raut twei jinkj un nich fuaz trajcht jemoakt woare kunn, schekjte see en daut aundre Hus un holpe jiedrem aundren Nobaschoftlich. Wan een Kaulf en de Nobaschoft toom Noba kaum, wudde see et eefach vedriewe un bloos saje, "Lot et nich wada nenn. Ons Jeträajd licht doa." Un aun Dinja aus daut Tooschlute von de Schien un aundre Jebieda, daut Vestäakje von Jäajenstend ooda daut trigj biete wiere donmols noch niemols jedocht worde.

Daut wia en de Tiet vonne Vodasch. Aus de Säns aune Macht vonne Famieljes kaume, endad sikj aules. Aules funk met eene Kjlienichkjeit aun. Iwan siene Schwia Dochta haud eene Han, dee zimlich tiedich en de Joarestiet lajd, un see funk aun, Eia fa Oostre to saumle. Jiedren Dach jinkj see nom Koare Schenn un funk een Ei enne Koare. Oba een Dach fluach de Han, woarschienlich von de Kjinja veenjst,

Упустишь огонь — не потушишь

Жил в деревне крестьянин Иван Щербаков. Жил хорошо; сам был в полной силе, первый на селе работник, да три сына на ногах: один женатый, другой жених, а третий, подросток, с лошадьми ездил и пахать зачинал. Старуха Иванова была баба умная и хозяйственная, и сноха попалась смиренная и работающая. Жить бы да жить Ивану с семьей. Только нерабочих ртов во дворе и было, что один старик-отец больной (от удушья седьмой год на печи лежал). Всего было вдоволь у Ивана — 3 лошади с жеребенком, корова с подтелком, 15 овец. Бабы обували, обшивали мужиков и в поле работали; мужики крестьянствовали. Хлеба своего за новину переходило. Овсом подати и нужду всю справляли. Жить бы да жить Ивану с детьми. Да двор об двор жил с ним сосед Гаврило Хромой — Гордея Иванова сын. И завелась с ним у Ивана вражда.

Пока старик Гордей жив был и Ивана отец хозяйствовал, жили мужики по-соседски. Понадобится сито бабам или ушат, понадобится мужикам веретье или колесо сменить до времени, посылают из одного двора в другой и по-соседски помогают друг дружке. Забежит теленок на гумно — сгонят и только скажут: не пускай, мол, у нас ворох не убран. А того, чтобы прятать да запирать на гумне или в сарае или клепать друг на дружку, того и в заводе не было.

Так жили при стариках. А стали хозяйствовать молодые — пошло другое. Затеялось всё из пустого. Занеслась у Ивановой снохи рано курочка. Стала молодайка собирать к Святой яйца. Что ни день, то идет за яичком под сарай в тележный ящик. Только спугнули, видно, ребята курицу, и перелетела она через плетень к соседу и там

äwa dän Tun em Nobahoff un läd äa Ei doa auf. De Fru horcht daut Koakle, säd oba to sikj selfst, "Ekj hab nu kjeene Tiet; ekj mott fa Sindach opprieme. Ekj hol daut Ei lota auf." Aum Owent jinkj see to däm Woage, funk doa oba kjeen Ei. See jinkj un fruach äare Schwiamutta un äaren Schwoaga, auf see daut Ei jenome haude. "Nä," see haude nich; oba äa jinjsta Schwoaga Taras säd, "Jun Bidy haft sien Ei em Nobahoff jelajcht. Doa koakeld see un fluach von doa äwa dän Tun trigj."

De Fru jinkj un sach de Han aun. Doa saut see met de aundre Väajel opp de Stang un schloot de Uage, om entoschlope. De Fru wenscht, see haud de Han froage kjenne un eene Auntwuat von äa jekjräaje haud. Dan jinkj see nom Noba, un Gabriel siene Mutta kjeem ut, om äa to trafte.

"Waut welst du, junge Fru?"

"O, Ooma, weetst du, miene Han es Vondoag Morje äwa jefloage. Haft see hia kjeen Ei jelajcht?"

"Wie habe niemols waut doavon jeseene. Däm Har sull Dank senne, onse ieejne Heena habe ver lange Tiet aunjefonge to laje. Wie saumle onse ieejne Eia un brucke kjeene aundre! Un wie sieekje nich no Eia oppe Häw von aundre Lied, Mejal!"

De junge Fru wia beleidicht un säd mea, aus see haud doone sull. Äa Noba auntwuat met Wutt, un de Frues funge sikj jääjensiedich aun to meshaundle. Iwan siene Fru, de Wota hole wull, kjeem jrod vebie un mischt sikj krakjt soo en. Gabriel siene Fru ield erut un funk aun de junge Fru väatoschmiete met Dinja, dee werkjlich passieet wiere, un met aundre Dinja, dee niemols passieet wiere. Dan funk een auljemeena Opprua aun, wua aule jlikj tiedich schrieen un vesochte, twee Wieeda jlikj tiedich erut to hole, un kjeene goot utjewälde Wieeda.

"Du best daut!" un "Du best daut!" un "Du best een Deef!" un "Du best eene Struns!" un "Du hungascht dienen oolen Schwiavoda to Doot!" un "Du best een Goot fa Nuscht!" un soo wieda.

"Un du hautst een Loch en daut Säw jemoakt, daut ekj die jeliel haud, du zenkjaschet Wief! Un et es ons Joch, opp däm jie june Amasch droage. Jäw ons eefach ons Joch trigj!"

Dan pakte see daut Joch un poaschte daut Wota ut, jripste sikj de Schal vom aundren un funge aun to

снесла. Слышит молодайка, кудахтает курочка, — думает: теперь недосуг, убраться надо в избе под праздник; ужотко зайду возьму. Пошла вечером под сарай к тележному ящичку — нет яичка. Стала молодайка спрашивать свекровь, деверя, — не брали ли. Нет, говорят, не брали; а Тараска, деверь меньшей, говорит: твоя хохлатка на дворе у соседа снесла, там кудахтала и оттуда прилетела.

Посмотрела молодайка на свою хохлатку, сидит рядом с петухом на перемете, уж глаза завела, спать собралась. И спросила бы у ней, где снесла, да не ответит, и пошла молодайка к соседям. Встречает ее старуха.

— Чего тебе, молодка, надо?

— Да что, — говорит, — баушка, моя курочка к вам нынче перелетала, не снесла ли она яичка где?

— И видом не видали. У нас свои, Бог дал, давно несутся. Мы своих собрали, а нам чужих не надо. Мы, деушка, по чужим дворам яйца собирать не ходим.

Обидно стало молодайке, сказала слово лишнее, соседка еще два; и стали бабы ругаться. Шла Иванова жена с водой, тоже ввязалась. Выскочила Гаврилова хозяйка, стала соседку укорять, помянула, что было, да и то, чего не было, приплела. И пошла трескотня. Все вдруг кричат, норовят по два слова в раз выговорить.

Да и слова-то все дурные. Ты такая, ты сякая, да ты воровка, шлюха, ты и старика свекра мором моришь, ты беспоставочная.

— А ты побирушка, сито мое продрала! Да и коромысло-то у тебя наше, — давай коромысло! Ухватились за коромысло, воду пролили, платки сорвали, стали драться. Подъехал с поля Гаврило, вступился за свою бабу. Выскочил Иван с сыном, свалились в кучу. Иван мужик здоровый был,

kjamfe. Gabriel kjeem von daut Felt trigj un hilt aun, om siene Fru to biestone. Vom Hus ruzhd Iwan un siene Säns un mischte sikj met de aundre en. Iwan wia een stoakja Kjieedel, hee vestreid de gaunze Menj un trock eene Hauntvoll Hoa ut Gabriel sien Boat. De Lied kaume, om to seene, waut loos wia, un de Kjamfa worde met Mieej jetrant.

Soo funk aules an.

Gabriel wekjeld dee von sienem Boat jerätne Hoa en eene Zeitunk un jinkj nom Distrikjt Rajcht, om daut Jesaz äwa Iwan to kjrie. "Ekj hab mie nich dän Boat wausse lote," säd hee, "fa Iwan, doamet hee däm erut trakjt!" Siene Fru jinkj to dän Noba un prold, see wudde Iwan veuadeele un no Sibirjen schekje lote. Un soo woss de Striet.

De oola Maun, von wua hee bowe oppem Owe lach, vesocht von Aunfank aun, see to Ru to brinje, oba see wulle nich toohiere. Hee säd to an, "Daut es eene daumelje Sach, no dee see sieekje, Kjinja, Striedichkjeit fa soone kjliene Aunjeläajenheit. Denkje see eefach no! Daut Gaunze funk met een Ei aun. De Kjinja habe daut veleicht jenome.

"Nu, waut es daut fa eene Sach? Wooväl kost dan een Ei? Gott schekjt jenuach fa aule! Aunjenome, äa Noba haft een onfrintlichet Wuat jesajcht. Sate see daut rajcht; wies ar, woo Maun eenen bäta sajcht! Wan daut een Kaumf jewast es, na, soone Dinja passiere. Wie sent aule Sinda, oba moak daut wada goot, un lot daut een Enj habe! Wan du dienen Oaja fläajst, woat et fa die selfst schlemma senne." Oba daut jinjre Volkj wudd nich opp dän oolen Maun hier. See dochte, siene Wied wieren bloos sennloos.

Iwan wudd sikj ver sienem Noba nich deemootichen.

"Ekj hab niemols sienem Boat jetrocke," säd hee. "Hee trock de Hoa selfst ut. Oba sien Sän haft aule Kjneep von mien Hamd jeräte. Kjijk die daut aun!"

Un Iwan jinkj uk to Jesaz. See worde vom Fräds Rechta un vom Distrikjt Rajcht ver Rajcht jestalt. Wäarent aul dit passieed, veschwunk de Stekjel von Gabriel sien Woage. Gabriel siene Fru beschulcht Iwan sien Sän, daut jenome to habe. See säd, "Wie habe jeseene, woo hee en de Nacht aun onsem Fensta vebie no de Koare jinkj; un een Noba sajcht, hee haft am em Bea Stua jeseene un däm Vepajchta dän Stekjel aunjebode."

раскидал всех. Гавриле клок бороды выдрал. Сбежался народ, насилиу розняли.

С того началось.

Завернул Гаврило свой клок бороды в грамотку и поехал в волостное судиться.

— Я, — говорит, — не затем ее растил, бороду-то, чтобы мне ее конопатый Ванька драл.

А жена его соседям хвалится, что они теперь Ивана засудят, в Сибирь сошлют. И пошла вражда.

Уговаривал их с печи старик еще с первого дня, да не послушали молодые. Говорил он им:

— Пустое вы, ребята, делаете и из пустого дело заводите. Ведь подумайте, все дело у вас из-за яйца завязалось. Подняли ребятишки яичко, ну и Бог с ним; в одном яйце корысти нисколько. У Бога про всех хватит. Ну, дурное слово сказала, а ты его поправь, научи, как лучше сказать. Ну, подрались — грешные люди. Бывает и это. Ну, подите, попроститесь, да крышка всему. А на зло пойдете — вам хуже будет.

Не послушали молодые старика, думали, что всё это старик не к делу говорит, а только по-стариковски брюзжит.

Не покорился Иван соседу.

Я, — говорит, — ему бороды не рвал, он ее сам себе выщипал, а его сын мне пельки оборвал и всю рубаху на мне. Вот она.

И поехал Иван судиться. Судились они и у мирового и у волостного. Пока судились, пропал у Гаврилы из телеги шкворень. Поклепали Гавриловы бабы этим шкворнем Иванова сына:

— Мы, — говорят, — видели, как он ночью мимо окна к телеге подходил, а кума сказывала, он в кабак заезжал, там кабашнику шкворнем набивался.

Aulsoo jinje see doarāwa nom Jesaz. Un Tus vejinkj kjeen Dach one Striet ooda Kaumf. Uk de Kjinja mesbrukte sikj jāajen siedich, nodām see von āare Elre jeliheet haude; un aus sikj de Frues toofalich aum Fluss Eewa troffe, wua see de Kjleeda speelde, rinjde āare Oarme nich soo sea, aus āare Tunge jnerde.

Toieescht beleidichte de Buares sikj bloos enaunda; oba doano funge see werklich aun, aules to jriipse, waut praktisch wia, un de Kjinja foljde āarem Biespel. Daut Lāwe wort fa an emma schwiericha. Iwan Stcherbakof un Limping Gabriel vekloagde sikj jāajensiedich en de Darp Vesaumlunk, biem Distrikjt Rajcht un ver dām Frāds Rechta, bat aule Rechta see saut haude. Nu haft Gabriel Iwan to eene Jelt Strof veuadeelt ooda enjespoat; dan deed Iwan soo vāl met Gabriel; un je mea see sikj jāajensiedich spieejde, desto wuttenda worde see; aus Hunj, dee sikj jāajensiedich aunjriepe un emma wuttenda woare, je lenja see kjamfe. Du schleist eenen Hunt von hinje un hee jleeft, daut de aundra Hunt am bitt, un woat noch groffa. Aulsoo met dise Buasch, see jinje ver Rajcht, un de eene ooda aundre von an wort to eene Jelt Strof veuadeelt ooda enjespoat, oba daut muak an emma Wuttenda opp enaunda.

“Wachte see een bāt,” sāde see, “und ekj moak an doafāa betole.” Un soo jinkj et sas Joare wieda. Bloos de oola Maun, dee bowe opp dām Owe lach, sād an emma wieda, “Kjinja, waut moakt jie? Hiee opp, aul daut trigjitotole. Hoole see sikj aun june Oabeit, un moake see kjeene Boosheit. Daut woat fa junt bāta senne. Je mea jie Boosheit droage, desto schlemma woat et senne.”

Oba see wudde nich opp am hiere. Em sāwenden Joa bie eene Kjast, schāmd Iwan siene Schwia Dochta Gabriel endām see am veschuldicht, biem Pieed Stāle erwischt worde to senne. Gabriel wia bedrunke un kunn sienen Oaja nich unjadrekje. Hee gauf de Fru eenen soonen Klaups, daut see eene Wāakj lang oppjelajcht wort; un see wia to de Tiet schwanga. Iwan wia voll von Freid. Hee jinkj nom Rechta, om eene Kloag enrieekje.

"Nu woa ekj mienen Noba looswoare! Hee woat de Haft hia nich entkome, ooda woat no Sibirjen vebaunt woare," sād hee. Iwan sien Wensch wort oba nich erfelt. De Rechta wees dān Faul auf. De Fru wort unjasocht, oba see wia aul unjawāajes un wees kjeen

Опять стали судиться. А дома что ни день, то брань, а то и драка. И ребята бранятся, у старших научаются, и бабы на речке сойдутся, не столько вальками бьют, сколько языками стрекочут, и всё на зло.

Сначала клепали мужики друг на дружку, а потом и вправду, чуть что плохо лежит, стали и таскать. И так и баб и ребят приучили. И стало житье их всё хуже и хуже. Судились Иван Щербаков с Гаврилой Хромым и на сходках, и в волостном, и у мирового, так что и судьям всем надокучили; то Гаврило Ивана под штраф подведет или в холодную, то Иван Гаврилу. И что больше они друг дружке пакостили, то больше злились. Собаки схватятся: что больше дерутся, то больше остервеняются. Собаку сзади бьют, а она думает, что это ее та кусает, и еще пуще зарится. Так и эти мужики: поедут судиться, их накажут, того либо другого, штрафом или арестом, и за всё это у них друг на дружку сердце разгорается.

«Погоди ж, мол, я тебе всё это выворочу». И шло так у них дело 6 годов. Только старик на печи всё одно говорил. Начнет, бывало, усовещивать: — Что вы, ребята, делаете? Бросьте вы все счёты, дело не упускайте, а на людей не злобьтесь, лучше будет. А что больше злобитесь, то хуже.

Не слушают старика. Зашло дело на седьмом году о том, что на свадьбе стала сноха Иванова Гаврилу при народе срамить, стала его уличать, что он с лошадьми попался. Был Гаврило пьяный, не сдержал своего сердца, ударил бабу и зашиб так, что она неделю лежала, а баба тяжелая была. Обрадовался Иван, поехал с прошением к следователю.

Теперь, думает, развяжусь я с соседом, не миновать ему острога или Сибири. Да опять не вышло Иваново дело. Не принял следователь прошенья; освидетельствовали бабу; баба встала и знаков нет. Поехал Иван к мировому, и тот

Tieekjen von Velazunk. Dan jinkj Iwan toom Fräd Jerecht, oba doa beweese see däm Faul aum Distrikjt Jerecht. Iwan bemieejd sikj sea. Hee brocht dän Schriewa un dän Eltesta vom Distrikjt Jerecht eenen Lieta Schnaups un dan sull Gabriel vepriejelt woare. De Strof wort Gabriel vom Sach Oabeida väajeläst, "Daut Jerecht veordnet, daut de Bua Gabriel Gordey biem Distrikjt Jerecht twintich Pitsch Heiwe met eene Birke Stang kjrree saul."

Uk Iwan horcht dän Sauz vääläse un kjikjt Gabriel aun, om to seene, woo hee daut aunnäme wudd. Gabriel wort blaus aus een Blaut, dreid sikj om un jinkj rut nom Gank. Iwan foljd am un wull no sien Pieet seene, un hee hieed Gabriel saje, "Sea goot! Hee woat mienen Rigje priejle lote; soo woat hee mie brenne lote; oba waut von am kaun schlemma aus daut brenne!"

Aus Iwan dise Wieed hieed, jinkj hee fuaz em Jerecht trigj un säd, "Rajchta Rechta! Hee dreift mien Hus en Braunt to sette! Hiee too, hee haft et en de Jäajenwuat von Zeije jesajcht!"

Gabriel wort trigj jeroopt. "Es daut woa, daut du daut jesajcht hast?"

"Ekj hab nuscht jesajcht. Priejel mie, doa du de Macht hast. Daut schient, daut ekj auleen leide mott un soogoa wan ekj daut Rajcht hab, wäarent hee doaf doone, waut hee well."

Gabriel wull noch waut saje, oba siene Leppe un Bake zettade un hee dreid sikj to de Waunt. Soogoa de Beaumte haude Angst von sien Jesecht. "Hee kaun sikj selfst ooda sienen Noba waut aungone," dochte see.

Dan säd de oola Rechta, "Kjikj mol häa, mien Maun; du sulst bäta veninflich senne un daut nohole. Wia daut rajcht von die, Frint Gabriel, eene schwangare Fru to schloage? Daut wia een Jlekj, daut et soo goot utjekome es, oba denkj doaraun, waut passieet haud kjenne! Wia et rajcht? Du sulst bäta bekjane un om Vezeiunk froage, un hee woat die vejäwe, un wie woare dän Sauz endre."

De Faul Oabeida hieed dise Wieed too un bemoakjt, "Daut es no Sazunk 117 nich mäajlich. Wäm eene Veenboarunk tweschen de Parteie nich toostaunt jekome, dan irjent eene Entscheidunk dee vom Rechta utjesproake wort, mott utjefieet woare."

De Rechta horcht oba nich opp dän Faul Oabeida. "Hool diene Tung stell, mien Frint," säd hee. "Daut

переслал дело в волостное. Стал Иван хлопотать в волости, писарю со старшиной полведра сладкой пропоил и выхлопотал, что присудили высечь Гавриле спину. Прочли Гавриле на суде решение.

Читает писарь: «Суд постановил: наказать крестьянина Гаврилу Гордеева 20-ю ударами розог при волостном правлении».

Слушает и Иван решение и глядит на Гаврилу: что от него теперь будет? Выслушал Гаврило, побелел как полотенце, повернулся, вышел в сени. Вышел за ним Иван, хотел к лошади, да услышал, — говорит Гаврило:

— Ладно, — говорит, — он мою спину высечет, загорится она у меня, да и у него как бы больше чего не загорелось.

Услыхал эти слова Иван, тотчас вернулся к судьям.

— Судьи праведные! Он меня спалить грозит. Прислушайте, при свидетелях сказал.

Позвали Гаврилу.

— Правда, ты говорил?

— Я ничего не говорил. Секите, коли ваша власть есть. Видно, мне одному за мою правду страдать, а ему всё можно.

Хотел еще что-то сказать Гаврило, да затряслись у него и губы и щеки. И отвернулся к стенке. Испугались даже судьи, глядя на Гаврилу. Как бы, думают, он и впрямь чего худого над соседом или над собой не сделал.

И стал старичок-судья говорить:

— А вот что, братцы: сойдитесь-ка вы лучше добром. Ты, брат Гаврило, разве хорошо сделал — тяжелую бабу ударил? Ведь хорошо, Бог помиловал, а то какой бы грех сделал. Разве хорошо? Ты повинись да поклонись ему. А он простит. Мы это решение перепишем.

Услыхал это писарь и говорит:

— Это нельзя, потому что на основании 117-й ст. миролюбивое соглашение не состоялось, а состоялось решение суда, и решение должно войти в силу.

Но судья не послушал писаря.

— Будет, — говорит, — язык чесать-то. Первая

ieeschte von aule Jesaze es, Gott to jehorche, dee de Fräd leeft." De Rechta funk nochmol aun, de Buares to awazeije, haud oba kjeen Erfolg. Gabriel wull nich opp am hiere.

"Ekj woa näakjstet Joa feftich senne," säd hee, "un hab eenen befrieden Sän, un ekj sie noch niemols en mienem Läwe utjepitscht worde, un nu haft mie de Iwan met de Pocke mie doatoo veuadeelt, utjepitscht to woare. Nu saul ekj am om Vejäwunk froage? Nä; ekj hab jenuach jeliel. Iwan woa ekj eenen Grunt jäwe, sikj aun mie to denkje!"

Wada zettad Gabriel siene Stem un hee kunn nich mea saje, dreid sikj oba om un jinkj erut.

Daut wiere säwen Miel vom Jerecht bat toom Darp, un daut wort lot, aus Iwan no Hus kaum. Hee spaund sien Pieet auf, brocht et fa de Nacht em Staul un jinkj en de Bood. Kjeena wia doa. De Frues wiere aule jegone, om daut Vee no Hus to brinje, un de junge Kjieedels wiere noch nich vom Felt trigj jekjieet.

Iwan jinkj nenn n sad sikj han un docht no. Hee erinnad sikj, woo Gabriel däm Sauz tojehieet haud un woo blaus hee jeworde wia un woo hee sikj to de Waunt jedreit haud. Iwan sien Hoat wort schwoa. Hee docht, woo hee sikj feele wudd, wan hee veuadeelt wort; un hee haud Metleet met Gabriel. Dan horcht hee sienen oolen Voda oppem Owe hooste un sach, woo hee sikj hansad, siene Been rauf leet un erauf klautad. De oola Maun schlapt sikj langsam to eenen Plauz un sad sikj dol. Hee wia zimlich meed von de Aunstrenjunk un hoost lang. Dan länd hee sikj aun dän Desch un säd, "Nu, wort hee veuadeelt?"

"Jo, to twintich Schloage met de Stange," auntuwad Iwan.

De oola Maun scheddad dän Kopp.

"Een schljachtet Jeschaft," säd hee. "Du deist faulsch, Iwan! O! Daut es sea schlemm. Nich fa am, sonda fa die selfst! Nu, see woare am priejle. Oba woat die daut goot doone?"

"Hee woat daut nich wada doone," säd Iwan.

"Waut moakt hee nich noch eenmol? Waut haft hee schlemma jedone aus du?"

"Nu, denkj aun dän Schode, dän hee mie aunjedone haft!" säd Iwan. "Hee haud meist de Fru von mien Sän omjebrocht, un nu dreift hee ons to vebrenne. Saul ekj am doafäa danke?"

статья, брат, одна: Бога помнить надо, а помириться Бог велел.

И стал судья опять уговаривать мужиков, да не уговорил. Не стал его Гаврило слушать.

— Мне, — говорит, — без году пятьдесят, у меня сын женатый, и бит я отродясь не был, а теперь меня конопатый Ванька под розги привел, да я же ему поклонись! Ну, да будет... Попомнит меня и Ванька!

Задрожал опять голос у Гаврилы. Не мог больше говорить. Повернулся и вышел.

От волости до двора 10 верст было, и вернулся Иван домой поздно. Уж бабы вышли скотину встречать. Отпрёг он лошадь, убрался и вошел в избу. В избе никого не было. Ребята с поля не ворочались, а бабы скотину встречали. Вошел

Иван, сел на лавку и задумался. Вспомнил он, как Гавриле решение объявили и как он побелел и к стене повернулся. И защемило ему сердце. Примерил он к себе, кабы его высесть присудили. И жалко ему стало Гаврилы. И слышит он, закашлялся старик на печи, поворочался, спустил ноги и полез с печи. Сполз старик, протатился до лавки и сел. Уморился до лавки доползть, кашлял, кашлял, старик, откашлялся, оперся на стол и говорит:

— Что ж? присудили?

Иван говорит:

— 20 розг присудили.

Помотал головой старик.

— Худо, говорит, Иван, ты делаешь. Ох, худо! Не ему, себе худо делаешь. Ну, выпорят ему спину, тебе-то полегчает, что ли?

— Вперед не будет, — сказал Иван.

— Чего не будет-то? Чем он хуже тебя делает?

— Как, чего он мне сделал? — заговорил Иван.

— Он бабу бы до смерти убил, да он и теперь сжечь грозится. Что ж ему кланяться за это?

De oola Maun sefst un säd, "Du jeist derch de wiede Welt, Iwan, wäarent ekj aul de Joare oppem Owe ligj. Du denkst, du sitst aules un ekj see nuscht. O, Jung! Du sitst daut nich. Boosheit moakt die blint. Aundre Sinde sent ver diene Uage, oba diene Ieejne sent hinja dien Rigje. 'Hee haft schljacht jehaundelt!' Waut to saje? Wan hee de eensja wia, de schljacht jehaundelt haud, woo kunn daut Striet jäwe? Es de Striet unja Mana jeemols von eenen auleen jemoakt? Striet es emma tweschen twee Du kaunst seene, woo schljacht hee es, oba sitst die selfst nich. Wan hee schljacht wia, oba du goot wieescht, wudd daut kjeen Striet jäwe. Wää trock sikj de Hoa ut von sien Boat? Wää haft sienen Heihupe vedorwe? Wää haft am verem Jerecht jebrocht? Trozdam hast du aules opp am jelajcht! "Du läfst selfst een schljachtet Läwe, daut es, waut faulsch es! Daut es nich soo, aus ekj ea jeläft hab, Jung, un soo hab ekj die nich jeliieet. Es daut soo, woo sien oola Voda un ekj ea jeläft habe? Woo hab wie jeläft? Na, soo aus de Nobasch sulle! Wan am mol daut Mäl utjinkj, kaum eene von de Frues han, 'Onkel Troll, wie welle waut Mäl.' 'Gone See en de Schien, Schauz,' wudd ekj saje, 'Näme see met, waut see brucke.'

Wan hee kjeenem haud, dee siene Pieed opp de Weid brinje kunn, 'Go du, Iwan,' wudd ekj saje, 'un kjemma die om siene Pieed.' Un wan mie irjentwaut fäld, wudd ekj to am gone. 'Onkel Gordey,' wudd ekj saje, 'Ekj well soo un soo!' 'Nemm daut Onkel Troll!'

"Soo wia et tweschen ons un wie haude eene leichte Tiet. Oba nu? De Soldot von latste Wäkj vetald ons vom Kauf en Plevna. Daut jeft Kjrich tweschen junt, daut schlemma es aus en Plevna! Es daut een Läwe? Waut fä eene Sind es daut! Du best een Maun un Meista vom Hus; du woascht auntwuade motte. Waut unjarechst du de Frues un de Kjinja? Gnorre un biete? Latst haft dien Taraska, de Jreensnowel de Nobasche Irena beschempt un dien Nome jeroopt; un siene Mutta horcht too un lacht. Es daut rajcht?

"Du woascht Auntwuat jäwe motte. Denkj aun diene Seel. Es daut aules soo, aus et senne sull? Du schmitst een Wuat opp mie un ekj jäw die twee trigj; du jefst mie eenen Klaups un ekj jäw die twee. Nä, Jung! Christus, aus hee opp de Ieed läwd, haft ons Domkjap waut gaunz aundret biejebrocht. Wan du een hoadet Wuat von jeemaunden kjrichst, bliew stell, un sien ieejnet Jewesse woat am aankloage. Daut haft ons Har

Воздохнул старик и говорит:

— По всему ты, Иван, вольному свету ходишь и ездешь, а я на печи который год лежу, ты и думаешь, что ты всё видишь, а я ничего не вижу. Нет, малый, тебе ничего не видно; тебе злота глаза замстила. Чужие-то грехи перед собой, а свои за спиной. Что сказал: он худо делает! Кабы он один худо делал, зла бы не было. Разве зло промеж людьми от одного заводится? Зло промеж двоих. Его плохоту тебе видно, а свою не видать. Кабы он один был зол, а ты бы хорош, зла бы не было. Бороду-то ему кто выдрал? Копну-то исполную кто поднял? По судам-то кто его волочил? А все на него воротишь. Сам плохо живешь, оттого и худо. Не так я, брат, жил и не тому вас учил. Мы с стариком, с отцом его, разве так жили? Мы жили как? — по-соседски. У него мука дошла, придет баба: — дядя Фрол, муки надо! — Иди, мол, молодка, в амбар, насыпай сколько надо.

—У него некого с лошадыми послать, — ступай, Ванятка, сведи его лошадей. — А у меня чего нехватка, иду к нему. — Дядя Гордей, того-то, того-то надо. — Бери, дядя Фрол!

—Так у нас шло. И вам житье легкое было. А теперь что? Вот наемни солдат про Плевну сказывал. Что ж, у вас теперь война хуже Плевны этой. Разве это житье? А грех-то! Ты мужик, ты хозяин в дому. С тебя спросится. Ты чему своих баб да ребят учишь? Собачиться. Намеднись Тараска и тот, сопьяк, тетку Арину костит поматери, а мать на него смеется. Разве это добро? Ведь с тебя спросится! Ты об душе-то подумай. Разве так надо?

Ты мне слово — я два, ты мне плюху — я тебе две. Нет, малый, Христос по земле ходил, не тому нас, дураков, учил. Тебе слово, а ты смолчи, — его самого совесть обличит. Вот как Он нас, Батюшка, учил. Тебе плюху, а ты под другую подвернишь: на, мол, бей, коли я того стою. А его совесть и зазрит. Он и смирится, и тебя послушает. Так-то Он нам приказывал, а не

ons jeliheet. Wan du eene Uaklaups kjrīchst, drei dām de aundre Bak. 'Hia, schlo mie, wan daut es, waut ekj vedeent hab!' Un sien ieejnet Jewesse woat am trajcht wiese. Hee woat wieekj woare un opp die hierē. Soo haft hee ons jeliheet, nich Stolt to senne! Wuarom rātst du nich? Es daut nich soo, waut ekj saj?"

Iwan saut stomm un horcht bloos too.

De oola Maun hoost un funk nochmol aun, "Du jleefst, daut Christus ons faulsch jeliheet haft? Daut es aules to onsem Basten. Denkj du bloos aun dien irdischet Lāwe. Jeit et junt bāta ooda schljachta, seit dise Plevna unja junt aunfunk? Äwalaj die eefach, waut du fa aul dise Rajchts Jeschafte utjejäft hast, waut daut han-un-hāa Foare un dien Äte unjawāajes jekost haft! Waut fa feine Junges diene Sāns jeworde sent! See kjenne Lāwe un goot metenaunda utkome; oba nu woare diene Meddel weinja nich jrata. Wuarom? Aules wāajen dise Dommheit; wāajen dien Stolt. Du sulst met diene Junges plieeje un daut Seie selfst doone; oba de Fient entfieet die nom Rechta gone. Daut Plieeje woat nich Rajchttietich jedone, un daut Seie kaun Mutta Ieed nich mea uthoole. Wuarom haft de Howa dit Joa vesajcht? Wan hautst du daut jeseit? Aus du von de Staut trigj kjeemst! Un waut hautst du jewonne? Eene Belaustunk fa diene ieejne Schulre. O, Jung, denkj du aun diene ieejne Aunjelāajenheite! Schauf met diene Junges oppem Felt un to Hus toop, un wan die wāa beleidicht, vejeff am, aus Gott die daut jewenschst haft. Dan woat daut Lāwe eefach un dien Hoat woat emma dach senne."

Iwan bleef stell.

"Iwan, mien Jung, hia du mol dien oolen Voda! Go du un spaun du dān Rootschemmel aun un foa du fuaz no de Rejierunk Offiz. Moak du de gaunze Sach doa to Enj; un Morje tiedich moak du et met Gabriel en Gottes Nome wada goot un lod du am fa dān Morjeschen Heljedach en dien Hus en. Moak du Tee reed, nemm du eene Buddel Wodka. Moak du to disem Beesen Jeschaft een Enj, doamet et en de Tookunft nich mea doatoo kome sull, un fodda du de Frues un Kjinja opp, dautselwje to doone."

Iwan sefst un docht, "Waut hee sajcht, es woa," un sien Hoat wort leichta. Bloos hee wist nich, woo hee de Dinja rajcht stale sull.

Oba wada funk de oola Maun aun, aus hee jeont haud, waut en Iwan siene Jedanke wia.

"Go, Iwan, lot et nich! Lasch daut Fia, ea daut sikj

гордыбачить. Что ж молчишь? Так ли я говорю?

Молчит Иван — слушает.

Закашлялся старик, насилу отплевался, опять стал говорить:

— Ты думаешь, Христос-то нас худому учил? Ведь всё для нас же, для добра. Ты об земном житье-то своем подумай: что тебе лучше али хуже стало с тех пор, как эта Плевна у вас завелась? Ты посчитай-ка, что ты провел добра на суды, что ты проездил, да прохарчил? У тебя сыновья-то какие орлы поднялись, тебе бы жить да жить, да в гору идти, а у тебя недостаток убывать стал. А отчего? Всё оттого. От гордости от твоей. Тебе надо с ребятами в поле ехать да самому рассеять, а тебя враг к судье али к стракулисту какому гонит. Не во-время вспашешь, не во-время посеешь, она, матушка, и не родит. Овес-то отчего ныне не родился? Ты когда сеял? Из города приехал. А что высудил? Себе на шею. Эх, малый, ты свое дело помни: ворочай с ребятами на пашне да в дому, а обидел тебя кто, так ты по Божьи прости, и по делу-то вольготнее тебе будет, и на душе-то легость у тебя всегда будет.

Молчит Иван.

— Ты вот что, Ваня! Послушай ты меня, старика. Поди ты, запряги чалаго, поезжай ты тем же следом в Правление, прикрой ты там все дела и поди ты на утро к Гавриле, попростись ты с ним по-божески, да к себе позови, завтра же праздник (дело было под Рождество Богородицы), поставь самоварчик, полштоф возьми и развяжи ты все грехи, чтоб и вперед их не было, и бабам и детям закажи.

Воздохнул и Иван, думает «правду старик говорит», и отошло у него вовсе сердце. Только не знает, как дело это сделать, как помириться теперь.

И начал опять старик, точно угадал.

— Поди, Ваня, не откладывай. Туши огонь в

utbreet, ooda et too lot es."

De oola Maun wull noch mea saje, oba ea hee dit doone kunn, kaume de Frues enenn un plaupade aus Heista. De Norecht, daut Gabriel to Priejel Strof veuadeelt wort, un siene Dreiw, daut Hus en Braunt to sate, haud see aul jekjräaje. See haude aules doaräwa jehieet un jeewe waut ieejnet naun un haude wada eenen Striet, opp de Weid met de Frues von Gabriel sien Hushault. See funge aun to vetale, woo Gabriel siene Schwia Dochta dreiwd eene niee Haundlunk auntofange. Gabriel haud de rajchte Sied vom Unjasieekjunk Rechta jekjräaje, dee nu de gaunze Aunjeläajenheit opp dän Kopp stale kunn. De School Meista wudd eene wiedre Pettischen äwa Iwan opp dän Zaar selfst schriewe. Un aules wia en de Pettischen enthoole, aules äwa de Stekjel un dän Jemies Goade. De Halft von Iwan sien Hoff wudd dan boolt bie an senne. Iwan hieed, waut see säde, un sien Hoat wort wada kolt, un hee gauf de Jedanke opp, met Gabriel Fräd to schlute.

Opp eenen Hoff jeft et emma väl fa dän Meista to doone. Iwan horcht nich opp, met de Frues to råde, sonda jinkj toom Draschplauz un en de Schien. Aus hee doa oppjeriemt haud, wia de Sonn unjajegone un de junge Kjieedels wiere vom Felt trigj jekjieet. See haude met twee Pieed daut Felt fa de Winta Kultua jeplieecht. Iwan troff see, befruach an äwa äare Oabeit, holp, aules aun sienen Plauz to brinje. Hee läd een aufjeräten Pieet Kroage toom trajcht moake to Sied un wull eenje Stakja unja de Schien wajchlaje. Daut wia aul zimlich dunkel jeworde, un dit entscheid am dee doa to lote, wua see bat nom näakjsten Dach wiere. Dan gauf hee daut Vee äa Fooda, muak daut Puat op, leet de Pieed rut, dee Taras fa de Nacht opp de Weide näme sull, un schloot daut Puat wada un schloot et too.

"Nu," docht hee, "Woa ekj Owentkost äte gone un dan to Bad gone." Hee naum dan Pieet Kroage un beträd de Bood. To dise Tiet haud hee Gabriel vejäte un daut, waut sien oola Voda am jesajcht haud. Aus hee jrod dän Däa Jräp naum, om dän Derchgang to beträde, hieed hee jeemaunt sienen Noba opp de aundre Sied vom Tun met heesche Stemm veflieekje, "Wuaväa nom Diewel es hee goot?" säd Gabriel. "Hee kaun bloos omjebrocht woare!" Bie dise Wieed erwacht wada Iwan siene ieeschtemma Bettanis jäajenäwa sienem Noba. Hee horcht to, wäarent Gabriel loamd,

начале, а разгорится — не захватишь.

Хотел еще что-то сказать старик, да не договорил: пришли бабы в избу, защекотали, как сороки. До них уж все вести дошли: и как Гаврилу присудили розгами высечь, и как он сжечь грозился. Всё узнали и своего приплели, и уж с Гавриловыми бабами на выгоне опять побраниться успели. Стали рассказывать, как им Гаврилова сноха грозилась производителем. Производитель, мол, Гаврилову руку тянет. Он теперь всё дело перевернет, а учитель, мол, уж другое прошение к самому царю на Ивана писал, и в прошении все дела прописаны: и об шкворне, и об огороде, и половина усадьбы теперь к ним перейдет. Послушал их речи Иван, и застыло у него опять сердце, и раздумал мириться с Гаврилой.

У хозяина во дворе всегда дела много. Не стал с бабами говорить Иван, а встал и пошел из избы, пошел на гумно и в сарай. Пока убрался там да вернулся во двор, уже и солнышко зашло; подъехали и ребята с поля: они яровое под зиму надвоем пахали. Встретил их Иван, порасспросил про работу, подсобил убраться, отложил хомут разорванный починить, хотел еще убрать жерди под сарай, да уж вовсе смерклось. Оставил Иван жерди до завтра, а подкинул скотине корму, отворил ворота, выпустил Тараску с лошадьми на улицу ехать в ночное и опять запер ворота, заложил подворотню.

«Теперь поужинать да и спать», подумал Иван, захватил хомут рваный и пошел в избу. И забыл он к тому времени и про Гаврилу, и про то, что отец говорил. Только взялся за кольцо, входит в сени, слышит — из-за плетня ругается на кого-то сосед хриплым голосом.

«На кой его дьявола! — кричит на кого-то Гаврило. — Убить его стоит!» Так и всплыло у Ивана от этих слов всё прежнее зло на соседа. Постоял он, послушал, покуда Гаврило ругался. Затих Гаврило, пошел и Иван в избу.

un aus hee aunhilt, jinkj Iwan en de Bood.

Doa wia een Licht benne; siene Schwia Dochta wia drock met Spenne, siene Fru muak daut OwentBroot reed, sien elsta Sän muak Reemes fa Boakj Schoo, sien tweeda saut met eenen Buak biem Desch un Taras bereed sikj doafää, de Pieed fa de Nacht oppe Weid to brinje. Aules en de Bood wudd maklich un dach jewast senne, oba fa disen Pestilens, een schljachta Noba!

Iwan staupst mesmootich en; hee schmeest de Kaut von de Benkj erauf un scheld de Frues doafää, daut see de Amasch aun de faulsche Städ jebrocht haude. Hee feeld sikj mootloos un sad sikj diesta han, om dän Pieed Kroage trajcht to moake. Gabriel siene Wieed klinjelde emma wada en siene Uare, siene Dreiw ver däm Rechta un daut, un waut jee jrod met heesche Stem jeroopt haud, daut jeemaunt 'bloos doatoo paussent wia, omjebrocht to woare.'

Siene Fru gauf Taras sien OwentBroot, un nodäm hee daut jejäte haud, trock hee een oolet Schopsfal un eenen aundren Mauntel aun, bunk eene Binj om siene Taulj, naum waut Broot met un jinkj to de Pieed. Sien elsta Brooda wudd am Aufscheet näme, oba Iwan selfst stunt opp un jinkj opp de Veranda erut. Bute wia et zimlich dunkel jeworde, Wolkje haude sikj toopjetrocke, un de Wint haud toojenome. Iwan jinkj de Trap erauf, help sienem Jung biem Aufstie, schoof daut Falm am hinjaraun un horcht to, wäarent Taras daut Darp delenjd reet un doa met aundre Junges opp äare Pieed kaum. Iwan wacht, bat see aule butrem Hiere wiere. Aus hee aum Puat stunt, kunn hee Gabriel siene Wieed nich ut däm Kopp kjreeje, "Beacht mau, daut woat von junt waut schlemma brenne!"

"Hee es vetwieweld", docht Iwan. "Aules es drieech, un butadäm es et windich. Hee woat irjentwua hinje raufkome, waut aunstekje un loosfoare. Hee woat dän Uat vebrenne un frie flichte, de Heltabless! Nu, wan Maun am doabie erwische kunn, wudd hee nich derchbrenne!" Un de Jedanke stald sikj en am faust aun. Hee jinkj nich de Trap enopp, sonda jinkj opp de Gaus rut un om de Akj. "Ekj go eefach om de Jebieda erom. Wää kaun saje, waut hee well?"

Un Iwan staupst leise un jinkj derchem Puat. Sooboolt hee bat de Akj kjeem, kjikjt hee velenjst dän Tun, un am schien oppenst eene Bewääjunk aun de jäänäwa

Вошел он в избу, в избе засветили огонь; молодайка в углу сидит за пряхой, старуха ужинать собирает, старший сын оборки вьет на лапти, второй у стола сидит с книжкой, Тараска в ночное убирается.

В избе всё хорошо, весело, кабы не зазноба эта — сосед лихой.

Вошел Иван сердитый, сбросил кошку с лавки и баб разбрал, что у них лохань не на месте. И скучно стало Ивану; сел он, нахмурился и стал хомут чинить, и не идут у пего из головы Гавриловы слова, как он на суде погрозился и как сейчас прокричал хриплым голосом про кого-то: «убить его стоит!».

Собрала старуха Тараске ужинать; поел он, надел шубенку, кафтан, подпоясался, взял хлеба и пошел на улицу к лошадям. Хотел его старший брат проводить, да Иван сам встал и вышел на крыльцо. На дворе уж вовсе темно, черно стало, наволокло и поднялся ветер. Сошел Иван с крыльца, посадил сынишку, пугнул за ним жеребенка и постоял, посмотрел, послушал, как поехал Тараска вниз по деревне, как съехался с другими ребятами и как все они выехали из слуха вон. Постоял, постоял Иван у ворот, и не выходят у него из головы Гавриловы слова: «как бы у тебя больше не загорелось».

«И себя, — думает Иван, — не пожалеет. Сушь стоит, да еще ветер. Зайдет где с задов, сунет огонь, да и был таков; сожжет, злодей, и да и прав останется. Вот кабы накрыть его, уж не ушел бы!» И так запала эта Ивану думка в голову, что не пошел он назад на крыльцо, а прямо сошел на улицу и за ворота, за угол. «Дай обойду двор. Кто его знает». И пошел Иван тихой ступней вдоль ворот.

Только зашел он за угол, поглядел вдоль плетня, и покажись ему, что на том углу что-то мотнулось, как будто высунулось и опять

ligjende Akj to seene. Daut sach aus wan jeemaunt erut jekome un wada veschwunge wia. Iwan hilt opp, un bleef leise stone, horcht too un kijikt. Aules wia still; bloos de Bläda von de Weide Beem flautade em Wint un de Stroo Haulms vom Dak ruschelde. Toiescht schiend et stock dunkel to senne, oba aus sikj siene Uage aun de Dunkelheit jewant wiere, kunn hee de Akj un eenen Pluach, dee doa lach, un de Trube vom Dak seene. Hee kijikt eene Stootskje rom, sach oba kjeenem.

“Ekj näm aun, daut wia een Fäla”, docht Iwan. “Oba ekj woa trotzdem rutgone,” un Iwan jinkj heemlich delenjd de Schenn entlank. Iwan staupt soo leise en siene Boakj Schoo, daut hee siene ieejne Schräd nich hieed. Aus hee to de hinjaschte Akj kjeem, schiend waut dicht biem Pluach opp to dache un wada to veschwinje. Iwan feeld sikj, aus wan hee em Hoat jetroffe wia; hee bleef stone. Kaum wia hee stell jestone, aus aun de biejljkje Städ waut dacha oppflaumd un hee dietlich eenen Maun met eene Metz opp däm Kopp seene kunn, dee sien Rigje to am jedreit haud. Een Hupe Stroo stuak en siene Haut. Iwan sien Hoat flautad en am aus een Voagel. Hee spaund jiede Narf aun un jinkj verwoaz met groote Schräd, kaum späad hee siene Been. “O,” docht Iwan, “nu kaun hee nich mea fliee. Ekj woa am en fresche Dot äwarausche!”

Iwan wia noch eene Strakj wiet auf, aus hee oppeenst een dachet Licht sach, oba nich aun de biejljkje Städ aus ea, un kjeene kjiene Flaum. De Stroodak wia bie de Trubb oppjeflaumt, de Flaume rieekjte bat nom Dak, un Gabriel siene gaunze Figura wia dietlich to seene.

Aus eene Faulkje, dee opp eene Leewoakj erauf felt, stormd Iwan opp Limping Gabriel opptoo. ‘Nu woa ekj am habe; hee woat mie nich entkome!’ docht Iwan. Oba Gabriel haud woll siene Schräd jehieet, un aus Iwan sikj om kijikt, rand Gabriel aus een Hos aun de Schien vebie.

“Du woascht nich fliee!” roopt Iwan un rand am no. Jrod aus Iwan am aunjriep wull, jinkj Gabriel am utem Stich; oba Iwan jelunk et, dän Rock von Gabriel sien Mauntel to fange. Daut reet loos un Iwan foll han. Hee erhild sikj un roopt, “Help! Jriep am! Deef! Mort!” Hee rand wada wieda. Entweschen wia Gabriel bat siene ieejne Däa jekome. Doa äwahold Iwan am un

спряталось за угол. Остановился Иван и притих, — слушает и смотрит: всё тихо, только ветер листочки на лозине треплет и по соломе шуршит. То было темно, хоть глаз выткни, а то пригляделись глаза в темноте: и видит Иван весь угол, и соху и застреху. Постоял он, посмотрел: «нет никого».

«Видно, померещилось, — подумал Иван, — а всё-таки обойду», и пошел крадучись вдоль сарая. Ступает Иван тихо, в лаптях, так что и сам своих шагов не слышит. Дошел до угла — глядь, на том конце что-то блеснуло у сохи и опять скрылось. Так и ударило Ивана в сердце, и остановился он.

Только остановился он, на том же месте вспыхнуло ярче, и явственно видно — сидит на корточках к нему спиной человек в шапке и соломы пучок в руках разжигает. Забилось у Ивана сердце в груди, как птица, и напряжился он весь и зашагал большими шагами. Сам под собой ног не слышит. «Ну, — думает, — теперь не уйдет, на месте захвачу!»

Не дошел Иван еще двух прогалков, как вдруг засветилось ярко-ярко, да уж не на том месте и не маленький огонек, а полымем вспыхнула солома под застрехой и на крышу несет, и Гаврило стоит, и всего его видно.

Как ястреб на жаворонка бросился Иван на Хромого. «Скручу, — думает, — не уйдет теперь!» Да услышал, видно, Хромой шаги, оглянулся, и, откуда прыть взялась, заковылял, как заяц, вдоль сарая.

— Не уйдешь! — закричал Иван и налетел на него.

Только он хотел ухватить его за шиворот, вывернулся у него из-под рук Гаврило, поймал его Иван за полу. Пола оборвалась, и упал Иван. Вскочил Иван: «караул! держи!» и побежал опять.

wull am jrod jriepen, aus eenen Odem swoara Schlach opp Iwan troff, aus haud een Steen sien Stiern jetroffe un am bedieselt. Daut wia Gabriel, dee eenen Ieekje Kjneppel jejräpe haud, waut sikj dicht bie de Dää befunk, un met aule Krauft Iwan jetroffe haud.

Iwan wia aus beteibt. Funke fluage ver siene Uage, dan wort aules dunkel un hee foll han. Aus hee to Besennunk kaum, wia Gabriel nich mea doa. Daut wia soo dach aus de Dach un vonne Sied, wua sien Hoff wia, brend waut un knostad aus een Moota bie de Oabeit. Iwan dreid sikj om un sach, daut siene Hinja Schenn en Flaume stunt, un uk bie de Sied Schenn haud daut Fia aunjefonge, un Flaume un Ruak un brennende Stroo Stekja, dee met däm Ruak jemischt wiere, worde vom Wint opp siene Bood jedräwe.

“Waut es dit, Frint?” roopt Iwan, hoof siene Oarme opp un schluach opp siene Bowabeen. “Aules, waut ekj haud doone must, wia, et eefach fuaz erut riete un doanopp to trauple! ”Waut es dit, Frint?” wadahold hee emma wada. Hee wull schriee, oba sien Odem vesad am; siene Stemm wia wajch. Hee wull rane, oba siene Been wulle am nich jehorche un stade enaunda. Hee bewäajd sikj langsam, stolpad oba wada un sien Odem stokt. Hee bleef stone, bat hee wada to Odem jekome wia un fua dan fuat. Ea hee om de hinjre Schenn erom jekome wia, om daut Fia to erieekje, wia uk de Siedliche Schenn en Flaume; un de Akj vonne Bood un daut Dak vom Gank wiere krakjt soo en Braunt jerode. De Flaume sprunge ut von de Bood, un daut wia ommäajlich, em Hoff nenn to kome. Eene groote Mensche Menj haud sikj vesaumelt, oba doa kunn nuscht unjanome woare. De Nobasch druage äare Sache von äare ieejne Hiesa un dreewe daut Vee ut äare ieejne Schenne. No Iwan sien Hus funk uk Gabriel sient Fia, dan stieej de Wint opp, de Flaume breede sikj no de aundre Gausiesied ut un de Halft vom Darp wia doljebrent.

En Iwan sien Hus jelunk et an kaum, sienen oolen Voda to rade. Un de Famielje kaum rut en däm, waut see aun haude; aules aundret buta de Pieed, dee fa de Nacht opp de Weid jedräwe worde wiere, wia veluare; daut gaunze Vee, daut Heenavee opp äare Sett Stange, de Koare, Plieej un Äajde, de Kjiste von de Frues met äare Kjleeda un daut Korn em Jeträajd Spikjasch, aules wia vebrent!

Пока он поднимался, Гаврило уже был у своего двора, но и тут Иван настиг его. И только хотел сцапать, как вдруг оглоушило его что-то по голове, как камнем ударило по темени: это Гаврило у двора поднял дубовый кол и, когда Иван подбежал к нему, со всего маху ударил его в голову.

Очумел Иван, посыпались у него искры из глаз, потом потемнело, и зашатался он. Когда он опомнился, Гаврилы не было; было светло, как днем, и со стороны его двора, как машина шла, гудело и трещало что-то. Иван повернулся и увидел, что задний сарай его полыхал весь, боковой сарай захватило, и огонь, и дым, и оскретки соломы с дымом гнало на избу.

— Что ж это, братцы! — вскрикнул Иван, поднял руки и хлопнул ими себя по ляжкам. — Ведь мне бы только выдернуть из застрехи да затоптать! Что ж это, братцы! — повторил он.

Хотел закричать — дух захватило, голоса не было. Хотел бежать — ноги не двигались, одна за другую цеплялась. Пошел шагом — зашатался, опять дух захватило. Постоял, отдышался, опять пошел. Покуда он обошел сарай и дошел до пожара, боковой сарай весь полыхал, захватило уже и угол избы и ворота, и из избы валил огонь и ходу во двор не было. Народу сбежалось много, но делать нечего было. Соседи вытаскивали свое и стогнали с дворов свою скотину. После Иванова занялся Гаврилин двор, поднялся ветер, перекинуло через улицу. Снесло половину деревни.

У Ивана только вытащили старика да сами повыскачили в чем были, а то все осталось; кроме лошадей в ночном, вся скотина сгорела, куры погорели на насестях, телеги, сохи, бороны, бабьи сундуки, хлеб в закромах, всё сгорело.

Bie Gabriel wort daut Vee rut jedräwe un een Poa Dinja ut sienem Hus worde jerat.

Daut Fia dieed de gaunze Nacht. Iwan stunt ver sienem Hoff un wadahold, "Waut es dit, Frint? ... Frind! Maun haud bloos daut Fia wajchnäme sult un doaropp met de Steewle traumple!" Oba aus daut Dach dol jefolle wia, rand Iwan em brennenden Uat un jreep eenen vesenjden Baulkje un vesocht et erut to trakje. De Frues saga am un roopten am trigj; oba hee trock dän Baulkje erut. Hee jinkj wada to eenen aundren, aus hee sien Jewicht velua un tweschen de Flaume foll. Dan jinkj sien Sän hinja am häa un trocke am erut. Iwan haud siene Hoa un sienen Boat Vesenjt, siene Kjleeda vebrent un siene Henj vesenjt, oba hee späad nuscht.

"Siene Trua haft am beteibt", säde de Lied. Daut Fia brend sikj selfst ut, oba Iwan stunt emma noch un wadahold, "Frind! Waut es dit? Maun must et bloos erut jetrocke habe!"

Aum Morje kjeem de Sän vom Darp Schult, om Iwan aufthole.

"Voda Iwan, dien Voda stoaft! Hee haft fa die jeschekjt, toom Aufscheet näme."

Iwan haud sienen Voda vejäte un vestunt nich, waut to am jesajcht wort.

"Woon Voda?" säd hee. "Fa wäm haft hee jeschekjt?" "Hee haft no die jeschekjt, om auf Aufscheet to saje; hee stoaft en onse Bood! Komm met, Voda Iwan," säd de Sän vom Schult un trock am aum Oarm. Un Iwan foljd däm Jung.

Aus hee ut de Bood erut jedroacht wort, wia brennenda Stroohaulm opp dän oolen Maun jefolle un haud am vesenjt, un hee wia to de Bood vom Darp Schult oppet aundre Enj vom Darp jebrocht worde, wua kjeen Fia aukjeem.

Aus Iwan to sienem Voda kjeem, befunk sikj en de Bood bloos de Fru vom Schult, buta von eenje kjliene Kjinja bowe däm Owe. De aundre wiere noch aula biem Fia. De oola Maun, dee opp eene Benkj lach un een Taulchlicht en de Haunt hilt, recht sienem Blekj emma wada opp de Däa. Aus sien Sän nenn kaum, bewäajd hee sikj een Beskje. De oole Fru jinkj to am un säd am, daut sien Sän jekome wia. Hee bat doarom, am noda to brinje. Iwan kjeem to am.

У Гаврилы скотину выгнали и кое-что повытаскали.

Горело долго, всю ночь. Иван стоял около своего двора, смотрел и только всё приговаривал: «Что ж это, братцы! только бы выхватить да затоптать». Но когда завалился потолок в избе, он полез в самый жар, ухватил обгорелое бревно и потащил его из огня. Бабы увидели его и стали звать назад, но он вытащил бревно и полез за другим, да пошатнулся и упал на огонь. Тогда сын полез за ним и вытащил его. Опалил себе Иван и бороду и волосы, прожег платье и испортил руку, и ничего не чуял.

«Это он с горя одурел», говорил народ. Стал пожар утихать, а Иван всё стоял и только приговаривал: «Братцы, что ж это! только бы выхватить».

К утру прислал за Иваном староста сына.

— Дядя Иван, твой родитель помирает, велел тебя звать проститься.

Забыл Иван и про отца и не понял, что ему говорят.

— Какой, — говорит, — родитель? Кого звать?

— Велел тебя звать — проститься, он у нас в избе помирает. Пойдем, дядя Иван, — сказал старостин сын и потянул его за руку. Иван пошел за Старостиным сыном.

Старика, когда выносили, окунуло соломой с огнем и обожгло. Его снесли к старосте на дальнюю слободу. Слобода эта не сгорела.

Когда Иван пришел к отцу, в избе была только одна старушка старостина и ребята на печке. Все были на пожаре. Старик лежал на лавке с свечкой в руке и косился на дверь. Когда сын вошел, он зашевелился. Старуха подошла к нему и сказала, что пришел сын. Он велел позвать его ближе.

“Waut hab ekj die jesajcht, Iwan?” Funk de oola Maun aun. “Wää haft daut Darp doljebrent?”

"Daut wia hee, Voda!" auntwuad Iwan. “Ekj hab am doabie erwischt. Ekj sach, woo hee daut Fia Braunt em Stroo Dak schmeet. Ekj haud daut brennende Stroohaulm sult fuaz wajchtrakje un doanopp jetraumpelt, un dan wia nuscht passieet."

“Iwan”, säd de oola Maun. “Ekj stoaw, un du woascht die uk toom Doot stale motte. Wäm jehieet de Sind?” Iwan glupt sienem Voda stell aun, one een Wuat to saje.

Ieescht dan kjeem Iwan to Besennunk un vestunt aules. Hee schneffeld un säd, “Miene, Voda!” Hee foll ver sienem Voda opp de Kneee un säd, “Vejäm mie, Voda; ekj sie ver die un ver Gott schuldich.”

De oola Maun bewäajd de Henj, brocht daut Taulchlicht von siene rajchte to de linkje Haunt un vesocht, siene rajchte Haunt aum Stiern to häwe, om sikj to äwakjrieze, kunn et oba nich un hilt aun.

“Loft dän Harn! Loft dän Harn!” säd hee un dreid sienem Blekj wada to sienem Sän.

“Iwan! Ekj saj, Iwan!”

“Waut, Voda?”

“Waut motst du nu doone?”

Iwan hield.

“Ekj weet nich, woo wie nu Läwe selle, Voda!” säd hee.

De oola Maun schloot de Uage, bewäajd de Leppe, aus auf hee Krauft saumle wudd, un muak wada de Uage op. Hee säd, “Du woascht daut moake. Wan du Gottes Welle jehorchst, woascht du daut moake!” Hee muak eene Pause, frinteld dan un säd, “Pauss opp, Iwan! Saj nich, wää daut Fia aunjestekjt haft. Vestäakj de Sind von een aundren Maun, un Gott woat jie twee vejäwe!” Un de oola Maun naum daut Taulchlicht en beid Henj un foljd see opp siene Brost, sefst, strakjt sikj ut un storf.

Iwan säd nuscht jäajen Gabriel un kjeena wist, wää daut Fia veusoakt haud.

Un Iwan sien Oaja jäajen Gabriel storf, un Gabriel wundad sikj, daut Iwan kjeenem doavon vetald. Toieescht haud Gabriel Angst, oba no een Stootskje jewand hee sikj doaraun. De Mana hieede opp to

Iwan подошел, и тогда старик заговорил:

— Что, Ванятка, — сказал он, — говорил я тебе. Кто сжег деревню?

— Он, батюшка, — сказал Иван, — он, я и застал его. При мне он и огонь в крышу сунул. Мне бы только выхватить клоч соломы с огнем да затоптать, и ничего бы не было.

— Иван, — сказал старик. — Моя смерть пришла, и ты помирать будешь. Чей грех?

Иван уставился на отца и молчал, ничего не мог выговорить.

— Перед Богом говори: чей грех? Что я тебе говорил?

Тут только очнулся Иван и всё понял. И засопел он носом и сказал:

— Мой, батюшка! — И пал на колени перед отцом, заплакал и сказал: — Прости меня, батюшка, виноват я перед тобой и перед Богом.

Старик подвигал руками, перехватил в левую руку свечку и потащил правую ко лбу, хотел перекреститься, да не дотащил и остановился.

— Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи! — сказал он и скосил глаза опять на сына.

— Ванька! а Ванька!

— Что, батюшка?

— Что ж надо делать теперь?

Иван всё плакал.

— Не знаю, батюшка, — сказал он. — Как теперь и жить, батюшка?

Закрыв глаза старик, помулявил губами, как будто с силами собирался, и опять открыл глаза и сказал:

— Проживете. С Богом жить будете — проживете.

Помолчал еще старик, ухмыльнулся и сказал:

— Смотри ж, Ваня, не сказывай, кто зажег. Чужой грех покрой, Бог два простит.

И взял старик свечку в обе руки, сложил их под сердцем, вздохнул, потянулся и помер.

Иван не сказал на Гаврилу, — и никто и не узнал, от чего был пожар.

И сошло у Ивана сердце на Гаврилу, и дивился Гаврило Ивану, что Иван на него никому не сказал. Сначала боялся его Гаврило, а потом и привык. Перестали ссориться мужики, перестали

Striede, un dan hieede uk äare Famieljes opp. Biem wada Oppbue von äare Boode läwde beid Famieljes en eenem Hus; un aus daut Darp wada oppjebut wort un see sikj mäajlicha Wies haude wieda von enaunda trakje kunne, bude Iwan un Gabriel bie enaunda un bleewe Nobasch aus verhää.

Sie läwde soo, aus et goode Nobasch doone sulle. Iwan Stcherbakof erinnad sikj aun dän Befäl von sien oolen Voda, Gott sien Jesaz to befolgen un een Fia bie de ieeschte Funke to lasche.

Un wan am Jeemaunt eene Velazunk aundeed, vesocht hee nu, sikj nich to rache, sonda de Dinja wada en Ordnunk to brine. Un wan am Jeemaunt een schlaecht Wuat gauf, enne Städ am een schlaechtret trigj jäwe, vesocht hee dän aundre to Liere, kjeene beese Wieed to benutz. Un soo unjarecht hee de Frues un Kjinja. Un Iwan Stcherbakof es wada oppjestone un läft nu soogoa noch bäta aus verhää.

и семейные. Пока строились, жили обе семьи в одном дворе, а когда отстроилась деревня и дворы разместили шире, Иван с Гаврилой остались опять соседями, в одном гнезде.

И жили Иван с Гаврилой по-соседски, так же, как жили старики. И помнит Иван Щербаков наказ старика и Божье указанье, что тушить огонь надо в начале.

И если ему кто худое делает, норовит не другому за то выместить, а норовит, как дело поправить; а если ему кто худое слово скажет, норовит не то что еще злее ответить, а как бы того научить, чтобы не говорить худого; и так и баб и ребят своих учит. И поправился Иван Щербаков и стал жить лучше прежнего.

3. Wua Leew es, doa es Gott

En eene bestemde Staut wond een Schusta met Nome Martin Avdeiteh. Hee haud eene sea kjliene Stow en eenen Kjala, von wua een Fensta opp de Gaus kjikjt. Maun kunn bloos de Feet von Footjenja seene, oba Martin kjand de Lied aun äare Steewle. Hee haud lang en däm Uat jewont un haud väl Bekaunde. Daut gauf meist kjeen Poa Steewle en de Nobaschoft, daut nich een ooda tweemol derch siene Henj jegone wia, un soo sach hee foaken siene ieejne Hauntoabeit derch daut Fensta.

Eenje Steewle haud hee nie vesolt, aundre haud hee jeflekjt, aundre toopjeneit, un eenje soogoa een freschet Bowa Poat aunjeneit. Hee haud väl to doone, wiels hee emma jeoabeit haud, goodet Materiöl brukt, nich to väl foddad, un eena kunn sikj opp am velote. Wan hee aum needichen Dach eene Oabeit besorje kunn, äwanaum hee dise; wan nich, säd hee de Woarheit un gauf kjeene faulsche Vespräakjunge. Soo wia hee bekaunt un niemols to Noot jekome.

Martin wia een gooda Maun jewast; em Ella funk hee oba aun, mea äwa siene Seel notodenkje un sikj Gott noda to kome. Wäarent hee noch fa eenen Meista oabeid, ea hee sikj opp ieejne Rääknunk dol leet, wia siene Fru jestorwe un haud eenen dreejoaschen Sän hinja jelote. Kjeene von siene elre Kjinja läwde noch, see wiere aule em Kjinja Ella jestorwe. Toieescht docht Martin doaraun, sienen kjlienen Sän to siene Sesta oppem Launt to schekje, oba dan deed et am leet, sikj von däm Jungen to trane un docht, "Daut wudd schwoa fa mienen kjlienen Botsat, en eene framde Famielje opp to wausse; ekj woa am hia bie mie behoole."

Martin veleet sienen Har un jinkj met sienem kjlienen Sän en eene Wonstäd. Met siene Kjinja haud hee kjeen Jlekj. Kaum haud de Jung een Ella errieekjt, en däm hee sienem Voda halpe un am eene Unjastettunk soo wie eene Freid senne kjenne, wort hee krank un storf, nodäm hee sikj eene Wääkj lang met brennenden Feeba hanjelajcht haud. Martin begrowd sienen Sän un wort von Vetwiewlunk soo sea äwakome, daut hee jaaen Gott brumlen. En sienem Trieb Saul bäd hee emma wada doarom, daut hee uk stoawe kunn. Hee vemond Gott, daut hee dän Sän jenome haud, dän hee jeleeft haud, sien eensja Sän, wäarent hee oolt wia un

Где любовь, там и бог

Жил в городе сапожник Мартын Авдеич. Жил он в подвале, в горенке об одном окне. Окно было на улицу. В окно видно было, как проходили люди; хоть видны были только ноги, но Мартын Авдеич по сапогам узнавал людей. Мартын Авдеич жил давно на одном месте, и знакомства много было. Редкая пара сапог в околodge не побывала и раз и два у него в руках. На какие подметки подкинет, на какие латки положит, какие обошьет, а другой раз и новые головки сделает. И часто в окно он видал свою работу.

Работы было много, потому что работал Авдеич прочно, товар ставил хороший, лишнего не брал и слово держал. Если может к сроку сделать — возьмется, а нет, так и обманывать не станет, вперед говорит. И знали все Авдеича, и у него не переводилась работа.

Авдеич и всегда был человек хороший, но под старость стал он больше о душе своей думать и больше к Богу приближаться. Еще когда Мартын у хозяина жил, померла у него жена. И остался после жены один мальчик — трех годов. Дети у них не жили. Старшие все прежде померли. Хотел сначала Мартын сынишку сестре в деревню отдать, потом пожалел — подумал: тяжело будет Капитошке моему в чужой семье расти, оставлю его при себе.

И отошел Авдеич от хозяина и стал с сынишкой на квартире жить. Да не дал Бог Авдеичу в детях счастья. Только подрос мальчик, стал отцу помогать, только бы на него радоваться, напала на Капитошку болезнь, слег мальчик, погорел недельку и помер. Схоронил Мартын сына и отчаялся. Так отчаялся, что стал на Бога роптать. Скука такая нашла на Мартына, что не раз просил у Бога смерти и укорял Бога за то, что Он не его, старика, прибрал, а любимого единственного сына. Перестал Авдеич и в церковь ходить.

noch aum Lāwe wia. Doano jinkj Martin nich mea en de Kjoakj.

Een Dach kaum een oola Maun von Martin sien Heimatdarp, dee aul acht Joare Pilja wia, aus hee oppem wajch nom Kloosta Troitsa jinkj. Martin muak sien Hoat op fa am un vetald am von sienem Tribsaul.

“Ekj mucht nich mea läwe, Heilja Maun,” säd hee. “Aules, waut ekj von Gott velang, es, daut ekj boolt stoawe kaun. Ekj sie nu gaunz one Hopninj en de Welt.”

De oola Maun auntwuad, “Du hast kjeen rajcht, soone Dinja to saje, Martin. Wie kjenne Gott siene Wäaj nich beuadeele. Nich onset Denkje, sonda Gottes Welle entscheit. Wan Gott jewult haft, daut dien Sän stoawe sult un du läwe sulst, mott et daut baste senne. To diene Vetwiewlunk, daut kjemt doahäa, daut du fa diene ieejne Freid läwe welst.”

“Wuaväa sull Maun sonst läwe?” fruach Martin.

“Fa Gott, Martin,” säd de oola Maun. “Hee jeft die Lāwe un du motst fa am läwe. Wan du jeliect hast, fa am to läwe, woascht nich mea truare, un aules woat die leicht senne.”

Martin bleef eene Stootskje stell un fruach dan, “Oba woo saul Maun fa Gott läwe?”

De oola Maun auntwuad, “Woo Maun fa Gott läwe kaun, haft ons Christus jewäse. Kaunst du läse? Dan kjeep die een Testament un läs doa, woo du fa Gott läwe kaunst. Doa woascht du aules habe.”

Dise Wieed sunke deep en Martin sien Hoat, un noch aum selwjen Dach koft hee sikj een grootet Testament un funk aun to läse.

Aunfanks wull hee bloos aun Heljedoag läse, doch nodäm hee eenmol aunjefonge haud, stald hee faust, daut sien Hoat soo leicht wort, daut hee jiedren Dach laus. Maunchmol wia hee soo en de Schriewe vesunke, daut et Eelj en siene Laump ut brend, ea hee sikj vom Buak leese kunn. Hee laus jiedren Owent wieda un je mea hee laus, desto kloara vestunt hee, waut Gott von

И вот зашел раз к Авдеичу от Троицы земляк-старичек — уж восьмой год странствовал. Разговорился с ним Авдеич и стал ему на свое горе жаловаться:

— И жить, — говорит, — Божий человек, больше не охота. Только бы помереть. Об одном Бога прошу. Безднадежный я остался теперь человек.

И сказал ему старичек: — Не хорошо ты говоришь, Мартын, нам нельзя Божьи дела судить. Не нашим умом, а Божьим судом. Твоему сыну судил Бог помереть, а тебе — жить. Значит так лучше. А что отчаиваешься, так это оттого, что ты для своей радости жить хочешь.

— А для чего же жить-то? — спросил Мартын. И старичек сказал:

— Для Бога, Мартын, жить надо. Он тебе жизнь дает, для Него и жить надо. Когда для Него жить станешь, ни о чем тужить не станешь, и всё тебе легко покажется.

Помолчал Мартын и говорит:

— А как же для Бога жить-то? И сказал старичек:

— А жить как для Бога, то нам Христос показал. Ты грамоте знаешь? Купи Евангелие и читай, там узнаешь, как для Бога жить. Там все показано.

И запали эти слова в сердце Авдеичу. И пошел он в тот же день, купил себе Новый Завет крупной печати и стал читать.

Хотел Авдеич читать только по праздникам, да как начал читать, так ему на душе хорошо стало, что стал каждый день читать. Другой раз так зачитается, что в лампе весь керосин выгорит, и всё от книги оторваться не может. И стал так читать Авдеич каждый вечер. И что больше читал, то яснее понимал, чего от него Бог хочет и

am velangd un woo hee fa Gott läwe kunn. Un sien Hoat wort leichta un leichta. Frieerja, aus hee to Bad jinkj, lach hee met schwoarem Hoat un ständ, aus hee aun sienen kjlienen Botsat docht; oba nu wadahold hee bloos emma wada, "De Iea wia diene, de Iea wia diene, Har! Mucht dien Welle passiere!"

Von dise Tiet wort Martin sien gaunzet Läwe veendat. Ea jinkj hee aun Heljedoag en een Wieetshus, om Tee to drinkje, un eenjemol sad uk een Glauss Vodka opp. Maunchmol, nodäm hee sikj met eenem Frint jetroffe haud, veleet hee daut Wieetshus nich bedrunke, sonda groff, un säd onveninfkje Dinja, schrieech eenen Maun aun ooda mesbrukt am. Nu, wia daut aules von am vegone. Sien Läwe wort frädlich un froo. Aum Morje sad hee sikj to siene Oabeit, un aus hee met de Oabeit foadich wia, naum hee de Laump von de Waunt, stald see opp dän Desch, hold sien Buak vää, muak daut op un sad sikj, om to läse. Je mea hee laus, desto bäta vestunt hee un desto kloara un jlekjlicha feeld hee sikj en sienem Kopp.

Daut passieed eenmol, daut Martin sikj lot opphilt, en sien Buak vetieft. Hee laus daut Lukas Evangelium; un em sasten Kapitel stad hee auf disem Varzh, "Däm, dee die opp de eene Bak schljacht, beed am uk de aundre aun; un von däm, dee dienen Rock wajchnemt, hool uk dien Mauntel nich trigj. Jeff jiedrem, dee die waut froacht; un von däm, dee dien Goot wajchnemt, fodda daut nich trigj. Un soo aus jie daut welle, daut de Mana junt aundoone, soo deit an uk aun."

Hee laus uk dän Varzh, en dänen ons Har sajcht, "Un wuarom roopt jie mie aun, Har, Har, un deit nich daut, waut ekj saj? Wää uk emma to mie kjemt un miene Räd hieet un deit waut ekj saj, woa ekj wiese, wäm hee änlich es. Hee es soo aus een Maun, dee een Hus jebut un deep jegroft haft un dän Grunt opp eenen Steen jebut haft, un wan daut Wauss Wota doaropphan groff opp dit Hus schluach kunn et daut oba nich schokle; wiels daut wort opp eenen Steen jejrint. Wää oba hieet un nich deit, es soo aus een Maun, dee een Hus one Fondament opp de Ieed but, jääjen daut de Strom groff schluach, un daut fuaz äwaföll; un de Ruine von dit Hus wia groosoatich."

Aus Martin dise Wieed laus, freid sikj siene Seele en am. Hee naum siene Brell auf un läd dee opp daut

как надо для Бога жить; и всё легче и легче ему становилось на сердце. Бывало, прежде, спать ложится, охает он и крехчет и всё про Капитошку вспоминает, а теперь только приговаривает: «Слава Тебе, слава Тебе Господи! Твоя воля».

И с той поры переменялась вся жизнь Авдеича. Бывало прежде, праздничным делом захаживал и он в трактир, чайку попить, да и от водочки не отказывался. Выпьет бывало с знакомым человеком и хоть не пьян, а все-таки выходил из трактира навеселе и говаривал пустое: и окрикнул и оговорит человека. Теперь всё это само отошло от него. Жизнь стала его тихая и радостная. С утра садится за работу, отработает свое время, снимет лампочку с крючка, поставит на стол, достанет с полки книгу, разложит и сядет читать. И что больше читает, то больше понимает и то яснее и веселее на сердце.

Случилось раз, поздно зачитался Мартын. Читал он Евангелие от Луки. Прочел он главу шестую, прочел он стихи: «Ударившему тебя по щеке подставь и другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. Всякому просящему у тебя давай, и от взявшего твое не требуй назад. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними».

Прочел и дальше те стихи, где Господь говорит: «Что вы зовете Меня: Господи, Господи! и не делаете того, что Я говорю? Всякий приходящий ко Мне, слушающий слова Мои и исполняющий их, скажу вам, кому подобен. Он подобен человеку, строящему дом, который копал, углубился и положил основание на камне, почему, когда случилось наводнение, и вода наперла на этот дом, то не могла поколебать его, потому что он основан был на камне. А слушающий и не исполняющий подобен человеку, построившему дом на земле без основания, который, когда наперла на него вода, тотчас обрушился; и разрушение дома сего было великое».

Прочел эти слова Авдеич, и радостно ему стало на душе. Снял он очки, положил на книгу,

Buak. Hee bieejd de Alboages opp dän Desch un docht doaräwa no, waut hee jeläst haud. Hee vesocht nu sien ieejnet Läwe no däm Standard von dise Wieed.

Hee fruach sikj, es mien Hus opp eenen Steen ooda opp Saunt jebut? Wan et oppem Steen steit, es daut goot. Daut schient leicht jenuach to senne, wan Maun hia auleen sett un Maun denkt, Maun haft aules jedone, waut Gott jebode haft; oba sooboolt ekj opphia, opp de Hut to senne, sindj ekj wada. Trotdäm woa ekj uthoole. Daut brinjt soo väl Freid. Halp mie, O Har!“

Hee docht aul daut un wull jrod em Bad gone, oba hee wull sien Buak nich velote. Soo laus hee wieda daut säwende Kapitel, äwa dän Reemischen Hauptmaun, dän Sän von de Wätfru un de Auntwuat opp de Jinja von Johannes. Hee kjeem to de Varsche, wua een rikja Farisäa dän Har en sien Hus enloot; un hee laus, woo de Fru, dee een Sindja wia, siene Feet saulwd un see met äare Trone wosch un woo hee see rajchtfodicht.

Aus hee nom veaunvieetichsten Varzh kaum, laus hee, “Un hee dreid sikj no de Fru un säd to Simon, sitst du dise Fru? Ekj kjeem en dien Hus, du hautst kjeen Wota fa miene Feet to jäwe; oba see haft miene Feet met äare Trone naut jemoakt un dee met äare Noa aufjewesch. Du hautst mie kjeen Kuss jejäft; oba see von dan aus ekj kaum haft nich oppjehieet, miene Feet to kusse. Mien Kopp met Eelj hast du nich jesault; oba see haft miene Feet met Saulw jesaultf.”

Martin laus disen Varzh un docht, "Hee gauf kjeen Wota fa siene Feet, gauf kjeen Kuss, sienen Kopp met Eelj saulwd hee nich." Un Martin naum siene Brell wada auf, läd see en sienen Buak un docht no. “Hee mott soo aus ekj jewast senne, dis Farisäa,” docht hee. “Uk hee docht bloos aun sikj selfst, woo Maun eene Tauss Tee kjricht, woo Maun sikj woam un jemietlich helt; niemols een Jedanke aun sienen Gaust. Hee kjemmad sikj om sikj selfst, oba om sienen Gaust kjemmad hee sikj äwahaupt nich. Oba wäa wia de Gaust? De Har selfst! Wan hee to mie kjeem, wudd ekj mie soo benäme?”

Dan läd Martin sienen Kopp opp beid Oarme un schleep en, ea aus hee daut moakjt.

"Martin!" horcht hee orpeenst eene Stemm, aus

облокотился на стол и задумался. И стал он примерять свою жизнь к словам этим. И думает сам с собой:

— Что, мой дом на камне или на песке? Хорошо, как на камне. И легко так-то, один сидишь, кажется всё и сделал, как Бог велит, а рассеешься и опять согрешишь. Всё ж буду тянуться. Уж хорошо очень. Помоги мне Господи!

Подумал он так, хотел ложиться, да жаль было оторваться от книги. И стал читать еще 7-ю главу. Прочел он про сотника, прочел про сына вдовы, прочел про ответ ученикам Иоанновым и дошел до того места, где богатый фарисей позвал Господа к себе в гости, и прочел о том, как женщина грешница помазала Ему ноги и омывала их слезами, и как Он оправдал ее. И дошел он до 44-го стиха и стал читать:

«И обратившись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты сию женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал; а она слезами облила Мне ноги волосами головы своей отерла. Ты целования Мне не дал, а ода с тех пор, как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги. Ты головы Мне маслом не помазал; а она миром помазала Мне ноги».

Прочел он эти стихи и думает: «*Воды на ноги не дал, целования не дал, головы маслом не помазал*»...

И опять снял очки Авдеич, положил на книгу и опять задумался.

«Такой же видно, как я, фарисей-то был. Тоже, я чай, только об себе помнил. Как бы чайку напиток, да в тепле, да в холе, а нет того, чтобы об госте подумать. Об себе помнил, а об госте и заботушки нет. А гость-то кто? Сам Господь. Кабы ко мне пришел, разве я так бы сделал?»

И облокотился на обе руки Авдеич и не видал, как задремал.

— Мартын! вдруг как задышало что-то у него над

jeemaunt daut Wuat äwa sienem Ua jesajcht haud.

ухом.

Hee wort vom Schlop vefieet. "Wää es doa?" fruach hee.

Встрепенулся Мартын с просонок:
— Кто тут?

Hee dreid sikj om un kijkt no de Dää; kjeena wia doa. Hee roopt wada aun. Dan hieed hee gaunz dietlich, "Martin, Martin! Kjikj du Morje opp de Gaus, wiels ekj kome woa."

Повернулся он, взглянул на дверь — никого. Прикурнул он опять. Вдруг явственно слышит:
— Мартын, а Мартын! смотри завтра на улицу, приду.

Martin stunt von sienem Stool opp un reef sikj de Uage, wist oba nich, auf hee dise Wieed em Droom ooda em Wach Toostaunt jehieet haud. Hee lascht de Laump auf un läd sikj dol.

Очнулся Мартын, поднялся со стула, стал протирать глаза. И не знает сам, — во сне или на яву слышал он слова эти. Завернул он лампу и лег спать.

Aum näakjsten Morje stunt hee ver Doageslicht opp, un nodäm hee sien Jebäd oppjesajcht haud, stekjt hee daut Fia aun un muak sikj siene Komst Supp un siene Buakweit Jrett. Dan stekjt hee dän Samovar aun, trock daut Schalduak aun un sad sikj aum Fensta to siene Oabeit. Wäärent hee saut, docht Martin doaräwa no, waut en de väaje Nacht passieet wia. Maunchmol kjeem et am aus een Droom, un maunchmol jleewd hee, de Stemm werkjlich jehieet to habe. "Soone Dinja sent aul ea passieet," docht hee.

На утро до света поднялся Авдеич, помолился Богу, истопил печку, поставил щи, кашу, развел самовар, надел фартук и сел к окну работать. Сидит Авдеич, работает, а сам все про вчерашнее думает. И думает на двое: то думает — померещилось, а то думает, что и вправду слышал он голос. — Что ж, думает, бывало и это.

Aulsoo saut hee aum Fensta un kijkt opp de Gaus erut, aus hee oabeid, un wan jeemaunt en onbekaunde Steewle vebiekjeem, bekjt hee sikj un kijkt opp, om nich bloos de Feet, sonda uk daut Jesecht vonnem Footjenja to seene. Een Puatwajchta kjeem en niee Filt Steewle vebie; dan een Wotadroaga. Een oola Soldot von de Armee von Zaar Nicholas kjeem nu dicht biem Fensta vebie. Martin kjand am aun siene Steewle, de ooltmoodisch un ut Lada wiere. De oola Soldot heet Stepanitch, een Stuamaun dichtbie haud am en sienem Hus fa mildjäwriche Zwakje, un siene Oppgow bestunt doarenn, däm Hus Meista to halpe. Hee funk aun daut Schnee ver Martin sien Fensta wajch to rieme. Martin sach am een Stootskje aun un muak dan wieda met siene Oabeit.

Сидит Мартын у окна, и столько не работает, сколько в окно смотрит, и как пройдет кто в незнакомых сапогах, изогнется даже, выглядывает из окна, чтобы не одни ноги, а и лицо увидеть. Прошел дворник в новых валенках, прошел водовоз, потом поровнялся с окном старый солдат Николаевский в обшитых старых валенках с лопатой в руках. По валенкам узнал его Авдеич. Старика звали Степанычем, и жил он у соседнего купца из милости. Положена ему была должность дворнику помогать. Стал против Авдеичева окна Степаныч счищать снег. Посмотрел на него Авдеич и опять взялся за работу.

"Ekj jleew ekj woa met däm Ella verekjt", säd Martin un lacht äwa siene Fantasie. "Stepanitch kjemt, om dän Schnee wajch to rieme, un ekj mott mie väastale, daut Christus kjemt, om mie to besieekje. Oola Jreis, dee ekj sie!"

— Вишь, одурел видно я со старости, — сам на себя посмеялся Авдеич. — Степаныч снег чистит, а я думаю Христос ко мне идет. Совсем одурел, старый хрыч.

Doch nodäm hee eene Dutz Stich jemoakt haud, feeld hee sikj jedwunge, wada utem Fensta to kijktje. Hee

Однако стежков десяток сделал Авдеич, и опять тянет его в окно посмотреть. Посмотрел опять в

sach, daut Stepanitch sienen Spodem aun de Waunt jelänt haud un sikj entwäda vepuste deed ooda vesocht, sikj opptowoame. De Maun wia oolt un meed un haud nom lote no nich eenmol jenuach Krauft, om daut Schnee wajch to schuwe.

“Waut wia, wan ekj am aunroopt un am Tee jäwe wudd?” docht Martin. “De Samovar es jrod aum koake.”

Hee stuak sien Stachel opp siene Städ en un stunt opp; hee stald dän Samovar oppem Desch, un muak Tee. Dan klopt hee met de Finjasch jäajen daut Fensta. Stepanitch dreid sikj om un kjeem nom Fensta. Martin plinkjat am enenn un jinkj selfst, om de Däa optomoake.

“Komm nenn,” säd hee, “un woam die een Bätje opp. Ekj sie mie secha, daut du kolt senne motst.”

“Mucht Gott die säajne!” auntuwad Stepanitch. “Miene Knoakes doone wee.” Hee kjeem enenn un scheddad toieescht daut Schnee auf. Doamet hee kjeene Spuare opp däm Boddem hinjalote wudd, wescht hee sikj de Feet auf. Oba wäarent hee dit deed, schwäakjt hee un wia dichtbie han to faule.

“Moak die kjeene Miecej, diene Feet auf to wesche,” säd Martin. “Ekj woa dän Boddem auf wesche, daut es aules Oabeit vom Dach. Komm, Frint, sat die han un drinkj eene Tauss Tee.”

Martin feld twee Kuffels un jeef eenen to sienen Gaust. Hee goot sient en een Schatel un funk aun to puste.

Stepanitch drunk sien Glaus ladich, stald et oppem Kopp un läd daut Äwaje von sien Zocka doanopp. Hee funk aun sienen Dank uttoräde, oba daut wia nom lote no, daut hee sikj äwa mea freie wudd.

“Noch een Glaus,” säd Martin un feld daut Kuffel vom Gaust un sien ieejnet. Oba wäarent hee sienen Tee drunk, kjkjt Martin emma opp de Gaus.

“Wachst du opp wäm?” fruach de Gaust.

“Wach ekj opp wäm? Nu, ekj schäm mie, daut die to saje. Daut es nich soo, daut ekj werkjlich opp wäm

окно, видит Степаныч прислонил лопату к стене, и сам не то греется, не то отдыхает. Человек старый, ломаный, видно и снег-то сгребать силы нет.

Подумал Авдеич: напоить его разве чайком, кстати и самовар уходить хочет.

Воткнул Авдеич шило, встал, поставил на стол самовар, залил чай и постучал пальцем в стекло. Степаныч обернулся и подошел к окну. Авдеич поманил его и пошел отворить дверь.

— Войди, погрейся, что-ль, сказал он. Озяб, чай.

— Спаси Христос и то — кости ломают, — сказал Степаныч.

Вошел Степаныч, отряхнулся от снега, стал ноги вытирать, чтобы не наследить на полу, а сам шатается.

— Не трудись вытирать. Я подотру, наше дело такое, проходи, садись, — сказал Авдеич. — Вот чайку выпей.

И Авдеич налил два стакана и подвинул один гостю, а сам вылил свой на блюдечко и стал дуть.

Выпил Степаныч свой стакан, перевернул дном кверху, и на него положил огрызок, и стал благодарить. А самому видно еще хочется.

— Кушай еще, — сказал Авдеич и налил еще стакан и себе и гостю.

Пьет Авдеич свой чай, а сам нет, нет на улице поглядывает.

— Али ждешь кого? — спросил гость.

— Жду кого? И сказать совестно, кого жду: жду не жду, а запало мне в сердце слово одно.

wach. Oba ekj hab jistre Owent waut jehieet, daut ekj nich ut mienem Kopp kjriee kaun. Auf et eene jeistliche Erfoarunk wia ooda bloos eene Fantasie, ekj kaun et nich saje. Sitst du, Frint, ekj hab latste Nacht daut Evangelium jeläst, äwa Christus dän Har, woo hee erleet haft un woo hee opp Ieed jegone es. Du hast sechalich doavon jehieet, jleew ekj.”

“Ekj hab doavon jehieet,” auntuwad Stepanitch. “Oba ekj sie een onjlieeda Maun un kaun nich läse.”

"Nu, ekj hab jeläst, woo hee opp Ieed jinkj. Ekj sie to dit Poat jekome, wua hee to eenen Farisäa jinkj, dee am nich goot oppnaum. Nu, Frint, aus ekj doaräwa jeläst haud, docht ekj no, daut de Mensch Christus, dän Har, nich met gotliche Iea erhilt. Wan soo waut aun mie passiere wudd, docht ekj, waut wudd ekj nich doone, om am to erhoole! Oba dis Maun gauf am äwahaupt kjeene Oppnom. Nu, mien Frint, aus ekj doaräwa nodocht, schleep ekj en, un aus ekjenschleep, horcht ekj Jeemaunt mien Nome Roope. Ekj stunt opp un docht, ekj kunn Jeemaunt fuschle hiere, ‘Tal doamet; ekj woa Morje kome.’ Dit passieed tweemol. Un om die de Waarheit to saje, daut es mie soo em Senn jekome, daut ekj, wan uk ekj mie selfst schäm, emma noch opp am wach, dän gooden Har!"

Stepanitch dreid stomm dän Kopf, drunk sien Kuffel ladich un läd daut aun de Sied; oba Martin stald et wada opp un feld et fa am wada opp.

"Hia, drinkj noch een Glaus, säajen die! Un ekj docht uk doaräwa no, woo hee opp Ieed jinkj un kjeenen veacht, sonda meistens unja eefache Lied jinkj. Hee jinkj met eefache Lied un wäld siene Jinja unja ons, von Oabeida aus ons, Sinda, dee wie sent. ‘Wäa sikj selfst opphäft,’ säd hee, ‘woat jedeemooticht woare, un wäa sikj deemooticht, woa oppjehäft woare.’

‘See nane mie Har,’ säd hee, ‘un ekj woa june Feet wausche.’

‘Hee saul de Kjnajcht von aule senne,’ säd hee, ‘wiels, jesäajent sent de Oame, de Deemootiche, de Saunfmootje un de Boarmhoatich.’”

Stepanitch vegaut sienen Tee. Hee wia een oola Maun, dee leicht to Trone jerieet wort, un aus hee sikj han sad un hieed, rande am de Trone äwa de Bake.

Виденье или так, сам не знаю. Видишь ли, братец ты мой; читал я вчера Евангелие про Христа Батюшку, как Он страдал, как по земле ходил. Слыхал ты, я чай?

— Слышать слышал, отвечал Степаныч, да мы люди темные, грамоте не знаем.

— Ну вот, читал я про самое то, как Он по земле ходил, читаю я, знаешь, как Он к фарисею пришел, а тот Ему встречи не сделал. Ну так вот, читал, братец ты мой, я вчера про это самое и подумал: как Христа Батюшку честь честью не принял. Доведись, к примеру, мне или кому, думаю, и не знал бы, как принял. А он и приему не сделал. Вот подумал я так-то и задремал. Задремал я, братец ты мой, и слышу по имени кличет: поднялся я, голос, ровно шепчет кто-то, жди, говорит, завтра приду. Да до двух раз. Ну вот, веришь ли, запало мне это в голову — сам себя браню, и всё жду Его, Батюшку.

Степаныч покачал головой и ничего не сказал, а допил свой стакан и положил его боком, но Авдеич опять поднял стакан и налил еще.

— Кушай на здоровье. Ведь тоже думаю, когда Он, Батюшка, по земле ходил, не брезговал никем, а с простым народом больше водился. Всё по простым ходил, учеников-то набирал всё больше из нашего брата, таких же, как мы грешные, из рабочих. Кто, говорит, возвышается, тот унижится, а кто унижается, тот возвысится.

Вы Меня, говорит, Господом называете, а Я, говорит, вам ноги умою.

Кто хочет, говорит, быть первым, тот будь всем слуга. Потому что, говорит, блаженны нищие, смиренные, кроткие, милостивые.

Забыл свой чай Степаныч, человек он был старый и мягкослезый. Сидит, слушает, а по лицу слезы катятся.

“Komm, drinkj noch mea,” säd Martin. Oba Stepanitch bekjriezt sikj, dankt am, stald sien Kuffel wajch un stunt opp.

“Dankscheen, Martin Avdeitch,” säd hee, “Du hast mie Äte un Troost fa de Seel un dän Kjarpa jejäft.

"Du best sea Welkom. Komm noch eenmol. Ekj sie froo, eenen Gaust to habe," säd Martin.

Stepanitch jinkj wajch; un Martin goot dän latsten Tee ut un drunk daut ut. Dän riemd hee met de Tee Sache opp, sad sikj to siene Oabeit un neid de hinjre Not fa eene Steewel. Un wäarent hee neid, kjikjt hee emma wada utem Fensta, wacht opp Christus un docht aun am un siene Woakje. Un sien Kopp wia voll met de Wieed von Christus.

Twee Soldoten kaume vebie, eene em Rejierunk Steewle, de aundra en ieejne Steewle; dan de Meista von een Nobasch Hus en jlensende Galosche; dan een Bakja met eenen Korf. Aul dise jinje wieda. Dan kjeem eene Fru en Kaumhoa Strempp un von Schoo von Buares aunjefoadicht. See jinkj aum Fensta vebie, bleef oba aun de Waunt stone. Martin kjikjt derch daut Fensta to äa han un bemoakjt, daut see eene framde, prost bekjleede Fru met eenen Bäbe em Oarm wia. See bleef met däm Rigje nom Wint aun de Waunt stone un vesocht, daut Bäbe entowekjle, wan see uk kaum waut entowekjle haud. De Fru haud bloos Somma Kjleeda aun, un dise wiere prost un auffjenuzt. Derch daut Fensta horcht Martin daut Bäbe hiele un de Fru vesocht et to beruje, kunn daut oba nich. Martin stunt opp un jinkj de Däa rut un de Stoop enopp, wua hee äa roopt, "Miene Leewe, halo, miene Leewe!" De Fru hieed daut un dreid sikj om.

"Wuarom steist du doa bute met däm Babe en de Kjill? Komm enenn. See kjenne am bäta en eenen woamen Uat enwekjle. Komm hia han!"

De Fru wia äwarauscht, eenen oolen Maun en een Schalduak met Brell opp de Näs to seene, dee äa aunroopt, oba see foljd am nenn.

See jinje de Trap erauf, kaume en de kjliene Stow un de oola Maun fieed äa nom Bad.

"Sat die han, mien Schauz, dichtbie däm Owe. Woam die opp un fooda daut Bäbe."

— Ну, кушай еще, — сказал Авдеич. Но Степапыч перекрестился, поблагодарил, отодвинул стакан и встал.

— Спасибо тебе, — говорит, — Мартын Авдеич, угостил ты меня, и душу, и тело насытил.

— Милости просим, заходи другой раз, рад гостю, — сказал Авдеич.

Степаныч ушел, а Мартын слил последний чай, допил, убрал посуду и опять сел к окну за работу — строчить задник. Строчит, а сам всё поглядывает в окно — Христа ждет, всё о Нем и об Его делах думает. И в голове у него всё Христовы речи разные.

Прошли мимо два солдата, один в казенных, другой в своих сапогах, прошел потом в чистенных калошах хозяин из соседнего дома, прошел булочник с корзиной. Все мимо прошли, и вот поровнялась еще с окном женщина в шерстяных чулках и в деревенских башмаках. Прошла она мимо окна и остановилась у простенка. Заглянул на нее из под окна Авдеич, видит женщина чужая, одета плохо и с ребенком, стала у стены к ветру спиной и укутывает ребенка, а укутывать не во что. Одежда на женщине летняя да и плохая. И из-за рамы слышит Авдеич, ребенок кричит, и она его уговаривает, никак уговорить не может. Встал Авдеич, вышел в дверь и на лестницу и кликнул: — Умница! а умница! Женщина услышала и обернулась.

— Что же так на холоду с ребеночком стоишь? Заходи в горницу, в тепле-то лучше уберешь его. Сюда вот.

Удивилась женщина. Видит старик старый в фартуке, очки на носу, зовет к себе. Пошла за ним.

Спустились под лестницу, вошли в горницу, провел старик женщину к кровати.

— Сюда, — говорит, — садись умница, к печке ближе — погреешься и покормишь младенца-то.

"Ekj hab kjeene Malkj. Ekj hab vom tiedjen Morje aun nuscht jejäte," säd de Fru, oba see brocht daut Bäbe emma no aun de Brost.

Martin scheddad dän Kopp. Hee brocht eene Komm un waut Broot äwadäl. Dan muak hee de Owe Däa op un goot waut Komst Supp en de Komm. Hee hold uk de Jrett rut, oba de Brie wia noch nich foadich, aulsoo läd hee een Duak oppem Desch un sad bloos de Supp un daut Broot opp.

"Sat die han un ät, mien Schauz, un ekj woa mie met daut Bäbe kjemre. Gott sie Dank, ekj hab selfst Kjinja jehaut. Ekj weet, woo ekj doamet omgone saul."

De Fru bekjriezt sikj un sad sikj aun dän Desch dol un funk aun to äte, wäarent Martin daut Bäbe oppem Bad läd un sikj dichtbie hansad. Hee spost un spost, oba hee kunn daut nich goot doone un daut Bäbe hield wieda. Dan vesocht Martin, am met däm Finja auntorieere; hee fua met däm Finja direkjt oppem Mul vom Bäbe, trock am dan schwind trigj un deed dit emma wada. Hee leet sikj daut Bäbe nich met däm Finja em Mul näme, wiels daut aules schwoat met Schusta Waus wia. Oba daut Bäbe wort ieescht ruich, beobacht dän Finja un funk dan aun to lache. Un Martin wia sea tofräd.

De Fru aut un räd un säd am, wäa see wia un wua see jewast wia.

"Ekj sie eene Soldote Fru," säd see. "See habe mienen Maun ver acht Moonate irjentwua wiet auf jeschekjt, un ekj hab von dan aun nuscht mea von am jehieet. Ekj haud eenen Plauz aus Kjääkjsche, bat mien Bäbe jebuare wort, oba dan wulle see mie nich met eenen Kjint behoole. Seit dree Moonate Kaumf ekj, kunn oba kjeenen Plauz finje un must aules vekjeepe, waut ekj haud. Ekj hab vesocht, aus Flääjasche to gone, oba kjeena well mie habe; see säde, ekj wia to vehungat un denn. Nu wia ekj jrod bie eene Hendlasch Fru, eene Fru von onsem Darp es met äa em Deenst, un see haft vesproake, mie mettonäme. Ekj docht, daut wia aules besorcht, oba see sajcht mie nu, ekj sull ieescht näakjste Wääkj kome. Daut es wiet to äarem Plauz un ekj sie utjepitscht, un Bäbe es zimlich vehungat, oamet Miet. Jlekjlichawies haft ons Vepachta Metleet met ons un lat ons frie bliewe, sonst weet ekj nich, waut wie doone wudde."

— Молока-то в грудях нет, сама с утра не ела, — сказала женщина, а всё-таки взяла к груди ребенка.

Покачал головой Авдеич, пошел к столу, достал хлеб, чашку, открыл в печи заслонку, налил в чашку щей, вынул горшок с кашей, да не упрела еще, налил одних щей и поставил на стол. Достал хлеба, снял с крючка утирку и на стол положил.

— Садись, — говорит, — покушай, умница, а с младенцем я посижу, ведь у меня свои дети были — умею с ними нянчиться.

Перекрестилась женщина, села к столу и стала есть, а Авдеич присел на кровать к ребенку. Чмокал, чмокал ему Авдеич губами, да плохо чмокается, зубов нету. Всё кричит ребеночек. И придумал Авдеич его пальцем пугать, замахнетса-замахнетса на него пальцем прямо ко рту и прочь отнимет. В рот не дает, потому палец черный, в вару запачкан. И засмотрелся ребеночек на палец и затих, а потом и смеяться стал. И обрадовался и Авдеич.

А женщина ест, а сама рассказывает, кто она и куда ходила.

— Я, — говорит, — солдатка, мужа 8-й месяц угнали далеко, и слуха нет. Жила в кухарках, родила. С ребенком не стали держать. Вот третий месяц бьюсь без места. Проела всё с себя. Хотела в кормилицы — не берут — худа, говорят. Ходила вот к купчихе, там наша бабочка живет, так обещала взять. Я думала совсем. А она велела на той неделе приходить. А живет далеко. Изморилась и его сердечного замучила. Спасибо, хозяйка жалеет нас за ради Христа на квартире. А то бы и не знала, как прожить.

Martin sefst. "Hast du kjeene woamre Kjleeda?" fruach hee.

Воздохнул Авдеич и говорит:
— А одежды-то теплой али нет?

"Wua kaun ekj woame Kjleeda kjriee?" säd see. "Ekj hab Jistre mien latstet Duak fa twee Kopiekje enjepaunt."

— Пора тут, родной, теплой одеже быть. Вчера платок последний за двугривенный заложила.

Dan kjeem de Fru un naum daut Kjint, un Martin stunt opp. Hee jinkj han un kjikjt mank eenje Dinja, dee aune Waunt honge, un brocht eenen oolen Mauntel vää.

Подошла женщина к кровати и взяла ребенка, а Авдеич встал, пошел к стенке, порылся, принес старую поддевку.

"Hia," säd hee, "wan et uk een aufjenuztet oolet Dinkj es, rieekjt et ut, am entowekjle."

— На, — говорит, — хоть и плохая штука, а всё пригодится завернуть.

De Fru kjikjt opp dän Mauntel, dan to dän oolen Maun, un aus see daut naum bruak eene Tron ut. Martin dreid sikj om un socht unja daut Bad un brocht eenen kjlienen Koffa vää. Hee socht doarenn erom un sad sikj wada Jäajenäwa de Fru.

Посмотрела женщина на поддевку, посмотрела на старика, взяла поддевку и заплакала. Отвернулся и Авдеич; полез под кровать, выдвинул сундучек, покопался в нем и сел опять против женщины.

De Fru säd, "De Har säajen die, Frint, sechalich mott Christus mie to dienem Fensta jeschekjt habe, sonst wia daut Kjint jefroare. Aus ekj loos sad, wia et mild, oba nu es et kolt jeworde. Daut mott doch Christus jewast senne, dee die ut dienem Fensta kjikje leet un Metleet met mie habe, oama Kjieedel!"

И сказала женщина:
— Спаси тебя Христос, дедушка, наслал, видно Он меня под твое окно. Заморозила бы я детище. Вышла я, тепло было, а теперь вот как студено завернуло. И наставил же Он, Батюшко, тебя в окно поглядеть, и меня горькую пожалеть.

Martin frinteld un säd, "Daut es derchut woa; hee haft mie doatoo jebrocht, daut to doone. Daut wia kjeen Toofaul, bie däm ekj rut kjikje deed."

Усмехнулся Авдеич и говорит:
— И то Он наставил. В окно-то я, умница, не спроста гляжу.

Un hee vetald de Fru von sienen Droom un woo hee de Stemm vom Har jehieet haud, dee vespruak, am aun disem Dach to besieekje.

И рассказал Мартын и солдатке свой сон, и как он голос слышал, что обещался нынешний день Господь придти к нему.

"Wää weet? Aules es mäajlich," säd de Fru. See stunt opp un schmeet dän Mauntel äwa äare Schulre, wekjeld däm om sikj selfst un om daut Bäbe. Dan bekjt see dol un dankt Martin noch eenmol.

— Всё может быть, — сказала женщина, — встала, накинула поддевку, завернула в нее детище и стала кланяться и опять благодарить Авдеича.

"Nemm daut om Himmels Welle," säd Martin un gauf äa een Jeltstekj, om äa Schal utem Jebirj to hole. De Fru bekjrietz sikj un Martin deed dautselweje un dan jinkj see rut.

— Прими, ради Христа, — сказал Авдеич и подал ей двугривенный — платок выкупить. Перекрестилась женщина, перекрестился Авдеич и проводил женщину.

Nodäm de Fru jegone wia, aut Martin waut Komst Supp, riemd de Sache wajch un sad sikj wada to de Oabeit. Hee saut un oabeid, vegaut daut Fensta oba

Ушла женщина; поел Авдеич шей, убрался и сел опять работать. Сам работает, а окно помнит, как потемнеет в окне, сейчас и взглядывает, кто

nich, un jiedat Mol, wan een Schaute doanopp foll, sach hee fuaz opp, om to seene, waa vebie jinkj. Mensche, dee hee kjand, un Framde kaume vebie, oba kjeena von bemoakjes Wheet.

No een Stootskje sach Martin eene Aupelkruz direkjt ver sienem Fensta. See haud eenen grooten Korf, oba daut schien nich väl Apel doarenn to senne; nom lote no haud see dän jratsten Deel von äare Woa vekoft. Oppem Rigje haud see eenen Sack voll Schips, dän see met no Hus naum.

One twiewel haud see dee aun eenen Uat vesaumelt, wua jebut wort. De Sack deed äa openboa wee, un see wull däm von eene Schulla to de aundre brinje. See läd am opp dän Grunt un lad dän Korf auf eenen Post un funk aun, de Schips em Sack nen to stekje. Wäarent see dit deed, rand een Jung en eene verätne Metz aun, reet eenen Aupel ut däm Korf un vesocht wajch to rutsche; oba de oole Fru bemoakjt daut un dreid sikj om, un jreep dän Jungen aune Meiw. Hee vesocht sikj loostokome, oba de oole Fru hilt am met beid Henj faust, schluach de Metz vom Kopp un jreep siene Hoa. De Jung schrieach un de oola Fru scheld. Martin leet sien Stachel faule, wacht nich doaropp, dee aun siene Städ to stekje, un stormd ut de Dää. Hee stolpad de Trap enopp un leet de Brell en siene Iel faule. Hee rand opp de Gaus. De oole Fru trock aun de Hoa vom Jung, scheld am ut un dreef, am to de Poliez to brinje. De Kjieedel kjamft un stald sikj jääjenaun un säd, "Ekj habe daut nich jenome. Wuavää schleist du mie? Lot mie gone!"

Martin trand dee twee. Hee naum dän Jung bie de Haunt un säd, "Lot am, Ooma. Vejeff am om Himmels Welle."

"Ekj woa am betole motte, doamet hee daut een Joa lang nich vejäte deit. Ekj brinj dän Schlinjel to de Poliez!" De oola Fru leet dän Jung loos un hee wull rane, oba Martin hilt am faust.

"Froag de Ooma om Vejäwunk!" säd hee. "Un doo dit nich noch emol. Ekj hab jeseene, woo du dän Aupel neemst."

De Jung funk aun to hiele un om Vezeiunk to prachre.

прошел. Проходили и знакомые, проходили и чужие, и не было никого особенного.

И вот, видит Авдеич против самого его окна остановилась старуха, торговка. Несет лукошко с яблоками. Немного уж осталось, видно все распродала, а через плечо держит мешок щепок. Набрала, должно быть, где на постройке, к дому идет.

Да видно оттянул ей плечо мешок; захотела на другое плечо переложить, спустила она мешок на панель, поставила лукошко с яблоками на столбике, и стала щепки в мешке утрясать. И пока утрясала она мешок, откуда ни возмись, вывернулся мальчишка в картузе рваном, схватил из лукошка яблоко и хотел проскользнуть, да сметила старуха, повернулась и сцапала малого за рукав. Забился мальчишка, хотел вырваться, да старуха ухватила его обеими руками, сбила с него картуз и поймала за волосы. Кричит мальчишка, ругается старуха. Не поспел Авдеич шила воткнуть, бросил на пол, выскочил в дверь, даже на лестницу спотыкнулся и очки уронил. Выбежал Авдеич на улицу: старуха малого треплет за вихры и ругает, к городовому вести хочет; малый отбивается и отпирается:

— Я, — говорит, — не брал, за что бьешь, пусти.

Стал их Авдеич разнимать, взял мальчика за руку и говорит:

— Пусти его, бабушка, прости его, ради Христа!

— Я его так прошу, что он до новых веников не забудет. В полицию шельмеца сведу.

Стал Авдеич упрашивать старуху:

— Пусти, — говорит, — бабушка, он вперед не будет. Пусти ради Христа!

Пустила его старуха, хотел мальчик бежать, но Авдеич придержал его.

— Проси, — говорит, — у бабушки прощенья. И вперед не делай, я видел, как ты взял.

Заплакал мальчик, стал просить прощенья.

— Ну, вот так. А теперь яблоко на, вот тебе.

“Daut stemt. Un nu hia es een Apel fa die,” un Martin naum eenen Apel un gauf et däm Jung met de Wieed, “Ekj woa die betole, Ooma.”

“See woare am soo vewanen, de junga Schumla,” säd de oole Fru. “Hee sull utjepitscht woare, doamet hee sikj eene Wäakj lang doaraun besenne kaun.”

“O, Ooma, Ooma”, säd Martin, "Daut es ons Wajch, oba daut es nich Gottes Wajch. Wan hee fa de Stälarie von een Apel utjepitscht woare sull, waut sull ons dan fa onse Sinde jedone woare?“ De oola Fru wia stell.

Un Martin vetald äa daut Jlikjniss vom Har, de sienem Kjnajcht eene groote Schult vegauf, un woo de Kjnajcht erut jinkj un sienem Schildna aum Hauls pakt. De oola Fru horcht aules to, un uk de Jung stunt dichtbie un horcht to.

“Gott befält ons to vezeie”, säd Martin, “ooda wie woare nich vejäft woare. Vejeff jiedren eenselen; un ver aulem een Jedanke loosen Jung.”

De oola Fru wakeld met däm Kopp un sefst. "Daut es woa jenuach," säd see, “Oba see woare furchtboa vewant.”

“Dan sull wie oole Mensche an bätre Wäaj wiese,” auntuwad Martin.

"Daut es et, waut ekj saj”, säd de oole Fru. “Ekj hab selfst säwen doavon jehaut, un bloos noch eene Dochta es äwrich.”

De oola Fru funk aun to vetale, wua un woo see met äare Dochta wond un woo väl Grootkjinja see haud. "Nu," säd see, “Ekj hab bloos noch weinich Krauft, oba ekj schauf hoat fa miene Grootkjinja. Un nate Kjinja sent see uk. Kjeena kjemt han, om mie to Trafe buta de Kjinja. De kjliene Annie woat mie nu nich velote. 'Daut es Groosmame, leewe Groosmame, seete Groosmame.'" Un de oola Fru wort bie däm Jedanke vellich wieekj.

“Natieedlich wia et bloos siene Kjintheit, Gott halp am,” säd see un betroock sikj opp dän Jung. Aus de oola Fru jrod gone wull, sprunk de Kjieedel

И Авдеич взял из лукошка и дал мальчику. — Заплачу, бабушка, — сказал он старухе.

— Набалуешь ты их так, мерзавцев, — сказала старуха. — Его так наградить надо, чтобы он неделю на задницу не садился.

— Эх, бабушка, бабушка, — сказал Авдеич. — По нашему-то так, а по Божьему не так. Коли его за яблоко высечь надо, так с нами то за наши грехи что сделать надо? Замолчала старуха.

И рассказал Авдеич старухе притчу о том, как хозяин простил оброчнику весь большой долг его, а оброчник пошел и стал душить своего должника. Выслушала старуха, и мальчик стоял слушал.

— Бог велел прощать, — сказал Авдеич, — а то и нам не простится. Всем прощать, а несмысленному-то и поготово. Покачала головой старуха и вздохнула.

— Так-то так, — сказала старуха, — да уж очень набаловались они.

— Так нам, старикам, и учить их, — сказал Авдеич.

— Так и я говорю, — сказала старуха. — У меня самой их семеро было, — одна дочь осталась.

И стала старуха рассказывать, где и как она живет у дочери, и сколько у ней внучат. — Вот, — говорит, — сила моя уж какая, а всё тружусь. Ребят, внучат жалко, да и хороши внучата-то; никто меня не встретит, как они. Аксютка, так та ни к кому и не пойдет от меня. Бабушка, милая бабушка, сердечная... И совсем размякла старуха.

— Известно дело ребячье. Бог с ним, — сказала старуха на мальчика. Только хотела старуха поднимать мешок на

vää un säd, "Lot mie dien Sak fa die droage, Ooma. Ekj go uk doahan."

De oola Fru nekjt un läd dän Sack oppem Rigje vom Jung, un see jinje jemeensom de Gaus entlank. De oole Fru vegaut gaunz, Martin to froage, dän Aupel to betole. Martin stunt opp un beobacht äa, wäarent see metenaunda räde.

Aus see buta Secht wiere, jinkj Martin nom Hus trigj. Hee funk siene Brell onjebroake oppe Stoope, naum noch sien Stachel un sad sikj wada to de Oabeit. Hee schauft een Stootskje, kunn oba de Borste boolt nich derch de Lajcha em Lada fiere; un jlikj doanopp bemoakjt hee, daut de Laumpe Lichta opp däm wajch wia de Gaus Latoarns auntostekje.

"Daut schient Tiet to senne Licht aun to stekje," docht hee. Aulsoo stald hee siene Laump han, honk dee opp un sad sikj wada to Oabeit. Hee beendet eene Steewel un dreid dee erom, un unjasocht dee. Doa wia aules rajcht. Dan saumeld hee sien Jereetschoft toop, naum de Stekjinja toop, läd de Borste, dän Fade un dän Stachel wajch, naum de Laump rauf un stald dee oppem Desch. Dan naum hee dän Evangelium rut vom Schaup. Hee wull see aun däm Uat op moake, wua hee am verhääjten Dach met Marokko aunjetieekjent haud, oba daut Buak wort aun eenen aundren Uat op jemoakt. Aus Martin dan kjikjt, kjeem am de Droom von Jistre wada em Senn, un kaum haud hee doaraun jedocht, schien hee Schräd to hier, aus wull sikj jeemaunt hinja am bewäaje. Martin dreid sikj om, un daut schien am, aus Lied en de dunkle Akj stunde, oba hee kunn nich erkjane, wää see wiere. Un eene Stemm fuscheld en sien Ua, "Martin, Martin, kjanst du mie nich?"

"Wää es daut?" fruach Martin.

"Ekj sie et", säd de Stemm. Un ut de dunkle Akj staupst Stepanitch, dee frinteld un aus eene Wolkj veschwunk, wia nich mea to seene.

"Ekj sie et", säd de Stemm wada. Un von de Dunkelheit staupst de Fru met däm Babe em Oarm un de Fru frinteld un daut Bäbe lacht, un uk see veschwunge.

плечи, подскочил мальчик, и говорит:
— Дай я снесу, бабушка, мне по дороге. —

Старуха покачала головой и взвалила мешок на мальчика.

И пошли они рядом по улице. И забыла старуха спросить у Авдеича деньги за яблоко. Авдеич стоял и всё смотрел на них и слушал, как они шли и что-то всё говорили.

Проводил их Авдеич и вернулся к себе, нашел очки на лестнице, и не разбились, поднял шило и сел опять за работу. Поработал немного, да уж стал щетинкой не попадать и видит фонарщик прошел фонари зажигать.

«Видно надо огонь засвечать», подумал он, заправил лампочку, повесил и опять принялся работать. Докончил один сапог совсем; повертел, посмотрел: хорошо. Сложил инструмент, смел обрезки, убрал щетинки и концы и шилья, снял лампу, поставил ее на стол и достал с полки Евангелие. Хотел он раскрыть книгу на том месте, где он вчера обрезком сафьяна заложил, да раскрылась в другом месте. И как раскрыл Авдеич Евангелие, так вспомнился ему вчерашний сон. И только он вспомнил, как вдруг послышалось ему, как будто кто-то шевелится, ногами переступает сзади его. Оглянулся Авдеич и видит: стоят точно люди в темном углу — стоят люди, а не может разобрать, кто такие. И шепчет ему на ухо голос:

— Мартын! А Мартын. Или ты не узнал меня?

— Кого? — проговорил Авдеич.

— Меня, — сказал голос. — Ведь это Я. И выступил из темного угла Степаныч, улыбнулся, и как облачко разошелся, и не стало его...

— И это Я, — сказал голос.

И выступила из темного угла женщина с ребеночком, и улыбнулась женщина, и засмеялся ребеночек, и тоже пропали.

“Ekj sie daut”, säd de Stemm noch eenmol. Un de oole Fru un de Jung met däm Aupel kaume erut un beid frintelde, un dan veschwunge uk see.

Un Martin siene Seel wort froo. Hee bekjriezt sikj, sad siene Brell opp un laus daut Evangelium jenuach doa, wua et sikj op jemoakt haud; un bowe opp de Sied laus hee, “Ekj wia hungrich, un du jeefst mie Fleesch, ekj haud Darscht un du jeefst mie to drinkje, ekj wia een Framda, un du neemst mie opp.”

Un aum Enj von de Sied laus hee, "Wan soo du daut fa eene von miene Breedada jedone hast, hast du daut mie aunjedone. (Matt. 25)."

Un Martin vestunt, daut sien Droom woa jewast wia; un daut de Rädna werklich to am jekome wia un am bejreest haud.

— И это я, — сказал голос.

И выступила старуха и мальчик с яблоком, и оба улыбнулись, и тоже пропали.

И радостно стало на душе Авдеича, перекрестился он, надел очки и стал читать Евангелие, там где открылось. И наверху страницы он прочел:

— И взалкал Я, и вы дали Мне есть, жаждал, и вы напоили Меня, был странником, и вы приняли Меня...

И внизу страницы прочел еще:

— Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих, меньших, то сделали Мне (Матфея 25 глава).

И понял Авдеич, что не обманул его сон, что точно приходил к нему в этот день Спаситель его и что точно он принял его.

4. Daut Beese lokt, daut Goode besteit

En de oole Tiede läwd een gooda un frintliha Maun. Hee haud von de Jeeta en dise Welt em Äwafluss un väl Kjnajchte, dee am deende. Un de Kjnajchte wiere stolt opp äaren Har un säde, "Daut jeft kjeenen bätren Har unja de Sonn aus onsa. Hee jeft ons goot to Äte un jeft ons goode. Hee jeft ons Oabeit, dee onse Stoakj aunbelangt. Hee haft kjeene Beesheit un rät met kjeenem een hoadet Wuat. Hee es nich aus aundre Meistasch, dee äare Kjnajchte schljachta behaundle aus Vee. See woare bestroft, auf see daut vedeene ooda nich, un niemols woat een frintlichet Wuat to an jesajcht. Hee wenscht ons aulet Goode, deit Goot un rät frintlich to ons. Wie wensche ons kjeen bätret Läwe."

Soo lowde de Kjnajchte äaren Har, un de Diewel, dee et sach, wort veojat, daut Kjnajchte met äaren Har en soone Leew un Harmonie läwe sulle. Aus hee eenen von an, dän sien Nome Aleb wia, en siene Jewault brocht, befool de Diewel am, de aundre Kjnajchte enne Vesieekjunk to brinje.

Un een Dach, aus see aule toop saute un sikj vepuste un von de Jeeta von äaren Har räde, hoof Aleb siene Stemm un säd, "Daut es domm, daut wie soo väl von de Jeeta fa onsren Har moake. De Diewel selfst wudd nat to dän senne, wan dee deede, waut hee wull. Wie deene onsrem Meista goot un brinje am Freid en aule Dinja. Sooboolt hee aun waut denkjt, moak wie daut, aule siene Wensche woare erfelt. Waut kaun hee doone, aus frintlich to ons senne? Vesieekje See einfach, woo et senne wudd, wan wie am nich befrädjen, sonda am waut schode doone. Hee wudd sikj aus jieda aundra vehoole un daut Beese fa daut Beese trigjtole, aus daut de schljachsta Meista deit.

De aundre Kjnajchts vestriede, waut Aleb jesacht haud, un muake tolatst eene Wad met am. Aleb veflicht sikj, äaren Meista sea doll to moake. Wan hee daut nich foadich brocht, sull hee sien Fastkjeet veliere; wan daut am jelunk, sulle de aundre Kjnajchts am äaret jäwe. Butadäm vespruak hee an, an jäajen dän Meista to veteidje un an frietolote, fauls hee enne Kjäde jelajcht ooda enjestopt woare sull. Nodäm hee dise Wad enjerecht haud, stemd Aleb to, sienen Meista

Зло здоровья, но хорошего достоинства

В старину жил хороший и добрый человек. У него было много вещей этого мира, и многие рабы служили ему. И рабы гордились своим хозяином, говоря:

«Нет лучшего господина, чем наш под солнцем. Он хорошо кормит и одевает нас, и дает нам работу, соответствующую нашим силам. Он не несет злобы и никогда не говорит никому грубых слов. Он не похож на других хозяев, которые относятся к своим рабам хуже, чем к скоту: наказывают их, заслуживают ли они этого или нет, и никогда не дают им дружеских слов. Он желает нам добра, делает добро и говорит с нами доброжелательно. Мы не желаем лучшей жизни.

Таким образом, рабы восхваляли своего господина, и дьявол, видя это, был недоволен тем, что рабы должны жить в такой любви и согласии со своим хозяином. Таким образом, получив одного из них, которого звали Алеб, к его власти, дьявол приказал ему искушать других рабов.

И однажды, когда они все сидели вместе и отдыхали и говорили о доброте своего хозяина, Алеб поднял голос и сказал:

«Глупо делать так много добра нашего учителя. Сам дьявол был бы добр к вам, если бы вы сделали то, что он хотел. Мы хорошо служим нашему учителю и во всем его веселим. Как только он думает о чем-либо, мы делаем это: предвидим все его желания. Что он может сделать, но быть добрым к нам? Просто попробуйте, как это будет, если вместо того, чтобы шутить над ним, мы вместо этого причиняем ему вред. Он будет вести себя, как кто-либо другой, и заплатит злом за зло, как это делают худшие из мастеров.

Другие рабы стали отрицать, что сказал Алеб, и наконец поспорили с ним. Алеб обязался разозлить своего хозяина. Если он потерпел неудачу, он должен был потерять свою праздничную одежду; но если ему это удастся, другие рабы должны были отдать ему свои. Более того, они пообещали защитить его от хозяина и освободить его, если он будет закован в цепи или заключен в тюрьму. Сделав ставку, Алеб

aum näakjsten Morje sea doll to moake.

Aleb wia een Hoad un haud eene Aunzol wieetvolle, reinraussiche Schop en siene Äwamacht, dee sien Har sea goot wia. Aum näakjsten Morje, aus de Meista eenje Jast oppem Hoff brocht, om an em Hock de wieetvolle Schop to wiese, tieekjend Aleb to siene Kommarode, aus wull hee saje, "Nu kijkt mol, woo doll ekj am moake woa."

Aule aundre Kjnajchts vesaumelde sikj un kijkte too äwa dän Tun, un de Diewel klautad opp eenem Boom dichtbie enopp, om to seene, woo sien Deena siene Oabeit doone wudd. De Meista jinkj toom Hock un wees siene Jast daut Muttaschop un de Lama. Nu wull hee an sienen scheensten Bock wiese.

"Aule Bakj sent dia," sad hee, "oba ekj habe eenen met faust jedreide Hieena, dee werklich ontolboa. Däm hab ekj besondasch goot."

Jestieet von de Framden stormde de Schop em Hock erom, soo daut de Jast dän Bock nich rechtich seene kunne. Sooboolt daut stell stunt, erschrakjt Aleb de Schop aus toofalich, un aule wurde wieda derchenaunda jerode. De Jast kunne nich erkjane, woona de sea diara Bock wia. Entlich wort de Meista doavon saut.

"Aleb, leewa Frint," säd hee, "bitte jriepe See onsen basten Bock fa mie, dän met de faust vedreide Hieena. Jriep am sea väasechtich un hool am fa eenen Stootskje stell."

Jrod haud de Meista dit jesacht, wan Aleb aus een Leiw tweschen de Schop stormd un dän onbetolboara Bock aunjreep. Hee hilt am aun de Woll faust, jreep met eene Haunt daut linkje Hinjabeen un häwd et ver de Uage von sien Har opp un reet et, soo daut et aus een driejeja Aust knakt. Hee haud daut Been vom Bock jebroake, un daut foll opp de leed. Dan jreep Aleb daut rachte Hinjabeen, wäarent sikj daut linkje dreid un zimlich schloff hinkj. De Jast un de Kjnajchts roopte oppjäächt ut, un de Diewel, dee oppem Boom saut, freid sikj, daut Aleb siene Oppgow soo kluak foadich jebrocht haud. De Meista sach schwuat aus de Donna ut, runzeld dän Stiern, neijd dän Kopp oba säd kjeen Wuat. De Jast un de Kjnajchts wiere uk stell un wachte doaropp, waut folje wudd. Nodäm de Meista

согласился разозлить своего хозяина на следующее утро.

Алеб был пастухом и имел в своем ведении несколько ценных, чистокровных овец, которых его хозяин очень любил. На следующее утро, когда мастер привел некоторых посетителей в вольер, чтобы показать им ценных овец, Алеб подмигнул своим спутникам, словно говоря: «Видите, теперь, как я буду сердиться на него».

Все остальные рабы собрались, глядя в ворота или через забор, и дьявол забрался на соседнее дерево, чтобы посмотреть, как его слуга будет выполнять свою работу. Хозяин обошел вольер, показывая своим гостям овец и ягнят, и теперь он хотел показать им своего лучшего барана.

«Все бараны ценны, - сказал он, - но у меня есть один с тесно закрученными рогами, который бесценен. Я ценю его как зеницу ока.

Испуганные незнакомцами, овцы бросились вокруг загона, так что посетители не могли хорошо разглядеть барана. Как только она остановилась, Алеб как-то случайно напугал овец, и все они снова запутались. Посетители не могли разобрать, какой таран был бесценным. Наконец хозяин устал от этого.

«Алеб, дорогой друг, - сказал он, - молись, поймай нашего лучшего барана для меня, тот, у которого сильно закрученные рога. Поймай его очень осторожно и удерживай на мгновение.

Вряд ли мастер сказал это, когда Алеб ворвался среди овец, как лев, и схватился за бесценного барана. Держа его крепко за шерсть, он схватил левую заднюю ногу одной рукой и перед глазами своего хозяина поднял ее и дернул так, чтобы она сломалась, как сухая ветка. Он сломал ногу барана, и он упал на колени. Затем Алеб схватил правую заднюю ногу, в то время как левая закрутилась и повисла довольно безвольно. Посетители и рабы с ужасом воскликнули, а дьявол, сидя на дереве, порадовался тому, что Алеб так умно выполнил свою задачу. Мастер выглядел черным, как гром, нахмурился, склонил голову и не сказал ни слова. Посетители и рабы тоже молчали, ожидая, что последует дальше.

een Stootskje stell jebläwe wia, scheddad hee sikj, aus wull hee waut looswoare. Dan hoof hee sienen Kopp un hoof dän Blekj naum Himmel, un bleef soo fa een kortet Stootskje.

Boolt folle de Folde von sienem Jesecht un hee sach met eenem Frintel opp Aleb dol. "Oh, Aleb, Aleb!" säd hee. "Jun Meista haft Junt beese jemoakt; oba mien Meista es stoakja aus Juna. Ekj sie Junt nich doll, oba ekj woa Junen Meista doll moake. Jie habe Angst, ekj woa Junt bestrofe, un Jie habe sikj June Frieheit jewenscht. Dan weete See, Aleb, daut ekj Junt nich bestrofe woa. Doa See oba ver miene Jast frie senne wulle, entlot ekj Junt. Gone See doahan, wua See welle, un nämt Jun Urlaubskjeet met!

Un de gootmeenenda Meista kjieed met siene Jast em Hus trigj; oba de Diewel kjnirscht met de Täne, foll vom Boom erauf un sunk derch dän Boddem.

Помолчав некоторое время, мастер встряхнулся, словно пытаясь сбросить с себя бремя. Затем он поднял голову и, подняв глаза к небу, так и остался на короткое время.

Вскоре морщины исчезли с его лица, и он с улыбкой посмотрел на Алеба:

«О, Алеб, Алеб! Твой хозяин велел тебе разозлить меня; но мой хозяин сильнее твоего. Я не сержусь на тебя, но я разозлю твоего хозяина. Вы боитесь, что я накажу вас, и вы желали вашей свободы. Знай же, Алеб, что я не накажу тебя; но, как вы хотите быть свободным, здесь, перед моими гостями, я освобождаю вас. Отправляйся куда хочешь и возьми с собой праздничную одежду!

И добрый хозяин вернулся со своими гостями в дом; но дьявол, стиснув зубы, упал с дерева и провалился сквозь землю.

5. Kjlíene Mejales sent kluaka aus oole Mana

Daut wia een tiedja Oostre. Daut Schláde Foare wia jrod vebie; Schnee lach emma noch enne Häw; un Wota rand en Ries de Darp Gaus erauf.

Twee kjlíene Mejales ut veschiedne Hiesa troffe sikj toofalich en eene Gaus tweschen twee Hiesa, wua daut schwíensche Wota, nodám et derch de Häw jerant wia, eenen grooten Puddel jebilt haud. Eene Mejal wia sea kjlíen, daut aundre waut jrata. Äare Muttasch haude an beid en niee Kjlíeada jekjleet. De Kjlíene druach eenen bleiwen Rock, dee aundre eenen jälen, un beid haude roode Dieekja oppem Kopp. See wiere jrod ut de Kjoakj jekome, aus see sikj troffe. Toieescht weese see enaunda äare Pracht, un dan funge see aun to späle. Boolt haude see Lost, em Wota to plenschre, un de kjlandre wull en dän Puddel gone, Schoo un aules, wan de elre äa opphilt.

“Go nich nenn, Malasha,” säd see, “Diene Mutta woat die schelle. Ekj trakj miene Schoo un Strempe ut, un du trakjst diene ut.”

See deede daut, un dan naume see äare Rakj auf un jinje derch däm Puddel oppenaunda to. Daut Wota kjeem bat to Malasha äare Kjnechels un see säd, “Daut es deep, Akoulya, ekj hab Angst!”

“Komm doch”, auntwuad de aundre. “Sie nich enjstlich. Daut woat nich deepa gone.”

Aus wee sikj enaunda noda kaume, säd Akoulya,

“Paus opp, Malasha, spretz nich. Go sea väasechtich!” See haud daut kaum jesajcht, aus Malasha äare Schoo erauf folle, soo daut Wota direkjt opp Akoulya äa Kjlíeet sprezt. Daut Kjlíeet wia veplakjt, uk Akoulya äare Uage un Näs. Aus see de Flecks opp äarem Kjlíeet sach, wia see wuttent un rand Malasha hinjaraun, om äa to schlone. Malasha wia veenjst, un aus see sach, daut see sikj en Schwierichkeit jebrocht haud, stormd see utem Puddel un wull no Hus rane. En disem Uagenblekj kjeem Akoulya äare Mutta jrod vebie un sach, daut de Rock von äare Dochta jesprezt wia un äare Meiwe schwíensch wiere. See säd, “Du haslichet, schwíenschet Mejal, waut hast du jemoakt?”

“Malasha haft daut met Fliet jedone,” auntwuad de Mejal.

Doaropphan jreep Akoulya äare Mutta Malasha un schluach äa oppem Kopp. Malasha funk aun to hiele, soo lud daut see delenjd de Gaus jehieet woare kunn.

Äare Mutta kjeem erut.

Девчонки умнее стариков

Святая была ранняя. Только на санях бросили ездить. На дворах снег лежал, и по деревне ручьи текли. Натекла промежду двух дворов в проулке из-под навоза лужа большая. И собрались к этой луже две девчонки из разных дворов — одна поменьше, другая постарше. Обоих девчонок матери в новые сарафаны одели. На маленькой — синий, а на большенькой желтый с разводами. Обоих красными платками повязали. Вышли девочки после обедни к луже, показали друг дружке свои наряды и стали играть. И захотелось им побрызгаться в воде. Полезла было маленькая в башмачках в лужу, а старшенькая и говорит:

— Не ходи, Малаша, — мать заругается. Дай я разуюсь, и ты разуйся.

Разулись девчонки, подобрались и пошли по луже друг дружке навстречу. Вошла Малашка по щиколку и говорит:

— Глубоко, Акулюшка, — я боюсь.

— Ничего, — говорит, — глубже не будет. Иди прямо на меня.

Стали сходитьсь. Акулька и говорит:

— Ты, Малаша, смотри не брызжи, а потихонечку.

Только сказала, а Малашка бултых ногой по воде, — прямо на Акулькин сарафан брызнуло. Сарафан забрызгало, и на нос и в глаза попало. Увидала Акулька на сарафане пятна, раздосадовалась на Малашку, разругалась, побежала за ней, хотела побить. Испугалась Малашка, видит, что беду наделала, выскочила из лужи, побежала домой. Шла мимо Акулькина мать, увидала — на дочке сарафан забрызган и рубаха запачкана.

— Где ты, подлая, изгваздалась?

— Меня Малашка нарочно забрызгала.

Схватила Акулькина мать Малашку, ударила ее по затылку. Завыла Малашка на всю улицу. Вышла Малашкина мать.

“Wuarom schleist du miene Mejal?” säd see. See funk aun äarem Noba to schelle. Een Wuat leid to eenen aundret un see haude eenen dollen Striet. De Mana kaume erut un eene Mensche Menj saumeld sikj opp de Gaus, jieda schrieech un kjeena horcht to. See vetalde aule wieda, bat eena von an eenen Stuks gauf, un see wiere aul dicht to Schlone jekome. Dan vesocht Akoulya äare oola Groosmame tweschen an to kome un an to beruje.

“Wuaraun denkjt jie, Frind? Es daut rajcht, sikj soo to benäme? Aun soon Dach uk! Daut es eene Tiet von Freid un nich fa soone Dommheit.”

See wulle nich to de oola Fru hiere un wulle äa meist von de Feet stukse. See haud de Menj nich beruje kunt, wan et nich fa Akoulya un Malasha selfst jewast wia. Wäarent de Frues sikj Jääjensiedich schelde, haud Akoulya dän Schlaum von äarem Kjleet jewescht un wia trigj no däm Puddel jegone. See naum eenen Steen un funk aun, de Ieed verem Puddel wajch to krauze, om eenen Kanol to moake, derch dän daut Wota opp de Gaus rane kunn. Korz doanopp kaum Malasha to äa un holp äa met eenen Stekj Holt, dän Kanol to growe. Aus de Mana aunfunge to kaumfe, streemd daut Wota von däm Kanol von de kjliene Mejales opp de Gaus to däm Uat, aun däm de oola Fru de Mana to beruje vesocht. De Mejales foljde hinjaraun; eene rand oppe Sied vom Kanol.

“Jriep mol, Malasha! Jriep daut!” roopt Akoulya. Wäarent Malasha nich nom lache wäajen räde kunn. Huach erfreit, un aus see daut Stekjskje Holt entlank äarem Kanol schwame sage, rande de kjliene Mejales direkjt en de Grupp von de Mana. De oola Fru sach an un säd to de Mana, “Schäm jie junt nich, om wäajen dise Mejales to kaumfe, wan see selfst aules vejäte habe un jlekjlich metenaunda späle? Leewe kjliene Seele! See sent kluaka aus jie!”

De Mana kijkjte no de kjliene Mejales, schämde sikj un jinje, selfst lachent, to äare Hiesa.

“Wan jie junt nich omkjiere un aus kjliene Kjinja woare, woa jie opp kjeenen Faul en daut Himmelrikj kome.”

— За что бьешь мою? — стала соседку бранить. Слово за слово, разругались бабы. Повыскачили мужики, собралась на улице куча большая. Все кричат, никто друг друга не слушает. Бранились, бранились, один толкнул другого, совсем было завязалась драка, да вступилась старуха, Акулькина бабка. Вышла в середину мужиков, стала уговаривать:

— Что вы, родные. Такие ли дни? Надо радоваться, а вы такой грех затеяли.

Не слушают старуху, чуть самое с ног не сбили. И не уговорила бы их старуха, кабы не Акулька с Малашкой. Пока бабы перекорялись, затерла себе Акулька сарафанчик, вышла опять на проулок к луже. Подняла камешек и стала у лужи землю ковырять, чтобы на улицу воду спустить. Пока она ковыряла, подошла и Малашка, стала ей подсоблять, тоже щепкой канаву разводить. Мужики только драться начали, а у девчат по канавке вода прошла на улицу и в ручей. Пустили девчата в воду щепочку. Понесло щепочку на улицу, прямо на то место, где старуха мужиков разнимала. Бегут девчонки — одна с одного боку, другая с другого боку ручья.

— Держи, Малаша, держи! — кричит Акулька. Малаша тоже что-то сказать хочет, да не выговорит от смеха.

Бегут так девчата, на щепку смеются, как она по ручью ныряет. И вбежали прямо в середку мужиков. Увидала их старуха и говорит мужикам:

— Побойтесь вы Бога! Вы, мужики, из-за этих самых девчат драться связались, а они давно всё забыли — опять по любви вместе, сердечные, играют. Умней они вас!

Посмотрели мужики на девчат, и стыдно им стало. А потом засмеялись сами на себя мужики и разошлись по дворам.

«Аще не будете как дети, не войдете в царствие Божие».

6. Иyas

Doa wond Mol en daut Jebiet von Oofa een Maun Nomes Ilyas. Sien Voda, dee een Joa, nodäm hee sienen Sän eene Ehefru jefunge haud, storf, haud am nich väl Ieejendom jelote. Ilyas haud donmols bloos säwen Kobbel, twee Kjeej un eene kjiene Schophääd.

Hee wia oba een gooda Vewaulta un jewonn boolt mea. Hee un siene Fru oabeide von Morje bat Owent. See stunde tiedja opp aus aundre un jinje lota schlope. Sien Ieejendom woss Joa äwa Joa. Ilyas, dee opp dise Wäs wond, jewonn emma jratren Rikjdom.

No fiefundartich Joa haud hee 200 Pieed, 150 Rinda, un 1200 Schop. Loon Oabeida kjemmde sikj om siene Häade, un von de Frues worde Kobbel un Kjeej jemolkje un Kumiss, Botta un Kjees häajestalt. Ilyas haud aules em Äwafloss un jieda em Jebiet beneit am. De Lied säde von am, “Ilyas es een jlekljicha Maun, hee haft väl von aulem. Dise Welt mott fa am een aunjenäme Uat senne.” Veträdasch hieede von Ilyas un sochte siene Bekauntschoft. Jast kjeeme von wiet häa to am. Ilyas bejreest een jiedren un jeef an to äte un drinkje. Fa wäemma uk kome Gaust mucht, gauf et emma Kumiss, Tee, Sorbet un Haumel Fleesch, ea dee schlope jinkj. Wanea een Gaust aunkaum, wort een Schop jeschlacht ooda maunchmol twee. Wan väl Jast kjeeme, schlacht hee soogoä eene Kobbel fa an.

Ilyas haud drie Kjinja, twee Säns un eene Dochta, un hee haud de aule befriet. Aus hee noch oam wia, oabeide siene Säns met am un kjemmde sikj om de Häade. Aus hee rikja wort, worde dee vewant un eena von an funk aun to drinkje. De Elsta wort bie eene Schlääjarie omjebrocht. De jinjra, dee eene ieejensenniche Fru jefriet haud, hieed opp, sienen Voda to jehorche, un see kunne nich mea toop wone.

See trande sikj un Ilyas gauf sienem Sän een Hus un waut Vee, un so wort sien Rikjdom waut vekjlandat. Boolt doaropp bruak eene Krankheit mank Ilyas siene Schop ut, un väle storwe. Dan foljd eene schljachte Arnt, un de Hei Arnt wort vestieet; väle Rinda storwe en disem Winta. Dan stoole de Reibasch siene baste Pieed Hääd, un Ilyas sien Ieejendom wort tonicht jebrocht. Hee wort emma kjlanda, wäarent jlikj tiedich siene Krauft noleet. Ea hee zäwentich Joa oolt wia, haud hee aunjefonge, siene Pelze, Teppiche, Sodels,

Ильяс

Жил в Уфимской губернии башкирец Ильяс. Остался Ильяс от отца небогатым. Отец только женил его год и сам помер. Было в то время имения у Ильяса 7 кобыл, 2 коровы и 2 десятка овец.

Но Ильяс был хозяин и стал приобретать: с утра до вечера трудился с женою, раньше всех вставал и позже всех ложился и с каждым годом всё богател. Прожил так в трудах Ильяс 35 лет и нажил большое имяне.

Стало у Ильяса 200 голов лошадей, 150 голов рогатого скота и 1200 овец. Работники пасли табуны и стада Ильясовы, и работницы доили кобылиц и коров и делали кумыс, масло и сыр, Всего было много у Ильяса; и в округе все завидовали Ильясовой жизни. Люди говорили: «счастливый человек Ильяс: всего у него много, ему и умирать не нужно». Стали Ильяса знать хорошие люди и с ним знакомство водить. И приезжали к нему гости издалека. И всех принимал и всех кормил и поил Ильяс. Кто бы ни пришел, всем был кумыс, всем был чай и шерба, и баранина. Приедут гости, сейчас бьют барана или двух, а много наедет гостей, бьют и кобылу.

Детей у Ильяса было два сына и дочь. Женил Ильяс сыновей и выдал дочь замуж. Когда беден был Ильяс, сыновья работали с ним и сами стерегли табуны и овец, а как стали богаты, начали сыновья баловаться, а один стал пить. Одного, старшего, в драке убили, а у другого, меньшого, попала сноха гордая, и стал этот сын отца не слушаться, и пришлось Ильясу отделить его.

Отделил его Ильяс, дал ему дом и скотины, и убавилось богатство Ильясово. И скоро после этого напала болезнь на овец Ильясовых, и попадало много. Потом вышел голодный год — сено не родилось: поколело много скота в зиму. Потом косяк лучший киргизцы отбили, и стало Ильясово имяне убывать. Стал Ильяс падать ниже и ниже. А сил стало меньше. И дошел к 70 годам Ильяс до того, что стал распродавать шубы, ковры, седла, кибитки, потом и скотину

un Zelte to vekjeepe. Entlich must hee sikj von sienem jebläwnen Vee trane un dan de Noot jäänäwa seene. Ea hee wist, woo et passieet wia, haud hee aules veluare, un em Ella must hee un siene Fru em Deenst gone. Ilyas haud nuscht mea äwrich aus de KJleeda oppem Rigje, eenen Pelz Omhang, eene Tauss, Schoo un Äwaschoo un siene Fru Sham-Shemagi, dee em selwjen ella wia. De Sän, dee sikj von am jetrant haud, wie no een Launt wiet auf jegone, un siene Dochta wia doot, soo daut kjeena daut oole Poa halpe kunn.

Äa Noba, Muhammad-Shah, haud Metleet met an. Muhammad-Shah wie nich rikj un nich oam, läwd oba jemietlich un wia een gooda Maun. Hee erinnad sikj aun Ilyas siene Gaust Frintlichkjeit un haud Metleet met am.

“Komm un won met ons, Ilyas, du un diene oole Fru,” säd hee. “Em Somma kaust du en mienem Meloone Goade soo väl oabeide, aus et diene Krauft erlaupt, un em Winta mien Vee foodre; un Sham-Shemagi saul miene Kobbel malkje un Kumiss moake. Ekj woa junt beid foodre un bekjleede. Wan du waut brukst, saj mie, un du saust daut habe.”

Ilyas bedankt sikj bie sienem Noba, un hee un siene Fru naume bie Muhammad-Shah dän Deenst aus Oabeida aun. Aunfanks schien de Deenst hoat fa an to senne, oba see jewande sikj doaraun un läwde wiede un oabeide soo väl, aus äare Krauft erlaupt.

Muhammad-Shah freid sikj to siene niee Oabeida, wiels see selfst Meistasch jewast wiere un wiste, woo eena doamet omjinkj, un wiere nich ful, sonda deede aules waut see kunne. Daut deed Muhammad-Shah oba leet, to seene, woo Mensche, dee eene soo huage Städ haude, soo doljeschloage worde.

Daut kaum emol vää, daut eenje Vewaunte von Muhammad-Shah von sea wiet auf to am kaume, un een Mullah kaum uk. Muhammad-Shah foddad Ilyas opp, een Schop to jriepen un schlachte. Ilyas koakt daut Schop un brocht daut fa de Jast. De Jast aute daut Haumel Fleisch, drunke Tee un drunke Kumiss. Aus see met äarem Gaustjäwa opp Kjesses opp eenem Teppich saute un Kumiss ut äare Tausse drunke, schlikjt Ilyas sikj no siene Oabeit, bie de opne Dää vebie.

Aus Muhammad-Shah am vebiegone sach, säd hee to eenem von de Jast, “Habe see disem oolen Maun

стал продавать последнюю, и сошел Ильяс на-нет. И сам не видал, как ничего не осталось, и пришлось на старости лет идти с женою жить в люди. Только и осталось у Ильяса именья, что платье на теле, шуба, шапка и ичеги с башмаками, да жена, Шам-Шемаги, тоже старуха. Сын отделенный ушел в далекую землю, а дочь померла. И помочь старикам было некому.

Пожалел стариков их сосед Мухамедшах. Сам Мухамедшах был ни беден, ни богат, а жил ровно и человек был хороший. Вспомнил он хлеб-соль Ильясову, пожалел его и сказал Ильясу: «Приходи, — говорит, — ко мне, Ильяс, жить и с старухой. Лето по силе своей мне работай на бахчах, а зимой скотину корми, а Шам-Шемаги пусть кобыл доит и кумыс делает. Кормить, одевать буду вас обоих и, чего вам нужно, вы скажите, я дам».

Поблагодарил Ильяс соседа и стал с женою в работниках у Мухамедшаха. Сначала тяжело показалось, а после привыкли. и стали старики жить и по силе работать.

Хозяину выгодно было таких людей держать, потому что старики сами хозяева были и все порядки знали и не ленились, по силе работали; только жалко бывало Мухамедшаху смотреть, как такие высокие люди на такую низкую ступень пали.

И случилось раз, приехали к Мухамедшаху сваты, далекие гости; пришел и мулла. Велел Мухамедшах поймать барана и убить. Ильяс освежевал барана и сварил и послал гостям. Поели гости баранины, напились чаю и взялись за кумыс. Сидят гости с хозяином на пуховых подушках, на коврах, пьют из чашек кумыс и беседуют, а Ильяс убрался с делами и прошел мимо двери.

Увидал его Мухамедшах и говорит гостю: — Видишь ты, этот старик прошел мимо двери?

bemoakjt, dee jrod vebie jegone es?”

“Jo,” säd de Gaust, “waut es aun am bemoakjsom?”
“Bloos dit, daut hee eenmol de rikjsta Maun unja ons wia,” auntuwad de Gaustjäwa. “Sien Nome es Ilyas. See habe veleicht von am jehieet.”
“Natieedlich hab ekj von am jehieet,” auntuwad de Gaust. “Ekj haud am noch niemols jeseene, oba sien Rum haft sikj wiet vebreet.”

“Jo, un nu haft hee nuscht mea,” säd Muhammad-Shah, “un hee wont nu met mie aus mien Oabeida, un siene oole Fru es uk hia; see malkjt de Kobbel.”
De Gaust wia erstaunt. Hee klikjt de Tung, wakeld dan Kopp un säd, “Daut Jlekj dreit sikj aus een Raut. Een Maun jeit enopp, un een aundra kjemt dol! Es de oola Maun nich truarich äwa aules, waut hee veluare haft?”

“Wäa kaun daut saje? Hee läft ruich un frädlich un schauft goot.”
“Kaun ekj met am räde?” fruach de Gaust. “Ekj mucht am no sien Läwe froage.”
“Wuarom nich?” auntuwat de Meista un hee roopt vom Zelt, wua see saute, “Groosvoda, kome See enenn un drinkje See een Komkje Kumiss met ons un roope See uk hia äare Fru aun.”

Ilyas kaum met siene Fru enenn. Nodäm hee sienem Har un de Jast bejreest haud, wadahold hee een Jebät un sad sikj dichtbie de Däa han. Siene Fru kaum hinjrem Väahank enenn un sad sikj met äare Harin han.

Eene Mot von Kumiss wort Ilyas han jejäft. Hee wenscht de Jast un sienem Har Jesuntheit, bekjt sikj, drunk een beskje un stald de Tauss to Sied.
“Nu, Voda,” säd de Gaust, dee met am haud räde wult, “ekj näm aun, See feele sikj bie onsem Aunblekj zimlich truarich. Daut mott An aun äaren verhäajen Woolstaunt un äaren jäajenwoaticha Sorje erinre.”

Ilyas frinteld un säd, “wan ekj junt saje wudd, waut Jlekj un Onjlekj es, wudde See mie nich jleewe. See sulle bäta miene Fru froage. See es eene Fru, un waut en äa Hoat es, es opp äare Tung. See woat Junt de gaunze Woarheit saje.”

De Gaust dreid sikj toom Väahank om. “Nu, Ooma,”

— Видел, — говорит гость; — а что же в нем удивительного?

— А то в нем удивительного, что это наш первый богач был — Ильясом звать, может, ты слышал?

— Как не слыхать, — говорит гость; — видать не видал, а слава его далеко была.

— Так вот теперь ничего у него не осталось, и живет он у меня в работниках, и старуха его с ним же, кобыл доит.

Подивился гость, пощелкал языком, помотал головой и говорит:

— Да, видно, так счастье перелетает, как колесо; кого вверх поднимает, кого вниз опускает. Что же, — говорит гость, — тоскует, я чай, старик?

— Кто его знает, живет тихо, смирно, работает хорошо. —

Гость и говорит:

— А можно поговорить с ним? Расспросить бы его про его жизнь.

— Что ж, можно! — говорит хозяин и кликнул за кибитку:

— Бабай (значит дедушка по-башкирски), заходи, выпей кумысу и старуху зови.

И вошел Ильяс с женою. Поздоровался Ильяс с гостями и хозяином, прочел молитву и присел на коленочки у двери; а жена прошла за занавеску и села с хозяйкой.

Подали Ильясу чашку с кумысом. Поздоровался Ильяс с гостями и хозяином, поклонился, отпил немного и поставил.

— А что, дедушка, — говорит ему гость, — скучно, я чай, тебе, глядя на нас, свое прежнее житье вспоминать, — как ты в счастье был и как ты теперь в горе живешь?

И усмехнулся Ильяс и сказал:

— Сказать мне тебе про счастье и несчастье, так ты не поверишь; спроси лучше бабу мою; она баба — что на сердце, то и на языке; она тебе всю правду об этом деле скажет.

И сказал гость за занавеску:

roopt hee, “saj mie, woo dien väajen Jlekj met dienem vondoagschen Onjlekj to vejlikje es.”

Un Sham-Shemagi auntwuat hinja däm Väähank, “ekj denkj doaräwa no. Mien oola Maun un ekj läwde feftich Joa lank opp de Sieekj no Jlekj un funge daut nich. Un ieescht nu, dise latste twee Joare, doa wie nuscht mea haude un aus Oabeida läwde, hab wie werkjlichet Jlekj jefunge un wensche ons nuscht Bätret aus onsen vondoagschen Loss.”

De Jast wiere äwarauscht, un de Meista wia daut uk. Hee stunt soogoa opp un trock dan Väähank trigj, om daut Jesecht von de oole Fru to seene. Doa stunt see met jefoljde Oarme, sach äaren oolen Maun aun un frinteld. Un hee frinteld no äa.

De oole Fru fua wieda, “Ekj räd de Woarheit un spos nich. Een haulwet Joahundat lank hab wie no Jlekj jesocht un soolang aus wie rikj wiere, hab wie daut nich jefunge. Nu, doa wie nuscht mea äwrich habe un aus Oabeida Deenst jenome habe, hab wie soon Jlekj jefunge, daut wie nuscht Bätret welle.”

“Oba wuaraun besteit jun Jlekj?” fruach de Gaust.

“Wuaraun,” auntwud see, “aus wie rikj wiere, haud mien Maun un ekj soo väl Sorje, daut wie kjeene Tiet haude, metenaunda to råde ooda aun onse Seel to denkje ooda aun Gott to bäde. Wan wie Jast haude must wie äwalaje, woont Äte wie an väatolaje sulle un woone Jeschenkje an to jäwe wia, doamet see nich schljacht von ons råde. Aus see jinje must wie ons om onse Oabeide kjemre, dee sikj stendich von de Oabeit trocke un daut baste Äte hole wulle, wäarent wie aules an ruthole muste. Aulsoo hab wie jesindicht. Dan haud wie Angst, daut een Wulf een Falm ooda een Kaulf oppfräte kunn ooda Reibasch onse Pieed stäle wudde. Wie lage Nachts waka un muake ons Sorje, daut de Muttaschop äare Lama schode wudde, un wie stunde emma wada opp, om to seene, daut aules goot wia. Eene Sorj, eene aundre Sorj wudd oppducke, toom Biespel jenuach Fooda fa däm Winta to kjrie. Butadäm stemd mien oola Maun un ekj nich äwareen. Hee wudd saje, wie muste soo un soo, un ekj wudd nich toestemme. Un dan hab wie ons jestråde, wada jesindicht. Aulsoo jinj wie von eenem Probleem toom aundren, von eene Sind to eene aundre, un funge kjeen Jlekj.”

“Goot, un nu?”

— Ну что ж, бабушка, скажи, как ты судишь про прежнее счастье и про теперешнее горе?

И сказала Шам-Шемаги из-за занавески.

— А вот как сужу: жили мы с стариком 50 лет — счастья искали и не нашли, а только вот теперь второй год, как у нас ничего не осталось и мы в работниках живем, мы настоящее счастье нашли и другого нам никакого не надо.

Удивился гость, и удивился хозяин, привстал даже, откинул занавеску, чтобы видеть старуху. А старуха стоит, сложив руки, усмехается, на старика своего смотрит, и старик усмехается.

Старуха еще раз сказала:

— Правду я говорю, не шучу: полвека счастья искали и, пока богаты были, всё не находили; теперь ничего не осталось, в люди пошли жить, — такое счастье нашли, что лучше не надо.

— Да в чем же ваше счастье теперь?

— А вот в чем: были мы богаты, не было у нас с стариком часу покоя; ни поговорить, ни об душе подумать, ни Богу помолиться. Сколько у нас заботы было! То гости к нам, — забота, кого чем угостить, чем подарить, чтобы не обессудили нас. То гости съедут, за работниками смотрим — они норовят отдохнуть да послаще съесть, а мы глядим, чтобы наше не пропадало — грешим. То забота, как бы волк не зарезал жеребенка или теленка, как бы воры косяка не угнали. Спать ляжешь, не спится — как бы ягнят не передавили овцы. Пойдешь, ходишь ночью; только успокоишься, — опять забота, как корму на зиму запasti. Да мало того, и согласья у нас с стариком не было. Он говорит, так надо сделать, а я говорю этак, и начнем грешить и браниться. Так жили мы из заботы в заботу, из греха в грех и не видали счастливой жизни.

— Ну, а теперь?

“Wan mien Maun un ekj aum Morje oppwakje, hab wie emma een leew vollet Wuat metenaunda un wie läwe frädlich un habe nuscht, äwa waut wie ons striede motte. Wie kjenre ons aun nuscht aundret, aus woo wie onsen Harn aum basten deene kjenne. Wie oabeide soo väl, aus ons de Krauft erlaubt. Wie doone daut met eenem Welle, daut ons Har von ons nich veliere, sonda jewenne woat. Wan wie nenkome, es daut Owentkost reed, un daut jeft Kumiss to drinkje. Wie habe met waut to hette, wan et kolt es un wie habe een Pelz Omhang. Un wie habe Tiet to räde, Tiet, om aun onse Seele to denkje, un Tiet om to Både. Seit feftich Joa socht wie daut Jlekj, oba ieescht nu hab wie daut jefunge.”

De Jast lachte.

Oba Ilyas säd, “Lache see nich, Frind. Doa es kjeene Froag vom Spose, daut es de Woarheit vom Läwe. Wie wiere uk Aunfanks onveninflich un hielde äwa dän Veluss vom Rikjdom; oba nu haft Gott ons de Woarheit jewäse un wie sage daut nich to onsen ieejnen Troost, sonda to onsem Baste.”

Un de Mullah säd, “Daut es eene wise Räd. Ilyas haft de jenaue Woarheit jesajcht. Dautselwe woat en de Heilje Schreft jesajcht.

Un de Jast hieede opp to lache un worde nodenkjlich.

— Теперь встанем мы с стариком, поговорим всегда по любви, в согласьи, спорить нам не о чем, заботиться нам не о чем, — только нам и заботы, что хозяину служить. Работаем по силам, работаем с охотой, так, чтоб хозяину не убыток, а барыш был. Придем — обед есть, ужин есть, кумыс есть. Холодно — кизяк есть погреться и шуба есть. И есть, когда поговорить, и об душе подумать, и Богу помолиться. Пятьдесят лет счастья искали, теперь только нашли.

Засмеялись гости.

А Ильяс сказал:

— Не смейтесь, братцы, не шутка это дело, а жизнь человеческая. И мы глупы были с старухой и плакали прежде, что богатство потеряли, а теперь Бог открыл нам правду, и мы не для своей утехы, а для вашего добра вам ее открываем.

И мулла сказал:

— Это умная речь, и все точную правду сказал Ильяс, это и в писании написано.

И перестали смеяться гости и задумались.

7. Woo väl Launt brukt een Maun?

De Bashkirs, dee de Launtieejen-deema wiere, muake sikj reed un aule funge aun: eenje opp Woages, un eenje opp Pieed. De Bua Pakhom, de bejierich Launt billich Launt kjeepe wull, fua met sienem Deena en sienen ieejnen kjlienen Woage un naum eenen Spodem met am. Wan see bat de Stap kjeeme, funk daut Morjeroot aun. See bestieeje eenen Hempel un kaume von äare Woages un Pieed erauf, un vesaumelde sikj oppe Spetz vom Hempel.

De Hauptmaun vonne Bashkirs kaum no Pakhom un weifeld dän Oarm gaunz erom an. "Seene See", säd hee, "daut aules, soowiet aus june Uage seene kjenne, jehieet ons. Du kaunst habe woont du welst."

Pakhom siene Uage jlenste: daut wia aules onberieede leed, soo plaut aus de Bennahaunt, soo schwuat aus daut Sot von een Monbloom, un en de Läächte wosse veschiedne Oate von Graus huach aus de Brost.

De Hauptmaun naum siene Foss Pelz Metz auf, stald dee oppem Boddem un säd: "Daut woat de Tieekje senne. Fang von hia aun un komm hia wada trigj. Daut gaunze Launt daut du omgone woascht, saul dient senne."

Pakhom naum sien Jelt erut, de dusent Rubbel, un sad dee oppe Metz. Dan trock hee sienen Buta Mauntel auf, un bleef en sienem Oarm loosen Unja Mauntel. Hee muak sien Belt op un bunk däm unjrem Buck faust un läd eenen kjlienen Sak Broot en de Fupp von sienem Mauntel. Hee haud eene Buddel Wota aum Belt jebunge, trock de Steewle huach, naum dän Spodem von sienem Deen un wia reed auntofange.

Hee äwaläd een Stootskje woonen Wajch bäta wia to gone; daut wia aules soo sea lockent. "Eegol", entschloot hee, "ekj go no de oppgonende Sonn opptoo."

Hee dreid sien Jesecht nom Ooste, strakjt sikj un wacht bat de Sonn äwa däm Boajch erschiene wudd. "Ekj mott kjeene Tiet veliere," docht hee, "un daut es leichta to rane, soolang et noch kolt es."

De Sonnestrole kaume ver Pakhom äwa däm Horizont jeschote. Metem Spodem äwa de Schulla, jinkj hee dol to de Stap.

Много ли человеку земли нужно?

Собрались башкирцы, сели — кто верхами, кто в тарантасы, поехали. А Пахом с работником на своем тарантасике поехали и с собой скребку взяли. Приехали в степь, заря занимается. Въехали на бугорок, по-башкирски — на шихан. Вылезли из тарантасов, послезали с лошадей, сошлись в кучку.

Подошел старшина к Пахому, показал рукой. — Вот, — говорит, — вся наша, что глазом окинешь. Выбирай любую.

Разгорелись глаза у Пахома: земля вся ковыльная, ровная как ладонь, черная как мак, а где лошинка — так разнотравье, трава по груди. Снял старшина шапку лисью, поставил на землю. — Вот, — говорит, — метка будет. Отсюда пойдя, сюда приходи. Что обойдешь, всё твое будет.

Вынул Пахом деньги, положил на шапку, снял кафтан, в одной поддевке остался, перепоясался потуже под брюхо кушаком, подтянулся, сумочку с хлебом за пазуху положил, баклажку с водой к кушаку привязал, подтянул голенища, взял скребку у работника, собрался идти.

Думал, думал, в какую сторону взять, — везде хорошо. Думает — всё одно: пойду на восход солнца.

Стал лицом к солнцу, размялся, ждет, чтобы показалось оно из-за края. Думает — ничего времени пропускать не стану. Холодком и идти легче.

Только брызнуло из-за края солнце, вскинул Пахом скребку на плечо и пошел в степь.

Pakhom jinkj wāda langsam ooda schwind. Nodām hee een Miel jegone wia, hilt hee aun, groof een Loch un lād de Sood Stekja oppenaunda om dee sechtboara to moake. Dan jinkj hee wieda; un nu jinkj hee stoakja. No een Stootskje groof hee een tweedet Loch.

Pakhom kijkt trigj. De Hempel wia dietlich em Sonnenlicht to seene, met de Lied doabowe un de jlenkende Reife von de Woagerāda. Pakhom docht, daut hee drie Miele jegone wia. Daut wort woama; hee trock sienen Mauntel auf, schmeet daut äwre Schulla un jinkj wieda. Daut wia nu gaunz woam jeworde. Hee sach en de Sonn daut et Tiet aun Freestikj to denkje wia.

“De ieeschte Schicht es foadich, oba en eenem Dach jeft et vea, un daut es noch too tiedich to wenje. Oba ekj trakj mie bloos de Steewle ut,” sād hee to sikj selfst. Hee sad sikj han, trock de Steewle ut, stuak dee en sienen Belt un jinkj wieda. Daut wia leicht nu to rane.

“Ekj woa noch drie Miel wiedagone,” docht hee, “un bieej dan no linkjsch auf. Dise Städ es soo scheen, daut et schod senne wudd, see to veliere. Je wieda maun jeit, de bāta schient daut Launt.”

Hee jinkj een Stoot jrod ut, un aus hee sikj omkijkt, wia de Hempel kaum to seene un de Lied sage aus schwoate Eemskje, un hee kunn kaum doa waut seene daut en de Sonn jlenst.

“O,” docht Pakhom, “ekj sie wiet jenuach en dise Rechtunk jegone, daut es Tiet to wenje. Butadām schweet ekj aul un sie sea darschtich.” Hee bleef stone, groof een Loch ut un hiept de Sood Stekja opp. Aus nāakjstet naum hee siene Buddel un drunk Wota un wenjd dan schoap no linkjsch. Hee jinkj wieda un wieda; daut Graus wia huach un daut wia sea heet. Pakhom wort meed: hee kijkt de Sonn aun, un sach daut et Meddach wia.

"Nu", docht hee, "mott ekj mie vepuste." Hee sad sikj han un aut waut Broot un drunk Wota; feeld sikj sea schleerich. Nodām hee een Stootskje jesāte haud, jinkj hee oba wada wieda. Toieescht wia et leicht: daut Äte haud am jestoakjt; oba daut wia furchtboa heet jeworde un hee feeld sikj noch schleerich. Hee fua oba wieda un docht: “Eene

Пошел Пахом не тихо, не скоро. Отошел с версту; остановился, вырыл ямку и дернички друг на дружку положил, чтоб приметней было. Пошел дальше. Стал разминаться, стал и шагу прибавлять. Отошел еще, вырыл еще другую ямку.

Оглянулся Пахом. На солнце хорошо видно шихан, и народ стоит, и у тарантасов на колесах шины блестят. Угадывает Пахом, что верст 5 прошел. Согреваться стал, снял поддевку, вскинул на плечо, пошел дальше. Отошел еще верст пять. Тепло стало. Взглянул на солнышко, — уж время об завтраке.

«Одна упряжка прошла, — думает Пахом. — А их четыре в дню, рано еще заворачивать. Дай только разуюсь». Присел, разулся, сапоги за пояс, пошел дальше. Легко идти стало.

Думает: «Дай пройду еще верст пяток, тогда влево загигать стану. Место-то хорошо очень, кидать жалко. Что дальше, то лучше». Пошел еще напрямик.

Оглянулся — шихан уж чуть видно и народ, как мураши, на нем чернеется и чуть блестит что-то.

«Ну, — думает Пахом, — в эту сторону довольно забрал; надо загигать. Да и разопрел — пить хочется». Остановился, вырыл ямку побольше, положил дернички, отвязал баклажку, напился и загнул круто влево. Шел он, шел, трава пришла высокая, и жарко стало. Стал Пахом уставать; поглядел он на солнышко, видит — самый обед.

«Ну, — думает, — отдохнуть надо». Остановился Пахом, присел. Поел хлебца с водой, а ложиться не стал: думает ляжешь, да и заснешь. Посидел немного, пошел дальше. Сначала легко пошел. От еды силы прибавилось. Да уж жарко очень стало, да и сон клонить стал; однако все идет, думает — час терпеть, а век жить.

Stunde to leide, een Läwe to läwe.”

Hee jinkj uk eenen grooten Wajch en dise Rechtunk un wull jrod wada linksch aufbieeje, aus hee eene feichte Läächt woa naum: "Daut wudd schod senne, et to vemeide," säd hee. "Flaus wudd doa goot wausse." Aulsoo jinkj hee aun aundre Sied vonne Läächt un groof een Loch doa, ea hee de Akj buach. Pakhom kjikjt nom Hempel. De Hett muak de Loft veschwomme: see schien to zetre un derch daut Donst kunn Maun de Mensche oppem Hempel kaum seene.

“O!” docht Pakhom: “Ekj hab dise Sied too lang jemoakt; ekj mott dee kjarta moake.” Un hee jinkj de dredde Sied entlank un jinkj schwinda. Hee kjikjt no de Sonn. Daut wia meist oppem haulwen Wajch bat toom Horizont, un hee haud noch kjeene dree Miel trigj jelajcht aune dredde Sied.

“Na,” docht hee, “Oppwool mien Launt doaderch eensiedich woat, mott ekj mie trigj spoode en eene jerode Lienje. Ekj kunn too wiet gone, un ekj hab eene Menj von Launt.” Also groof Pakhom schwind een Loch un jinkj jrod oppem Hempel to.

Pakhom jinkj direkjt toom Hempel opptoo, oba hee jinkj nu met Schwierichkeit. Hee wia meed von de Hett, siene noaktje Feet wiere jeschnäde un veschloage, un siene Been funge aun auftosaje. Hee jankad sikj uttoreiwe, oba daut wia ommäajlich, wan hee ver Sonn Unjagank trigj senne wull. De Sonn wacht opp kjeenem, un see sunk deepa un deepa dol. “O,” docht hee, “wan ekj bloos nich vesocht haud, too väl to näme! Waut wudd senne, wan ekj too lot kom?” Hee kjikjt toom Hempel un to de Sonn. Hee wia noch wiet von sienem Ziel, un de Sonn stunt aul aum Raunt.

Pakhom jinkj wieda un wieda; daut wia sea schwoa to gone, oba hee jinkj schwinda un schwinda. Hee kaum wieda, wia oba noch wiet vom Ziel auf. Hee funk aun to rane, schmeet sienen Mauntel, siene Steewle, siene Buddel un siene Metz wajch un bleef bloos metem Spodem däm hee aus Unjastettunk brukt.

Waut saul ekj doone, docht hee wieda, ekj hab too väl jenome un de gaunze Sach es vespält. Ekj sie nich trigj, ea de Sonn unjajeit.”

Un dise Angst muak am Odemloos. Pakhom rand wieda. Siene Kjleeda kjeewe aun am un sien Mul wia

Прошел еще и по этой стороне много, хотел уж загигать влево, да глядь — лощинка подошла сырая; жаль бросать. Думает, «лен тут хорош уродится». Опять пошел прямо. Захватил лощинку, выкопал ямку за лощиной, загнул второй угол. Оглянулся Пахом на шихан: от тепла затуманилось, качается что-то в воздухе и сквозь мару чуть виднеются люди на шихане — верст 15 до них будет.

«Ну, — думает Пахом, — длинны стороны взял, надо эту покороче взять». Пошел третью сторону, стал шагу прибавлять. Посмотрел на солнце — уж оно к полднику подходит, а по третьей стороне всего версты две прошел. И до места всё те же верст 15.

«Нет, — думает, — хоть кривая дача будет, а надо прямиком поспевать. Не забрать бы лишнего. А земли и так уж много». Вырыл Пахом поскорее ямку и повернул прямиком к шихану.

Идет Пахом прямо на шихан, и тяжело уж ему стало. Разопрел и ноги босиком изрезал и отбил, да и подкашиваться стали. Отдохнуть хочется, а нельзя, — не успеешь дойти до заката. Солнце не ждет, всё спускается да спускается. «Ах, думает, не ошибся ли, не много ли забрал? Что, как не успеешь?» Взглянет вперед на шихан, взглянет на солнце: до места далеко, а солнце уж недалеко от края.

Идет так Пахом, трудно ему, а всё прибавляет да прибавляет шагу. Шел, шел — всё еще далеко; побежал рысью. Бросил за поддевку, сапоги, баклажку, шапку бросил, только скребку держит, ей попирается.

«Ах, — думает, — позарился я, всё дело погубил, не добегу до заката».

И еще хуже ему от страха дух захватывает. Бежит Пахом, рубаха и портки от пота к телу липнут, во

drieech. Siene Brost oabeid soo aus een Schmiedebalg, sien Hoat schluach aus een Homa, un siene Been wulle no jäwe. Pakhom wort jejräpe met eenen grooten Grul, daut hee von de Aunstrenjunk stoawe wudd.

Oppwool hee Angst fa däm Doot haud, kunn hee nich opphoole. "Nodäm ekj dän gaunzen Wajch jerant hab, wudde see mie eenen Domkopp nane, wan ekj nu opphoole wudd," docht hee.

Un hee rand wieda un wieda. Hee kaum noda un hieed de Bashkirs schrieen un daut Jelud enzind sien Hoat noch mea. Hee saumeld siene latste Krauft un rand wieda. De Sonn wia no aum Raunt un em Näwel bedakjt; dee sach soo groot un soo root aus Bloot. Nu jo, nu wull et unjagone! De Sonn wia zimlich deep, oba hee wia uk zimlich dicht bie sienem Ziel. Pakhom kunn aul seene, woo de Lied opp däm Hempel äare Oarme weifelde, om am to beiele. Hee kunn de Foss Pelz Metz oppem Boddem seene un daut Jelt doaropp. De Hauptmaun saut oppem Boddem un hilt siene Siede.

"Ekj hab väl Launt jewonne," docht hee, oba woat mie Gott doavon läwe lote? Ekj hab mien Läwe veluare, ekj hab mien Läwe veluare! Ekj woa niemols bat de Städ kome!"

Pakhom kjikjt no de Sonn, dee de Ieed errieekjt haud: daut unjre Haulf wia veschwunge! Met aul siene äwa bliewende Krauft stormd hee wieda un bieejd sien Kjarpa, soo daut siene Been meist nich stoakj jenuach folje kunne, om am von faule aufthoole.

Aus hee toom Hempel kaum, wort et plazlich dunkel. Hee kjikjt opp; de Sonn wia aul unjajegone! Hee roopt lud, "Miene gaunze Oabeit es vejäwen jewäse." Hee wull jrod opphiere, oba hee hieed de Bashkirs schrieen un erinnad sikj daut fa am, von unje, de Sonn unjajegone wia, oba oppem Hempel wia dee noch to seene. Hee hold deepe Loft un rand dän Hempel enopp. Daut wia noch emma dach bowe. Hee kaum oppe Spetz un sach de Metz. Doa veropp saut de Hauptmaun un lachent hilt siene Siede. Hee schrieen ut: siene Been gauwe nu unja am no, hee foll no väare un hee strakjt dan Oarm ut mete Finjasch rieed de Metz aun.

"O, daut es een gooda Kjieedel!" roopt de Hauptmaun

рту пересохло. В груди как мехи кузнечные раздуваются. а в сердце молотком бьет, и ноги как не свои — подламываются Жутко стало Пахому: думает, «как бы не помереть с натуги».

Помереть боится, а остановиться не может. «Столько, — думает, — пробежал, а теперь остановиться, — дураком назовут».

Бежал, бежал, подбегает уж близко и слышит: визжат, гайкают на него башкирцы, и от крика ихнего у него еще пуще сердце разгорается. Бежит Пахом из последних сил, а солнце уж к краю подходит, в туман зашло; большое, красное, кровавое стало. Вот-вот закатываться станет. Солнце близко, да и до места уж вовсе не далеко. Видит уж Пахом, и народ на шихане на него руками махает, его подгоняют. Видит шапку лисью на земле и деньги на ней видит; видит и старшину, как он на земле сидит, руками за пузо держится.

И вспомнился Пахому сон. «Земли, — думает, — много, да приведет ли Бог на ней жить. Ох, погубил я себя, — думает, — не добегу».

Взглянул Пахом на солнце, а оно до земли дошло, уж краешком заходить стало и дугой к краю вырезалось. Надал из последних сил Пахом, навалился наперед телом, насилу ноги поспевают подставляться, чтоб не упасть.

Подбежал Пахом к шихану, вдруг темно стало. Оглянулся, — уж зашло солнце. Ахнул Пахом. «Пропали, — думает, — мои труды». Хотел уж остановиться, да слышит, гайкают всё башкирцы, и вспомнил он, что снизу ему кажется, что зашло, а с шихана не зашло еще солнце. Надулся Пахом, взбежал на шихан. На шихане еще светло. Взбежал Пахом, видит — шапка. Перед шапкой сидит старшина, гогочет, руками за пузо держится. Вспомнил Пахом сон, ахнул, подкосились ноги, и упал он наперед, руками до шапки достал.

— Ай, молодец! — закричал старшина. — Много

ut: "Hee haft vël Launt jewonne!"

земли завладел!

Pakhom sien Diena kaum aunjerant un wull am halpe oppstone, oba hee sach daut Bloot ut sienem Mul schumd. Pakhom wia doot! De Bashkirs klikjte äare Tunge, om äa Metleet to wiese.

Подбежал работник Пахомов, хотел поднять его, а у него изо рта кровь течет, и он мертвый лежит. Поцелкали языками башкирцы, пожалели.

Sien Deena hoof dän Spodem opp un groof een Grauf fa Pakhom ut un begroof am doa. Bloos sas Schoo vom Kopp bat de Hake wia aules waut needich wia.

Поднял работник скребку, выкопал Пахому могилу, ровно насколько он от ног до головы захватил — три аршина, и закопал его.

8. Oa soo groot aus een Heenaei

Een Dach funge een poa Kjinja en eene Schlucht een Dinkj änlich to eene Kornoa met eene Ran en de Medd, oba soo groot aus een Heenaei. Een vebie komenda Reisenda sach daut Dinkj, koft daut von de Kjinja fa een Cent un brocht et en de Staut, om daut däm Kjeenich aus Eenzelheit to vekjeepe.

De Kjeenich roopt siene Jeliiede toop un foddad an opp, uttofinje, waut daut Dinkj wia. De Jeliiede bedochte un bedochte un kunne wada Kopp noch Zoagel doarut moake. Een Dach oba, aus daut Dinkj opp eenen Fensta Brat lach, kaum eene Han to jefloage un hakt doaraun, bat see een Loch doarenn jemoakt haud. Dan kunn jieda Maun seene, daut et een Oa wia.

De Jeliiede jinje nom Kjeenich un säde, "Daut es eene Roggenoa."

Doaropp wia de Kjeenich sea äwarauscht; un hee befool de Jeliiede uttofinje, wan un woo soon Korn jewosse wia. De Jeliiede bedochte wada un sochte derch äare Bieekja, funge oba nuscht doavon.

Soo kjeiede see nom Kjeenich trigj un säde, "Wie kjenne An kjeene Auntwuat jäwe. En onse Bieekja steit nuscht doavon. See sulle de Buares froage; veleicht habe eenje von an von äare Vodasch jehieet, wan un woo Jeträajd soo groot jeworde es."

De Kjeenich befool, daut een sea ellerachtja Bua ver am jebrocht woare sull, un siene Deena funge eenen soonen Maun un brochte am nom Kjeenich. Oolt un jebieecht, blaus un Tän loos jelunk et am, met Help von twee Kjekje en dee Jäajenwuat vom Kjeenich to kome.

De Kjeenich wees am de Oa, oba de oola Maun kunn et kaum seene; hee naum et oba un feeld et met siene Henj.

De Kjeenich fruach am un säd, "Kjenne See ons saje, Oola Maun, wua soon Jeträajd woss? Habe See jeemols soone Oa jekoft ooda en äare Felda jeseit?"

De oola Maun wia soo doof, daut hee kaum hierie kunn, waut de Kjeenich säd, un hee vestunt et bloos sea schwoa. "Nä!" auntwuat hee schlieslich, "Ekj hab entwäda opp miene Felda jeseit noch jaarnt, noch hab

Зерно с куриным яйцом

Нашли раз ребята в овраге штучку с куриное яйцо с дорожкой посередине и похоже на зерно. Увидел у ребят штучку проезжий, купил за пятак, повез в город, продал царю за редкость.

Позвал царь мудрецов, велел им узнать, что за штука такая — яйцо или зерно? Думали, думали мудрецы — не могли ответа дать. Лежала эта штучка на окне, влетела курица, стала клевать, проклевала дыру; все и увидели, что — зерно.

Пришли мудрецы, сказали царю: «Это — зерно ржаное».

Удивился царь. Велел мудрецам узнать, где и когда это зерно родилось. Думали, думали мудрецы, искали в книгах, — ничего не нашли. Пришли к царю, говорят:

«Не можем дать ответа. В книгах наших ничего про это не написано; надо у мужиков спросить, не слыхал ли кто от стариков, когда и где такое зерно сеяли.

Послал царь, велел к себе старого старика, мужика, привести. Разыскали старика старого, привели к царю. Пришел старик, зеленый, беззубый, насилу вошел на двух костылях.

Показал ему царь зерно, да не видит уж старик; кое-как половину разглядел, половину руками ощупал.

Стал царь его спрашивать:

— Не знаешь ли, дедушка, где такое зерно родилось? Сам на своем поле не севал ли хлеба такого или на своем веку не покупывал ли где такого зерна?

Глух был старик, насилу-насилу расслушал, насилу-насилу понял. Стал ответ держать:

— Нет, — говорит, — на своем поле хлеба такого севать не севал, и жинать не жинал, и покупать не

ekj jeemols soont jekoft. Aus wie Korn kofte, wiere daut Korn emma soo kjlien aus nu. Oba See kjenne mienen Voda froage. Hee haft veleicht jehieet, woo soon Jeträäjd woss.”

Aulsoo schekjt de Kjeenich no däm Voda vom oolen Maun, un hee wort jefunge un ver dän Kjeenich jebrocht. Hee kjeem met eene Kjrekj spaziere. De Kjeenich wees am de Kornoa, un de oola Bua, dee noch seene kunn, sach et jenuach an.

De Kjeenich fruach am dan, “Kjenne See ons nich saje, Oola Maun, woo Friejjoa eene Oa aus dise jewosse wort? Habe See jeemols soo waut jekoft ooda en äare Felda jeseit?”

Wan dis oola Maun uk zimlich schwoahierich wia, horcht hee emma noch bäta aus sien Sän daut jedone haud. “Nä”, säd hee. “Ekj hab opp mienem Felt niemols soon Jeträäjd jeseit ooda jearnt. Waut daut kjeepje aunjeit, koft ekj niemols, wiels Jelt to miene Tiet noch nich en Jebruck wia. Jieda bud sien ieejnet Jeträäjd aun, un wan daut fäld, deeld wie ons metenaunda. Ekj weet nich, woo de Korn woss. Onset wia jrata un brocht mea Mäl verhää aus daut vondoagsche Jeträäjd, oba soo waut hab ekj noch niemols jeseene. Ekj hab oba jehieet, daut mien Voda jesajcht haft, daut et Jeträäjd to siene Tiet jrata wort un mea Mäl brocht aus onset. See sulle am bäta Froage.”

Aulsoo schekjt de Kjeenich no däm Voda von disen oolen Maun, un see funge am uk un brochte am ver dän Kjeenich. Hee jinkj leicht un one Kjrekje spaziere, siene Uage wiere kloa, hee horcht goot un hee spruak dietlich. De Kjeenich wees am de Oa, un de oola Grootvoda bekjikt sikj daut un dreid et en siene Haunt erom.

“Daut es lang hää, von dan ekj soone Oa jeseene hab,” säd hee, un hee bitt een Stekj auf un probieed et.

“Daut es de selwje Oat,” jeef hee naun.

“Saj mol, Grootvoda”, säd de Kjeenich, “wan un wua wort soone Oan aunjebut? Habe See jeemols soo waut jekoft ooda en äare Felda jeseit?”

Un de oola Maun auntwuad, “Korn soo aus dit woss ea

покупывал.

Когда покупали хлеб, всё такое ж зерно мелкое было. А надо, — говорит, — у моего батюшки спросить: может, он слышал, где такое зерно рожалось.

Послал царь за отцом старика, велел к себе привести. Нашли и отца старикова, привели к царю. Пришел старик старый на одном костыле. Стал ему царь зерно показывать. Старик еще видит глазами, хорошо разглядел. Стал царь его спрашивать:

— Не знаешь ли, старичок, где такое зерно родилось? Сам на своем поле не севал ли хлеба такого или на своем веку не покупывал ли где такого зерна?

Хоть и крепонек на ухо был старик, а расслышал лучше сына.

— Нет, — говорит, — на своем поле такого зерна севать не севал и жинать не жинал. А покупать не покупывал, потому что на моем веку денег еще и в заводе не было. Все своим хлебом кормились, а по нужде — друг с дружкой делились. Не знаю я, где такое зерно родилось. Хоть и крупнее теперешнего и умолотнее наше зерно было, а такого видать не видал. Слышал я от батюшки, — в его время хлеб лучше против нашего раживался, и умолотнее и крупней был. Его спросить надо.

Послал царь за отцом стариковым. Нашли и деда, привели к царю. Вошел старик к царю без костылей; вошел легко; глаза светлые, слышит хорошо и говорит внятно. Показал царь зерно деду. Поглядел дед, повертел.

— Давно, — говорит, — не видал я старинного хлебушка.

Откусил дед зерна, пожевал крупинку.

— Оно самое, — говорит.

— Скажи же мне, дедушка, где и когда такое зерно родилось? На своем поле не севал ли ты такой хлеб или на твоём веку где у людей не покупывал ли?

И сказал старик:

aulawääjes en miene Tiet. Ekj hab en junge Joare soo von Korn jeläft un aundre doavon ernäat. Daut wia Jeträäjd aus dit, daut wie seide un arnte un schluage.”

Un de Kjeenich fruach, “Saj mol, Grootvoda, hautst du et irjentwua jekoft ooda hautst du et selfst aunjebut?” De oola Maun frinteld. “To miene Tiet,” auntuwad hee, “docht kjeena aun eene soone Sind, aus wudd hee Broot kjeepe ooda vekjeepe; un wie wiste nuscht von Jelt. Jieda Maun haud jenuach Korn.”

“Dan saj mie, Grootvoda”, fruach de Kjeenich, “wua wia dien Felt, wua hautst du soone Oa aunjebut?” “Mien Felt wia Gottes Ieed. Wua emma ekj plieejd, daut wia mien Felt. Launt wia frie. Daut wia eene Sach, dee kjeen Maun sien ieejnet nand. Oabeit wia daut eensje, waut Mana sien ieejnet nande.”

“Beauntuwade See mie twee wiedre Froage,” säd de Kjeenich. “De ieeschte es, wuarom druach de Ieed donmols soone Oa un hieet nu opp, dit to doone? Un de tweede es, wuarom jeit dien Grootsän met twee Kjrekje, dien Sän met eene un du selfst met kjeene? June Uage sent dach, june Täne kjinje un june Jeräd es kloa un maklich fa daut Ua. Woo sent dise Dinja toostaunt jebrocht worde?”

Un de oola Auntuwad, “Dise Dinja sent soo, wiels Mana oppjehieet habe, derch äare ieejne Oabeit to läwe, un aufhenjich von de Oabeit von aundre jeworde sent. En de oole Tiet läwde de Mensche no Gottes Jesaz. See haude, waut an jehieed, un beleewde nich daut, waut aundre jewoakjt haude.”

— Хлеб такой на моем веку везде раживался. Этим хлебом, — говорит, — я век свой кормился и людей кормил. Это зерно и сеял, это и жал, это и молотил.

И спросил царь:

— Скажи же мне, дедушка, покупал ли ты где такое зерно, или сам на своем поле сеял?

Усмехнулся старик.

— В мое время, — говорит, — и вздумать никто не мог такого греха, чтобы хлеб продавать, покупать, а про деньги и не знали: хлеба у всех своего вволю было.

И спросил царь:

— Так скажи же мне, дедушка, где ты такой хлеб сеял и где твое поле было?

И сказал дед:

— Мое поле было — земля Божья: где вспахал, там и поле. Земля вольная была. Своей землю не звали. Своим только труды свои называли.

— Скажи же, — говорит царь, — мне еще два дела: одно дело — отчего прежде такое зерно рожалось, а нынче не родится? А другое дело — отчего твой внук шел на двух костылях, сын твой пришел на одном костыле, а ты вот пришел и вовсе легко; глаза у тебя светлые, и зубы крепкие, и речь ясная и приветная? Отчего, скажи, дедушка, эти два дела сталися?

И сказал старик:

— Оттого оба дела сталися, что перестали люди своими трудами жить, — на чужие стали зариться. В старину не так жили: в старину жили по-Божьи; своим владали, чужим не корыстовались.

9. Daut Koffee Hus von Surat

En de Staut Surat en Indien gauf et een Koffehus, en däm väl Reisende un Utlenda von aule Poat von de Welt sikj troffe un unjahilde.

Een Dach besocht een persischa Relijionsjeliieeda dit Koffe Hus. Hee wia een Maun, dee sien Läwelank de Natua vonne Gottheit studieet un Bieekja jeläst un doaräwa jeschräwe haud. Hee haud soo väl äwa Gott nojedocht, jeläst un jeschräwe, daut hee schlieslich dän Vestaunt velua, zimlich vebiestat wia un nich eenmol aun de Eksistens von een Gott jleewd. Aus de Schah dit hieed, haud hee am von Persien vebaunt.

Nodäm hee sien Läwelank äwa de ieeschte Omstende jesträde haud, wia dis onjlekljliche Relijionsjeliieeda doahan jekome, daut hee selfst zimlich vebleft wia. Enne Städ to vestone, daut hee sien ieejnen Venunft veluare haud, funk hee aun to jleewe, daut et kjeenen hehren Venunft gauf, dee daut Jeschepf kontrollieet.

Dis Maun haud eenen afrikaunischen Kjnajcht, dee am aulawäajes foljd. Aus de Relijionsjeliieeda em Koffe Hus nenkaum, bleef de Kjnajcht bute bie de Däa, saut opp eenen Steen em Sonnelicht un vedreef de Flieeje, dee om am erom somde. De Persa, dee sikj em Koffe Hus opp eene Benkj doljesat haud, bestald sikj eene Tauss Opium. Aus hee daut jedrunke haud un daut Opium aunjefonge haud, siene Vestaunt Oabeit auntohoole, dreid hee sikj derch de opne Däa to sienen Kjnajcht, "Saj mie, Kjnajcht", säd hee, "denkjst du, daut et eenen Gott jeft ooda nich?"

"Natieedlich jeft et däm," säd de Kjnajcht un trock fuaz een kjlienet Holtfia von unja sienem Gort verhäa. "Doa", säd hee, "es de Gott, dee mie von miene Jeburt bewacht haft. Jieda en onsem Launt veieet dän Fetischboom, ut däm Holt, von däm dis Gott jemoakt wort."

Dit Jespräakj tweschen däm Relijionsjeliieeda un sienem Kjnajcht wort von de aundre Jast em Koffe Hus äwarauscht toojehieet. See wiere erstaunt äwa de Froag vom Meista un noch mea äwa de Auntwuat vom Kjnajcht.

Eena von an, een Braman, horcht de Wieed vom Kjnajcht aun, dreid sikj no am un säd, "See Noa! Es daut mäajlich, daut See jleewe, daut Gott unja däm Gort von een Maun jedroage woare kaun? Daut jeft

Кофейня Сурат

Была в индийском городе Сурате кофейная. И сходились туда из разных земель проезжие и иностранцы и часто беседовали.

Зашел туда раз персидский ученый богослов. Он всю жизнь изучал сущность божества и читал, и писал о том книги. Долго думал, читал и писал он о боге, зашел у него ум за разум, спуталось у него всё в голове, и дошел он до того, что перестал верить в бога.

Узнал про это царь и изгнал его из персидского царства.

Так-то всю жизнь рассуждая о первой причине, запутался несчастный богослов и, вместо того, чтобы понять, что у него уже не стало разума, стал думать, что не стало больше высшего разума, управляющего миром.

Был у этого богослова раб африканец, ходивший за ним повсюду. Когда богослов вошел в кофейную, африканец остался на дворе, за дверью, и сел на камень на припеке солнца; он сидел и отгонял от себя мух. А сам богослов лег на диван в кофейной и велел подать себе чашку опиума. Когда он выпил чашку и опиум начал расшевеливать его мозг, он обратился к своему рабу.

— Что, раб презренный, — сказал богослов, скажи мне, как ты думаешь, есть бог или нет?

— Разумеется, есть! — сказал раб и тотчас достал из-за пояса маленького деревянного идола. — Вот, — сказал раб, — вот тот бог, который меня хранит с тех пор, как я живу на свете. Бог этот сделан из сука того самого священного дерева, которому поклоняются все в нашей стране.

Услыхали этот разговор между богословом и рабом бывшие в кофейной и удивились.

Удивительным показался им вопрос господина и еще более удивительным ответ раба.

Один брамин, слышавший слова раба, обратился к нему и сказал:

— Несчастный безумец! Разве можно думать, чтобы бог мог находиться за поясом у человека?

eenen Gott, Brama, un hee es jrata aus de gaunze Welt, wiels hee haft daut erschauft. Brama es de Eenja, de jewaultja Gott, un to siene Iea sent de Tempels aun de Eewasch vom Ganges jebut, wua am siene woare Priestasch, de Braman, aumbäde. See kjanen dän woaren Gott un bloos see. Dusent Joare sent vegone, un doch habe sikj dise Priestasch derch Rewoluzion no Rewoluzion derch jesat, wiels Brama, de eensja woara Gott, an beschizt haft."

Soo spruak de Braman un docht doaraun, jiedren to awazeije; oba een judischa Vekjeepa, dee aunwäsent wia, auntwuad am un säd, "Nä! De Tempel vom woare Gott es nich en Indien. Gott schizt uk nich de Braman Kast. De woara Gott es nich de Gott vonne Braman, sonda von Abraham, Isaak un Jakob. Kjeena schizt hee, bloos sien utjewäldet Volk, de Israelite. Seit däm Aunfank von de Welt es onse Nazion von am jeleeft, un onse auleen. Wan wie nu äwa de gaunze Ieed vestreit sent, es daut bloos ons to vesieekje; wiels Gott haft vesproake, daut hee een Dach sien Volkj en Jerusalem vesaumle woat. Dan met däm Tempel von Jerusalem, däm Wunda von de oola Welt, wada häajestalt, woat Israel de Harscha äwa aule Nazione senne." So spruak de Jud un bruak en Trone ut.

Hee wull mea saje, oba een italieenische Missionoa, dee doa wia, unjabruak am. "Waut See saje, es nich woa", säd hee to däm Jud. "See schriewe Gott Ojjerajchtichkeit to. Hee kaun diene Nazion nich äwa dän Äwalei goot habe. Jo, selfst wan daut woa es, daut enne oola Tiet hee de Israelite bejensijd, sent daut aul twee Dusent Joare, aus see am veojat habe un am veuasoakt habe, june Nazion to vestieere un see opp de Ieed to vestreie. Äa Gloowe moakt nu kjeene Bekjieede un stoaft ut, buta hia un doa. Gott trakjt kjeene Nazion vää, sonda roopt aule, dee jerat woare muchte, aun de katoolsche Kjoakj von Rom, dee butahaulf äare Jrense kjeene Erleesunk finje kjenne."

So spruak de Italieena. Oba een eewanjeelische Prädja, dee toofalich aunwäsent wia un blaus wort, dreid sikj aun dän katoolschen Missionoa un säd, "Woo kaunst du saje, daut de Erleesunk to diene Relijion jehieet? Bloos deejanje woare jerat, dee Gott no däm Evangelium deene, em Jeist un en de Woarheit, aus en

Бог есть один — брама. И этот брама больше всего мира, потому что он сотворил весь мир. Брама есть единый, великий бог; тот бог, которому построены храмы на берегах реки Гангеса, тот бог, которому служат его единственные жрецы — брамины. Одни эти жрецы знают истинного бога. Прошло уже двадцать тысяч лет, и сколько ни было переворотов в мире, жрецы эти остаются такими же, какими были всегда, потому что брама, единый, истинный бог, покровительствует им.

Так сказал брамин, думая убедить всех, но бывший тут же еврейский меняла возразил ему. — Нет, — сказал он. — Храм истинного бога не в Индии!.. И бог покровительствует не касте браминов! Истинный бог есть бог не браминов, а бог Авраама, Исаака и Иакова. И покровительствует истинный бог только одному своему народу израильскому. Бог с начала мира, не переставая, любил и любит один наш народ. И если теперь и рассеян наш народ на земле, то это только испытание, а бог, как и обещал, соберет опять народ свой в Иерусалим с тем, чтобы восстановить чудо древности, Иерусалимский храм, поставить израиля владыкой над всеми народами. Так сказал еврей и заплакал.

Он хотел продолжать речь, но бывший тут итальянец перебил его. — Неправду вы говорите, — сказал итальянец еврею. — Вы приписываете богу несправедливость. Бог не может любить один народ больше других. Напротив, если он даже и покровительствовал прежде израилю, то вот уже 1800 лет прошло с тех пор, как бог разгневался и в знак своего гнева прекратил существование его и рассеял этот народ по земле, так что вера эта не только не распространяется, но только кое-где остается. Бог не оказывает предпочтения никакому народу, а призывает всех тех, которые хотят спастись, в лоно единой римско-католической церкви, вне которой нет спасения.

Так сказал итальянец. Но бывший тут протестантский пастор, побледнев, отвечал католическому миссионеру: — Как можете вы говорить, что спасение возможно только в вашем исповедании? Знайте же, что спасены будут только те, которые, по

daut Wuat Christi jebode es."

Dan dreid sikj een Turkscha, een Beaumta em Taksbood en Surat, dee en daut Koffe Hus saut un eene Piep react, de beid Kjriste met eene Stemmunk von Äwaharschunk to.

"Jun Gloowe aun june reemische Relijion es vejäfs," säd hee. "Daut wort ver twalwhundat Joare vom woare Gloowe aufjeleest, dee von Mohammed! See kjenne bloos beoobachte, woo sikj de woara Mohammed-Gloowe soo aus en Europa un Asien ut, uk em oppjedachtet Launt China wieda utbreet. See saje selfst, daut Gott de Jude aufjelänt haft. Un aus Bewies zitieere see de Eenselheit, daut de Jude deemooticht woare sent un äa Gloowe sikj nich utbreet. Bekjane see dan de Waarheit vom Islam, wiels see daut vebreet sikj wiet un breet. Kjeena woat jerat woare buta de Nofoljasch von Mohammed, Gott sien Niesta Profeet. Von am sent bloos de Aunhenja von Omar un nich von Ali, wiels de latste faulsch em Gloowe sent."

Doaropp wull de persischa Relijionsjelieeda, dee to de Sekjte Ali jehieed, auntuwat jäwe; oba to dise Tiet haud sikj unja aule Framde veschiedne Leewesrechtunge un Gloowes een grooten Striet jebilt. Daut gauf abessinische Kjriste, Lamas von Tibet, Ismailians un Fia Deenasch. See unjahilde sikj aule äwa de Natua von Gott un woo hee aunjebät woare sull. Jieda von an jeef vää, daut bloos en äa ieejnet Launt de woara Gott bekaunt un rajcht aunjebät worde wia.

Aule stritte un schrieje, buta eenen Chinees, eenen Scheela von Confucius, de ruich en eene Akj vom Koffe Hus saut un sikj nich em Striet enmisch. Hee saut doa, drunk Tee un horcht to, waut de aundre säde, spruak oba selfst nich.

De Turkscha bemoakjt, daut hee doa saut, un fruach am dan, "See kjenne bestädje, waut ekj sage, mien gooda Chinees. See hoole junt ruich, oba wan see räde wudde, wudde see miene Meenunk bestädje. Hendlasch von jun Launt, dee to mie kome, om Help to kjree, saje mie, daut, wan uk väl Relijione en China enjefieet worde, jie Chineese daut Islam aus daut baste von aule betrachte un daut friewelliche aunnäme. Dan bestädicht miene Wieed un saj ons diene Meenunk

евангелию, будут служить богу в духе и истине по закону Иисуса.

Тогда турок, служащий в суратской таможне, который тут же сидел, куря трубку, с важным видом обратился к обоим христианам.

— Напрасно вы так уверены в истине своей римской веры, — сказал он. — Ваша вера уже около шестисот лет тому назад заменена истинною верою Магомета. И, как вы сами видите, истинная вера Магомета всё больше и больше распространяется и в Европе, и в Азии, и даже в просвещенном Китае. Вы сами признаете, что евреи отвержены богом, и доказательством тому приводите то, что евреи в унижении и вера их не распространяется. Признайте же истинность веры Магомета, потому что она находится в величии и постоянно распространяется. Спасутся только верующие в последнего пророка божия, Магомета. И то только последователи Омара, а не Али, так как последователи Али — неверные.

При этих словах персидский богослов, принадлежащий к секте Али, хотел возразить. Но в кофейной в это время поднялся великий спор между всеми бывшими тут иностранцами разных вер и исповеданий. Были тут христиане абиссинские, индийские ламы, измаилиты и огнепоклонники.

Все спорили о сущности бога и о том, как нужно почитать его. Каждый утверждал, что только в его стране знают истинного бога и знают, как надо почитать его.

Все спорили, кричали. Один только бывший тут китаец, ученик Конфуция, сидел смирно в углу кофейной и не вступал в спор. Он пил чай, слушал, что говорили, но сам молчал.

Турок, заметив его среди спора, обратился к нему и сказал:

— Поддержи хоть ты меня, добрый китаец. Ты молчишь, но ты мог бы сказать кое-что в мою пользу. Я знаю, что у вас в Китае вводятся теперь разные веры. Ваши торговцы не раз говорили мне, что ваши китайцы из всех других вер считают магометанскую самой лучшей и охотно принимают ее. Поддержи же мои слова и скажи,

äwa dän woaren Gott un sienen Profeet."

"Jo, jo", säde de aundre un dreide sikj to dän Chinees. "Lote See ons hiere, waut See doaräwa denkje."

De Chinees, de Scheela von Confucius, schloot de Uage un docht eene Stootskje no. Dan muak hee dee wada op un trock siene Henj von de wiede Meiwe von sien Hamd, foljd dee opp de Brost un spruak met ruiche Stemm.

"Miene Harn, daut schient mie ver aulem daut et de Stolt es, daut vehindat, daut Mana en Jleewe Sache metenaunda envestone sent. Wan see mie tohorche muchte, vetal ekj an eene Jeschicht, dee dit met een Biespel erkjläre woat.

"Ekj kjeem met eenen enjlischen Daumpa von China hiahäa, dee opp de gaunze Welt jewast wia. Wie muake Hault fa Seetwota un launde aun de Oostkust von de Insel Sumatra. Daut wia Meddach, un eenje von ons, dee jelaunt wiere, saute em Schaute von eenje Kokonätpalme aum Mäa, nich wiet von eenen Darp. Wie wiere eene Gruppe von Mana von veschiedne Birja Rajchte.

Aus wie doa saute kjeem een blinja Maun ons opptoo. Wie habe lota erfoare, daut hee blint jeworde wia, wiels hee too lang un too hoat opp de Sonn kjkjt un vesocht erut to finje, waut daut es, om daut Licht to erjriepe.

Hee bemieejd sikj lange Tiet, dit to errieekje, endäm hee stendich en de Sonn kjkjt; de eensje Utkunft wia oba, daut siene Uage derch de Kloarheit velazt worde un hee blint worde.

Dan säd hee to sikj selfst, "Daut Licht von de Sonn es kjeene Flissichkjeit; wan daut eene Flissichkjeit wia, wia et mäajlich, see von eenen Jefäs en een aundren to jeete, un daut wudd aus de Wint vom Wota bewäacht woare. Daut es uk kjeen Fia; wiels wan et Fia wia, wudd Wota daut utlasche. Licht es uk kjeen Jeist, wiels daut woat vom Uag jeseene; daut es uk nick Materiöl, wiels daut kaun nich bewäacht woare. Soo, aus daut Licht vonne Sonn wada flissich es noch Fia, noch Jeist ooda Materiöl, es et, nuscht!"

что ты думаешь об истинном боге и его пророке.

— Да, да, скажи, что ты думаешь, — обратились к нему и другие.

Китаец, ученик Конфуция, закрыл глаза, подумал и потом, открыв их, выпростал руки из широких рукавов своей одежды, сложил их на груди и заговорил тихим и спокойным голосом.

Господа, — сказал он, — мне кажется, что самолюбие людей более всего другого мешает их согласию в деле веры. Если вы потрудитесь меня выслушать, я объясню вам это примером.

Я выехал из Китая в Сурат на английском пароходе, обошедшем вокруг света. По пути мы пристали к восточному берегу острова Суматры, чтобы набрать воды. В полдень мы сошли на землю и сели на берегу моря в тени кокосовых пальм, недалеко от деревни жителей острова. Нас сидело несколько человек из различных земель.

Пока мы сидели, к нам подошел слепой. Человек этот ослеп, как мы узнали после, оттого, что слишком долго и упорно смотрел на солнце. А смотрел он так долго и упорно на солнце потому, что захотел понять, что такое солнце. Он хотел это узнать, чтобы завладеть светом солнца.

Бился он долго, пускал в дело все науки, хотелось ему захватить несколько лучей солнца, поймать их и закупорить в бутылку.

Долго он бился и всё смотрел на солнце и ничего не мог сделать, а сделалось с ним только то, что от солнца у него заболели глаза и он ослеп.

Тогда он сказал себе:

— Свет солнечный не жидкость, потому что если бы он был жидкостью, то можно было бы переливать его, и он колебался бы от ветра, как вода. Свет солнечный тоже не огонь, потому что если бы это был огонь, он бы тух в воде. Свет тоже не дух, потому что он виден, и не тело, потому что нельзя им двигать. А так как свет солнечный не жидкость, не твердое, не дух, не тело, то свет солнечный — ничто.

So räd hee, un aus hee stendich en de Sonn kijkt un emma doaräwa nodocht, velua hee soo de Secht un uk dän Vestaunt. Un aus hee gaunz blint wort, wia hee vellich äwazeicht, daut doa kjeene Sonn wia.

Met disem Blinjen kjeem een Kjnajcht, dee, nodäm hee sienen Har em Schaute von een Kokonätboom hanjestalt haud, eene Kokonat vom Boddem opphoof un doarut een Nacht Licht muak. Hee dreid eenen Docht von de Sträl vom Kokonat, hee dreckt Eelj ut de Nat en de Schal un drenkt dän Docht doarenn.

Aus de Kjnajcht doobie saut, sefst de Blinda un säd to am, "Kjnajcht, wia ekj nich rajcht, aus ekj die säd, daut et kjeene Sonn jeft? Sitst du nich, woo dunkel daut es? Trotdäm saje de Lied, daut et eene Sonn jeft. Oba wan jo, waut es daut?"

"Ekj weet nich, waut de Sonn es," säd de Kjnajcht. "Daut es kjeene Sach von mie. Oba ekj weet waut Licht es. Hia hab ekj een Nacht Licht jemoakt, met däm siene Help ekj die deene kaun un en de Bood aules finje kaun, waut ekj well." De Kjnajcht hoof de Kokonät Schal opp un säd, "Dit es miene Sonn."

Een loma Maun met Kjrekje, dee dichtbie saut, horcht dise Wieed to un lacht, "Nom lote best du dien gaunzet Läwelank blint jewast," säd hee to däm Blinjen, "om nich to weete, waut de Sonn es. Ekj woa die saje, waut dee es. De Sonn es een Fia Baul, daut jieda Morje vom Mää sticht un jiedren Owent wada tweschen de Boajes von onse Insel unjajeit. Wie aule habe daut jeseene, un wan see äare Secht jehaut haude, haude see daut uk jeseene."

Een Fescha, dee daut Jespräakj toojehieet haud, säd, "Daut es kloa jenuach, daut see niemols äwa june ieejne Insel rut jewast sent. Wan see nich jelämt wiere un wan see en eenen Fescha Boot unjawäajes jewast wiere, wudde see weete, daut de Sonn nich tweschen de Boajes von onse Insel unjajeit, sonda soo aus dee jiedat Morje ut vom Mää oppsticht soo jeit see jiede Nacht wada em Mää unja. Waut ekj an saj, es woa, wiels ekj see daut jiedren Dach met miene ieejne Uage."

Dan unjabruak am een Indiauna, dee to onse Partei jehieed, "Ekj sie erstaunt, daut een veninftja Maun

Так он рассудил и в одно время от того, что всё смотрел на солнце и всё думал о нем, потерял и зрение и разум.

Когда же он стал совсем слеп, тогда уже совершенно уверился в том, что солнца нет.

С этим слепцом подошел и его раб. Он посадил своего господина в тень кокосового дерева, поднял с земли кокосовый орех и стал из него делать ночник. Он сделал светильню из волокна кокосового, выжал из ореха масло в скорлупу и обмакнул в него светильню.

Пока раб делал свой ночник, слепой, вздохнув, сказал ему:

— Ну, что, раб, правду я тебе сказал, что нет солнца? Видишь, как темно. А говорят — солнце... Да и что такое солнце?

— А не знаю я, что такое солнце, — сказал раб. — Мне нет до него дела. А вот свет знаю. Вот я сделал ночник, мне и будет светло, и тебе могу им службу оказать и всё найти в своем шалаше. И раб взял в руку свою скорлупу. — Вот, говорит, мое солнце.

Тут же сидел хромой с костылем. Он услышал это и засмеялся.

— Ты, видно, от рожденья слеп, — сказал он слепому, — что не знаешь, что такое солнце. Я тебе скажу, что оно такое: солнце — огненный шар, и шар этот каждый день выходит из моря и каждый вечер садится в горах нашего острова; это мы все видим, и ты бы видел, если бы был зрячий.

Рыбак, сидевший тут же, услышал эти слова и сказал хромому:

— И видно же, что ты нигде не был дальше твоего острова. Если бы ты был не хром да поездил бы по морю, ты бы знал, что солнце садится не в горах нашего острова, а как выходит из моря, так вечером опять и садится в море. Я говорю верно, потому что каждый день вижу это своими глазами.

Услышал это индеец.

— Удивляюсь, — сказал он, — как может умный

soon Onsenn räde sull. Woo kaun een Fia Baul määjliche Wies em Wota faule un nich jelaſcht woare? De Sonn es äwahaupt kjeen Fia Baul, sonda de Gottheit met Nome Deva, dee fa emma en eenen Woage om dän Goldnen Boajch Meru ritt. Maunchmol jriepe de Beese Schlange Ragu un Ketu Deva aun un veschlucke am. Dan es de Ieed dunkel. Oba onse Priestasch bäde, daut de Gottheit frijelote woat, un dan woat dee frijemoakt. Bloos soone Onwissende aus see, dee niemols äwa june ieejne Insel rut wiere, kjenne sikj väästale, daut de Sonn bloos fa äa Launt schient."

Dan spruak de Kapitän von een ägyptischet Schepp, dee aunwäsent wia, sienetsied.

"Nä", säd hee. "Du saichst uk faulſch. De Sonn es kjeene Gottheit un bewäacht sikj nich bloos om Indien un sienen Goldnen Boajch. Ekj hab väl am Schwoaten Mää un aun de Kuste von Arabien jesääjelt un wia opp Madagaskar un opp de Filippinen. De Sonn bedacht de gaunze Ieed un nich bloos Indien. Dee kjriest nich eenen Boajch om, sonda häft sikj wiet em Ooste opp, jantsied von de japanische Insle, un lajcht sikj wiet em Waste, wiet hinja de enjlische Insle. Doarom betieekjne de Japaner äa Launt aus 'Nippon,' daut heet, 'de Jeburt vonne Sonn.' Ekj weet daut goot, wiels ekj hab selfst väl jeseene un mea von mienem Grootvoda jehieet, dee bat aum Enj vom Mää säajeld."

Hee wull wiedagone, oba een enjlische Matroos von onsem Schepp unjabruak am.

"Daut jeft kjeen Launt", säd hee, "wua de Mensche soo väl äwa de Sonn Bewääjunge weete aus Enjlaunt. Wie weete aule en Enjlaunt, daut de Sonn noanich opp un noanich unja jeit. Dee bewäacht sikj emma om de Ieed. Wie kjenne von daut secha senne, wiels wie sent jrod selfst om de Welt jegone un noanich jääjen de Sonn jestukst. Wua emma wie han jinje, wees sikj de Sonn Morjes un vestuak sikj Nachts, krakjt soo aus hia."

De Enjlenda naum eenen Stock un tieekjend Kullasch oppem Saunt. Hee vesocht to erkjläare, woo sikj de Sonn aum Himmel bewääjd un om de Welt jeit. Oba hee kunn daut nich kloa erkjläare un wees opp dän Schepp Pieloot, "Dis Maun weet mea doaräwa aus ekj. Hee kaun daut rajcht erkjläare."

человек говорить такие глупости. Разве можно, чтобы огненный шар спускался в воду и не потухал? Солнце вовсе не огненный шар, а солнце — божество. Божество это называется Дева. Божество это ездит на колеснице по небу вокруг золотой горы Сперува. Бывает, что злые змеи Рагу и Кету нападают на Дева и проглатывают его, и тогда делается темно. Но жрецы наши молятся о том, чтобы божество освободилось, и тогда оно освобождается. Только такие невежественные люди, как вы, никогда не ездившие дальше своего острова, могут воображать, что солнце светит только на их остров.

Тогда заговорил бывший тут же хозяин египетского судна.

— Нет, — сказал он, — и это неправда, солнце не божество и не ходит только вокруг Индии и ее золотой горы. Я много плавал и по Черному морю, и по берегам Аравии, был и на Мадагаскаре, и на Филиппинских островах, — солнце освещает все земли, а не одну Индию, оно не ходит кругом одной горы, но оно встает у островов Японии, и потому и острова те называются Япен, то есть на их языке — рождение солнца, и садится оно далеко, далеко на западе за островами Англии. Я это хорошо знаю, потому что и сам видел много и слышал много от деда. А дед мой плавал до самых краев моря.

Он хотел еще говорить, но английский матрос нашего корабля перебил его.

— Нет земли, кроме Англии, — сказал он, — где бы лучше знали о том, как ходит солнце. Солнце, мы все это знаем в Англии, нигде не встает и нигде не ложится. А оно ходит беспрестанно вокруг земли. Мы это хорошо знаем, потому что сами вот только что обошли вокруг земли и нигде не натолкнулись на солнце. Везде оно так же, как здесь, утром показывается и вечером скрывается.

И англичанин взял палку, начертил на песке круг и стал толковать, как ходит солнце по небу вокруг земли. Но он не сумел растолковать хорошо и, показав на кормчего своего корабля, сказал:

— Он, впрочем, более меня учен и лучше вам всё это растолкует.

De Pieloot, een vestendja Maun, haud de Räd stell toojehieet, bat hee jebedd wort to råde. Nu dreid hee sikj to an un säd, "See vefiere sikj aule Jäajensiedich un sent aule selfst faulsch. De Sonn jeit nich om de Ieed erom, sonda de Ieed jeit rom de Sonn, un dreit sikj om aus et jeit un dreit sikj en jieda veauntwintich Stunde nich bloos en Japan, un de Filippinen, un Sumatra wua wie nu sent, oba en Afrika, Europa un Amerika un vüle Lenda doabie. De Sonn schient nich fa eenen Boajch, fa eene Insel ooda fa een Mää ooda uk bloos fa eene Ieed auleen, sonda fa aundre Planeete soo wie fa onse Ieed. Wan see bloos nom Himmel opp kjikje wudde, enne Städ opp dän Boddem unja june ieejne Feet, kjenne see dit aules vestone un dan nich mea annäme, daut de Sonn fa see ooda fa äa Launt auleen schient."

Soo spruak de kluaka Pieloot, dee väl äwa de Welt jereist wia un väl nom Himmel jekjikjt haud.

"En Gloowe Sache", fua de Chinees, dee een Scheela von Confucius wia, wieda, "es et Stolt, daut Errtum un Striet unja de Mensche veusoakt. Aus bie de Sonn es daut uk bie Gott. Jieda Mensch mucht eenen besondren Gott habe ooda weenichstens eenen besondren Gott fa sien Heimat Launt. Jiede Nazion mucht en äare ieejne Tempels dänjanjen beschrenkje, dän de Welt nich enthoole kaun. Kaun irjent een Tempel met däm vejlikje, waut Gott selfst jebut haft, om aule Mensche en eenen Gloowe un eene Relijion to veenje?"

"Aule menschliche Tempels sent no däm Väabilt von disem Tempel jebut, daut Gott siene ieejne Welt es. Jieda Tempel haft siene Wotaboagen, siene jebukte Dake, siene Laumpe, siene Bilda ooda Jestaulte, siene Enschrefte, siene Jesaz Bieekja, siene Opfa Jäwasch, siene Aultoare un siene Priestasch. Oba en woonem Tempel jeft es eene soone Schrefte aus daut Mää; een soon Doom aus de Himmel; soone Laumpe aus de Sonn, de Mon un de Stierns; ooda irjent woone Figure, dee met läwendje, leew volle, eenaunda behelpliche Mensche to vejlikje sent? Wua jeft et Berechte äwa de Jnod von Gott, dee soo leicht to vestone sent, aus de Säajnunje, dee Gott fa daut Jlekj von de Mensche hanjelajcht haft? Wua jeft et een

Кормчий был человек разумный и слушал разговор молча, пока его не спросили. Но теперь, когда все обратились к нему, он начал говорить и сказал:

— Все вы обманываете друг друга, и сами обманываетесь. Солнце не вертится вокруг земли, а земля вертится вокруг солнца, и сама еще вертится, поворачивая к солнцу в продолжение двадцати четырех часов и Японию, и Филиппинские острова, и Суматру, на которой мы сидим, и Африку, и Европу, и Азию, и множество еще других земель. Солнце светит не для одной горы, не для одного острова, не для одного моря и даже не для одной земли, а для многих таких же планет, как и земля. Всё это каждый из вас мог бы понять, если бы смотрел вверх на небо, а не себе под ноги, и не думал бы, что солнце светит только для одного него или для одной его родины.

Так сказал мудрый кормчий, много ездивший по свету и много смотревший вверх на небо.

— Да, заблуждения и несогласия людей в вере — от самолюбия, — продолжал китаец, ученик Конфуция. — Что с солнцем, то же и с богом. Каждому человеку хочется, чтобы у него был свой особенный бог или, по крайней мере, бог его родной земли. Каждый народ хочет заключить в своем храме того, кого не может объять весь мир. И может ли какой храм сравниться с тем, который сам бог построил для того, чтобы соединить в нем всех людей в одно исповедание и одну веру?

Все человеческие храмы сделаны по образцу этого храма — мира божия. Во всех храмах есть купели, есть своды, светильники, образа, надписи, книги законов, жертвы, алтари и жрецы. В каком же храме есть такая купель, как океан, такой свод, каков свод небесный, такие светильники, каковы солнце, луна и звезды, такие образа, каковы живые, любящие, помогающие друг другу люди? Где надписи о благодати бога, столь же понятные, как те благодеяния, которые повсюду рассеяны богом для счастья людей? Где такая книга закона, столь ясная каждому, как та, которая написана в его сердце? Где жертвы, подобные тем жертвам самоотречения, которые

Buak von Jesaze, daut jiedrem Mensch soo kloa es aus daut en sienem Hoat jeschräwe? Woone Opfa sent jlikj bedient met de Selfst Aufsoag, dee Leewvolle Mana un Frues eenaunda brinje? Un woon Aultoa kaun met däm Hoate von een gooden Mensch vejlikjt woare, opp däm Gott selfst daut Opfa aunnemt?

"Je hecha de Väästalunk von een Mensch von Gott es, desto bäta woat hee am kjenne liere. Un je bäta hee Gott kjant, desto noda kjemt hee to am un well siene Jnod, siene Boarmherzichkeit un siene Leew nom Mensche, nomoake.

Wää aulsoo daut gaunze Licht von de Sonn bekjikt, dee de Welt erfelt, sull dän Äwagloowe nich beschuldje ooda veachte, dee en sienem ieejnen Aufgott eenen Strol vom selwjen Licht sitt. Hee saul uk dän Onjleewenden nich veachte, dee blint es un dee Sonn äwahaupt nich seene kaun."

Soo spruak de Chinees, de Scheela von Confucius; un aule, dee em Koffe Hus aunwäsent wiere, bleewe stell un stritte nich mea doaräwa, wäm sien Gloowe de Basta wia.

любящие люди приносят своим ближним? И где алтарь, подобный сердцу доброго человека, на котором сам бог принимает жертву?

Чем выше будет понимать человек бога, тем лучше он будет знать его. А чем лучше будет знать он бога, тем больше будет приближаться к нему, подражать его благости, милосердию и любви к людям.

И потому пусть тот, который видит весь свет солнца, наполняющий мир, пусть тот не осуждает и не презирает того суеверного человека, который в своем идоле видит только один луч того же света, пусть не презирает и того неверующего, который ослеп и вовсе не видит света.

Так сказал китаец, ученик Конфуция, и все бывшие в кофейной замолчали и не спорили больше о том, чья вера лучше.

10. Too dia!

Dichtbie de Jrens von Frankrikj un Italien, aum Eewa vom Meddelmäa, licht een kjlienet Kjennichrikj Nomes Monaco. Väle kjliene Launt Städe kjenne sikj met mea Enwonasch aus dit Kjennichrikj rieme, wiels daut met bloos onjefäa säwen Dusent Enwonasch talt, un wan daut gaunze Launt em Kjennichrikj oppjedeelt wudd, gauf et nich fa jiedren Enwona eenen Hekta. Oba en disem Spältich Rikj jeft et een ajchta Kjeenich; un hee haft eenen Paulaut un Hofflinja un Ministasch, eenen Bischof un Generol un eene Armee.

Daut es kjeene groote Armee, bloos zastich Mana, oba emma noch eene Armee. En disem Kjennichrikj jeft et krakjt soo aus en aundre Lenda Takse, een Taks opp Tobbak, Wien un aundre Jedrenkje soo aus een Wol Taks. Wan uk de Mensche doa drinkje un schmieekje aus en aundre Lenda, jeft et soo weiniche von an, daut et däm Kjeenich schwoa jefolle wia, siene Hofflinja un Beaumte to ernäare un sikj selfst to behoole, wan hee nuscht Nieet jefunge haud.

Dit Nieet wia een Späl Hus, en däm de Lied Roulette späle. De Lied späle, un auf see jewenne ooda veliere, daut Hus erhelt emma een Prozent vom Haundel. Un von dise Jewenne tolt et däm Kjeenich eene groote Somm. De Grunt, wuarom hee soo väl betolt woat, es, daut et de eensje Jlekspell Enrechtunk en Europa es. Eenje von de kjliene Dietsche Kjennichs haude Späl Hiesa von bie jlikje Oat, oba ver eenje Joare wort an dit aufjesajcht. See worde jestopt, wiels dise Späl Hiesa soo väl Schode aunrechte. Een Maun wudd kome un sien Jlekj proowe, dan wudd hee aul sien Jelt woage un veliere, uk wudd hee soogoa Jelt woage, daut am nich jehieed, un daut uk veliere, un dan wudd hee sikj vetwiewelt erdrinkje ooda erscheete. Aulsoo vebode de Dietsche äare Harscha, opp dise Oat Jelt to vedeene; oba daut gauf kjeenen, dee dän Kjeenich von Monaco opphoole kunn, un hee bleef bie eenen Monopolie vom Jeschaft.

Nu jeit jieda, de späle mucht, no Monaco. Auf see jewenne ooda veliere, de Kjeenich jewent doaraun. “Maun kaun Steen Paulaute nich derch ierliche Oabeit vedeene,” heet et em Sprechwuat. Un de Kjeenich von Monaco weet, daut et een schwienschet Jeschaft es, oba waut saul hee doone? Hee mott läwe; un eenen Haundel von Jedrenkje un Tobbak to erlange, es uk kjeene nate Sach. Soo läft un rejieet hee

Дорого стоит

Есть между Францией и Италией, на берегу Средиземного моря, маленькое, крошечное царство. Называется это царство Монако. В царстве этом жителей меньше, чем в большом селе, всего 7 тысяч, а земли столько, что не хватит по десятине на душу. Но царек в царстве есть настоящий. Есть у этого царька и дворец, и придворные, и министры, и архиереи, и генералы, и войско.

Немного войска, всего 60 человек, но всё-таки войско. Доходов у царька мало. Налог есть, как и везде, и на табак, и на вино, и на водку, и подушные; и хоть пьют и курят, но народа мало, и нечем бы царьку кормить своих придворных и чиновников и самому прокормиться, кабы не было у него особого дохода.

А особый доход у него в царстве с игорного заведения — рулетки. Люди играют, проигрывают, выигрывают, а содержателю всегда барыш. А с дохода содержатель царьку платит большие деньги. А большие деньги потому платит, что осталось такое игорное заведение теперь только одно во всей Европе. Прежде были также игорные заведения у маленьких немецких князьков, но их лет десять тому назад запретили. А запретили за то, что от игорных заведений много бед бывало. Придет какой-нибудь, начнет играть, зарвется, спустит всё, что есть, и даже чужие деньги, а потом с горя либо топится, либо стреляется. Немцы своим князькам запретили, а монакскому царьку запретить некому: у него одного осталось.

И с тех пор все охотники поиграть к нему едут, у него проигрываются, а ему барыш. От трудов праведных не наживешь палат каменных. Знает и монакский царек, что дело это скверное, да как же быть-то? Жить надо. Ведь и с водки и с табаку кормиться не лучше. Так и живет этот царек, царствует, денешки огребает и ведет у себя во дворце все порядки, как у настоящих больших

un häft daut Jelt en un helt sienen Hoff met de gaunze Zeremonie von eenen ajchten Kjeenich.

Hee haft sien Kroonen, siene Takse; hee beloont, veuadeelt un vejeft, un hee haft uk siene Äwaproowe, Räte, Jesaze un Rajchte, aus aundre Kjenniche bloos en eenen kjlandren Motstock.

Nu es et ver een Poa Joa vääjekome, daut en disen Kjennichrikj een Mort begone wort. De Mensche von Monaco sent frädlich, un soo waut wia noch nich passieet. De Rechta vesaumeld sikj met vâl Zeremonie un fieed dän Faul opp Rajchtliche Wies derch. Daut gauf een Rechta un Stauts Ofkote, Jury Metjlieda un Rajchts Ofkote. See striede dän Faul un uadeelde, un schlieslich veuadeelde see dän Vebräakja, sienen Kopp jemässich dän Jesazlichen Vääschrefte aufjeschnäde to habe. Soo wiet, es soo goot. Aus näakjste läde see däm Kjeenich de Strof vää.

De Kjeenich laus dän Sauz un bestäticht am. “Wan de Schildna han jerajcht woare mott, fiere see daut ut.” Daut gauf bloos een Problem en de Sach; un daut wia, daut see entwäda eene Guillotine toom Kjp aufschniede noch eenen Henkja haude. De Minista opphilt de Aunjelääjenheit un beschloot, de fraunseesische Rejierunk eene Aunfroag to schekje, auf de Fraunsoose an nich eene Maschien un eenen Jeliieeda to haben stale kunne, om dän Kopp vom Strof Rajchtschuldjen auftoschniede. Un wan jo, wudde de Fraunsoose see frintlich äwa de Koste weete lote.

De Breef wort jeschekjt, eene Wääkj lota kaum de Auntwuat, eene Maschien un een Jeliieeda kunn jeleewat woare, un de Koste berande sikj opp 16.000 Franke. Dit wort toom Kjeenich jebrocht. Hee docht doaräwa no. Sastieen dusent Franke! “De Älenda es daut Jelt nich Wieet,” säd hee. “Kaun Maun daut nich irjentwoo bilja moake? Wuarom 16.000 Franke mea aus twee Franke pro Kopp fa de gaunze Bevelkjarunk! De Lied woare daut nich uthoole, un et kaun to eenen Oppstaunt kome!”

Soo wort een Rot auffefoddat, to proowe, waut jedone woare kunn; un et wort beschlote, eene änliche Aunfroag an dän Kjeenich von Italien to schekje. De fraunseesische Rejierunk es republikanisch un haft kjeen veninfjtjen Respakjt fa dän Kjeenich. Oba de Kjeenich von Italien wia een Brooda Harscha un kunn doatoo jebrocht woare, de Sach bilja to moake. De

королей.

Так же коронуется и выходы делает, и награды раздает, и казнит, и милует, и так же у него парады, и советы, и законы, и суды. Всё как и у настоящих королей. Одно — что всё маленькое.

И вот, случилось раз, лет пять тому назад, у королька этого в царстве смертоубийство. Народ в царстве смирный, и прежде таких дел не бывало. Собрались судьи, всё честь честью, стали судить, всё как должно. И судьи, и прокуроры, и присяжные, и адвокаты. Судили, судили и присудили по закону отрубить преступнику голову. Хорошо. Представили королю.

Прочел король приговор, утвердил. Казнить, так казнить. Одна беда: нет у них в царстве ни гильотины, чтоб голову рубить, ни палача. Подумали, подумали министры и решили написать французскому правительству запрос: могут ли французы выслать им на время машину и мастера, чтобы отсечь преступнику голову, и, если можно, чтоб уведомили, сколько понадобится на это дело расходов.

Послали бумагу. Через неделю получают ответ: прислать машину и палача можно, расходу за всё 16 000 франков. Доложили царьку. Подумал, подумал царек — 16 000 франков! «Не стоит, — говорит, — негодяй этих денег. Нельзя ли как подешевле? А то 16 000 франков — ведь это значит по два франка слишком налога наложить на каждого жителя. Тяжело покажется. Как бы не взбунтовались».

Собрали совет — как делу помочь? Решили послать с тем же к итальянскому королю. Французское правительство — республика, царей не уважает, а король итальянский всё-таки свой брат, авось дешевле возьмет. Написали; получают скоро ответ.

Breef wort aulsoo jeschräwe un eene Auntwuat wort boolt jekjräaje.

De italieenische Rejierunk schreef, daut et an Freid jäwe wudd, soo eene Maschiene uk eenen Jolieeda an to leewre; un de jesaumte Koste wudde 12.000 Franke bedroage, enslutent de Reise Koste. Daut wia bilja, oba daut schien emma noch too dia. De Schlinjel wia daut Jelt werkjlich nich Wieet.

Daut wudd emma noch Meist twee Franke mea pro Kopp von Takse bediede. Een aundre Rot wort opp jeroopt. See unjahilde un awaläde, woo dit met weinja Koste erriekjt woare kunn. Kunn et nich senne, daut eena von de Soldote daut nich jesalschoftlich moake kunn? De Generol wort jeroopt un jefroacht, "Finje see ons doch eenen Soldote, dee däm Maun dän Kopp aufhake woat. Em Kjrlich moakt et an nuscht ut, Mensche omtobrinje. Werkjlich es et daut, wuafäa see utjebilt woare." De Generol bespruak daut met de Soldote, om to seene, auf eene von an de Oabeit nich äwanäme wudd. Oba kjeena von de Soldote wull et doone. "Nä," säde see, "Wie weete nich, woo et jeit. Daut es nich onjefäa, waut ons jeliheet woat."

Waut wia to doone? Wada bedochte de Ministasch daut un dan noch Mol. See vesaumelde eene Kommission, eenen Kommittee un eenen unja Kommittee un beschloote schlieslich, daut et Doodes Uadeel am baste en eene Läwes lange Frieheits Strof to endre. Dit wudd et däm Kjeenich ermäajliche, siene Jnod to wiese, un et wudd bilja kome.

De Kjeenich stemd däm to un soo wort de Aunjeläajenheit jeräajelt. Daut eensje Probleem wia nu, daut et kjeen paussendet Jefenkjnis fa eenen läweslank veuadeelden Maun gauf. Daut gauf een kjliena Kjarkja, en dee de Lied maunchmol opp korte Tiet faustjehoole worde, oba et gauf kjeen stoakjet Jefenkjnis, daut fa dän duarhaufte Ensauz paussent wia. Daut jelunk an oba, eenen paussenden Uat to finje, dän jungen Maun doahan to stale un am to bewachte.

De Wajchta must dän Vebräakja beoobachte un must sien Äte vonne Schloss Kjääkj hole. De Jefangna bleef Moonat fa Moonat doa, bat een Joa vegone wia. Oba aus een Joa vegone wia, bemoakjt de Kjeenich een Dach eenen Artikjel von een niee Utgow. Dit wia fa daut Faustnäme vom Vebräakja; daut wia uk kjeen

Пишет итальянское правительство, что и машину и мастера они пришлют с удовольствием. А что стоит всё со всем, с проездом, будет 12 000 франков. Дешевле, а всё дорого. Опять не стоит мерзавец денег таких.

Выходит опять без малого по два франка на человека надо накладывать. Опять собрался совет. Думали, думали — нельзя ли как подешевле? Не возьмется ли из солдат кто домашнему отрубить голову? Позвали генерала. «Что, не найдется ли солдат какой, чтобы отрубить голову? Всё равно, ведь на войне убивают. Солдат на то ведь и готовят». Поговорил генерал с солдатами — не возьмется ли кто? Не взялись солдаты. «Нет, — говорят, — мы этого не умеем и не учились».

Как быть? Опять думали, думали, собрали комитет, комиссию, подкомиссию. Передумали. Надо, говорят, смертную казнь заменить тюрьмой вечной. И милосердие покажет царь, и расходов меньше.

Согласился царек, и так и решили. Одно горе — такой тюрьмы особенной нет, чтобы запереть на вечное время. Есть кутузки, так, легонькие, куда на время сажают, а прочной тюрьмы, чтобы навечно запереть, — нет такой. Ну, всё-таки приискали помещение. Посадили молодца. Приставили сторожа.

Сторож и караулит и за едой для преступника на кухню во дворец ходит. Сидит так молодец шесть месяцев, сидит год. Стал царек сверять в конце года расходы и приходы, видит: на содержанье преступника новый расход, да и не малый. Сторож особый да пища. В год 600 франков

kjliena Jäajenstaunt. Daut gauf eene besondere Wach, un et gauf uk daut Äte vom Maun. Daut kjeem opp äwa 600 Franke pro Joa. Un daut schlemste wia, daut de Kjieedel noch junk un jesunt wia un feftich Joare noch läwe kunn. Aus eene kaum, om de Rääknunk to moake, wia de Sach iernst. Daut wudd niemols pause!

Aulsoo roopt de Kjeenich siene Ministasch toop un säd to an, "See sulle eenen biljeren Wajch finje, met disem Schlinjel omtogone. De väaräticha Plon es too dia." Un de Ministasch troffe sik un äwaläda, bat eene von an säd, "Mien Har, miene Meenunk no sull wie dän Wajchta aufwiese. "Oba dan," säd een Tweeda, "waut de Kjieedel utkjniepe." "Nu," säd de Ieeschta, "lot am wajchrane un jehenkjt met am!"

So berechte See de Utkunft von äare Äwalajen aun dän Kjeenich un hee stemde an to. De Wajchta wort entlote un see wachte nu, waut passiere wudd. Aules, waut passieed, wia, daut de Vebrääkja to de Äte Tiet erutkaum un, one siene Wajchta to finje, en de Kjääkj vom Kjeenich jinkj, om sien ieejnet Owentkost to hole. Hee naum daut, waut am jejäft wort, kjieed em Jefenkjnis trigj, schloot de Däa un bleef doa benne. Aum näakjsten Dach passieed dautselwje. Hee jinkj to rajchte Tiet fa sien Äte.

See bedochte nochmol de Aunjeläajenheit. "Wie sulle et am direkjt saje," säde see, "daut wie am nich behoole welle." De Justiz Minista haud am aulsoo ver am jebrocht. "Wuarom ranst du nich wajch?" säd de Minista. "Daut jeft kjeene Wacht, om die to behoole. Du kaunst wajch gone, woo du welst, un de Kjeenich woat nuscht doajäajen habe."

"Ekj woag to behauptete, de Kjeenich wudd nuscht doajäajen habe," auntuwad de Maun. "Oba ekj habe noanich han to gone. Waut kaun ekj moake? See habe mienen Karakta derch äaren Sauz vedorwe, un de Lied woare mie dän Rigje kjiere. Butadäm sie ekj von de Oabeit vewant. See habe mie schljacht behandelt. Daut es nich Rajcht. Wan see mie ieescht eenmol nom Doot veuadeelt habe, haude see mie hanjerecht; oba see haude et nich jedone. Daut es eene Sach. Ekj hab mie doaräwa nich bekloacht. Dan haude see mie to Läweslange Haft veuadeelt un eene Wacht hanjestalt, om mie mien Äte to brinje; oba no een Stootskje haude see am wada wajchjenome un ekj mott mien ieejnet Äte hole. Wada hab ekj mie nich bekloacht. Oba nu

обошлось. А малый молодой, здоровый, пожалуй лет пятьдесят проживет. Сочти-ка, во что станет. Расход большой. Нельзя так.

Позвал царек министров: «Придумайте, — говорит, — как бы нам с этим негодяем подешевле разделаться. А то он нам так дорого станет». Собрались министры, думали, думали. Один и говорит: «Вот что, господа, — по-моему, отставить сторожа». А другой говорит: «Да ведь он уйдет». — «А уйдет, и пес с ним».

Доложили царьку. Согласился и царь. Отставили сторожа. Смотрят, что будет. Только видят: пришло время обедать, вышел преступник, поискал сторожа, не нашел и пошел на кухню королевскую себе за обедом. Забрал, что дали, вернулся в тюрьму, запер за собой дверь и сидит. На завтра то же. За пищей себе ходит, а уходит — не уходит. Как быть?

Подумали. Надо, говорят, ему прямо сказать, что не нужен он нам. Пускай уходит. Хорошо. Призывает его к себе министр юстиции и говорит: «Отчего вы, — говорит, — не уходите? Сторожа при вас нет. Можете свободно уйти, и царь не обидится».

— «Царь-то, — говорит, — не обидится, да мне-то итти некуда. Куда я пойду? Вы меня приговором осрамили, меня никто не возьмет теперь, я от всех дел отстал. Вы, — говорит, — со мной неправильно поступаете. Так делать не годится. Ну, приговорили вы меня к смертной казни, хорошо. Надо было вам меня казнить, вы не казнили. Это раз. Я не стал спорить. Потом приговорили вы меня к вечной тюрьме и сторожа приставили, чтоб он мне пищу носил, потом отняли у меня сторожа. Это два. Опять я не стал спорить. Сам ходил за едой. Теперь вы говорите: уходи. Нет, вы как хотите, а я никуда не пойду».

welle see ieejentlich, daut ekj go! Doatoo kaun ekj nich toostemme. See kjenne doone, waut See muchte, oba ekj go nich wajch!"

Waut wia to doone? De Rot wort nochmol enjeroopt. Woonen Kurs kunne See aunname? De Maun wull nich gone. See dochte no un awalade. De eensje Määjlichkeit, am loos to woare, bestunt doarenn, am eene Rent auntobeede. Un soo berechte See däm Kjeenich. "Daut jeft nuscht aundret", säde see. "Wie sulle am irjentwoo looswoare."
"Nu", säd hee, "Daut moakt mie nuscht ut, soolang aus see sikj veflichte, Rääjelmässich to tole. Unja dise Bedinjunk sie ekj reed to gone."

Doamet wia de Sach besorcht. Hee erhilt em verut een Dreddel von siene Tolunk un veleet de Harschoft vom Kjeenich. Daut wia bloos eene Vieedelstund met de Bon; un hee waundat ut un leet sikj fuaz hinja de Jrens dol, wua hee een Stekj Launt koft, met däm Goade Bu aunfunk un nu maklich läft. Hee jeit emma nom rajchte Tietpunkt, om siene Tolunk to kjree. Nodäm hee daut jekjräaje haft, jeit hee to de Spell Descha, sat twee ooda drie Franke, maunchmol jewent ooda velieet, un kjeet dan trigj no Hus. Hee läft frädlich un goot.

Daut es eene goode Sach, daut hee sien Vebräakje nich en eenen Launt begone haft, en däm see de Koste nich aufläne, om eenen Maun dän Kopp aufthake ooda am Läweslank em Jefenkjnis behoole.

Как быть? Собрали опять совет. Что делать? Не уходит. Подумали, подумали. Надо ему пенсион назначить. Без этого не отделаешься от него. Доложили царьку. «Нечего делать, — говорит, — хоть как-нибудь с ним разделаться». Назначили ему 600 франков, объявили ему. «Ну, пожалуй, — говорит, — если будете верно платить, пожалуй уйду».

Так и порешили. Получил он треть вперед, простился со всеми и выехал из владений царька. Всего четверть часа езды по железной дороге. Выехал, поселился поблизости, купил землицы, развел огород, садик и живет припеваючи. Ездит в сроки получать пенсион. Получит, зайдет в игорный, поставит франка 2—3, иногда выигрывает, иногда проигрывает, и едет к себе домой. Живет смирно, хорошо.

Хорошо, что грех случился с ним не там, где не жалеют расходов ни на то, чтобы отрубить голову человеку, ни на вечные тюрьмы.

11. Aserhaddon, Kjeeninch von Assirien

De assierischa Kjeeninch Esarhaddon haud daut Kjennichrikj von Kjeeninch Lailie enjenome, de Städa vestieet un doljebrent, aule Enwonasch aus Jefangne en sien ieejnet Launt jebrocht, de Kjrieja aufjeschlacht, eenje Heiptlinj aufjekopt un aundre aufjespiest ooda toschaund jebrocht, un selfst Kjeeninch Lailie en eenen Klotje enjestopt.

Aus hee eene Nacht opp sienem Bad lach, äwaläd Kjeeninch Esarhaddon, woo hee Lailie hanrechte sull. Oppeenst hieed hee een Jeruschel dichtbie sien Bad un aus hee siene Uage op muak, sach hee eenen oolen Maun met eenen langen greiwen Boat un milde Uage.

“Welle see Lailie hanrechte?” fruach de oola Maun.
“Jo”, auntuwad de Kjeeninch. “Oba ekj kaun mie nich berot schlute, woo daut to doone.”
“Oba du best Lailie,” säd de oola Maun.
“Daut es nich woa,” auntuwad de Kjeeninch. “Lailie es Lailie, un ekj sie ekj.”

“See un Lailie sent eent,” säd de oola Maun. “See kjenne sikj bloos väastale, daut see nich Lailie sent, un daut Lailie nich see es.”

“Waut meenst du doamet?” säd de Kjeeninch. “Hia ligj ekj opp eenen wieekjen Bad. Om mie erom sent jehuarsome Mana-Kjnajchte un Frues-Kjnajchte, un Morje woa ekj met miene Frind aus vondoag fiere. Lailie aus een Voagel daut en eenen Klotje sett, un hee woat Morje aufjespiest, un siene Tung woat uthenje, bat hee stoaft. Sien Kjarpa woat von de Hunj en Stekja jeräte woare.

“See kjenne sien Läwe nich vestieere,” säd de oola Maun.

“Un woo steit et met de vieetieen dusent Kjriejasch, dee ekj omjebrocht hab, un met äare Kjarpasch ekj eenen Hempel jebut hab?” säd de Kjeeninch. “Ekj läw, oba see eksistiere nich mea. Bewiest daut nich, daut ekj daut Läwe vestiere kaun?”

“Wuahää weete See, daut see nich mea eksistiere?”
“Wiels ekj an nich mea seene kaun. Un ver aulem worde see jekjwält, oba ekj nich. Daut wia schlajcht fa an, oba goot fa mie.”

Ассирийский царь Асархадон

Ассирийский царь Асархадон завоевал царство царя Лаилиэ, разорил и сжег все города, жителей всех перегнал в свою землю, воинов перебил, самого же царя Лаилиэ посадил в клетку.

Лежа ночью на своей постели, царь Асархадон думал о том, как казнить Лаилиэ, когда вдруг услышал подле себя шорох и, открыв глаза, увидел старца с длинной седой бородой и кроткими глазами.

— Ты хочешь казнить Лаилиэ? — спросил старец.
— Да, — отвечал царь. — Я только не придумал, какой казнью казнить его.
— Да ведь Лаилиэ это ты, — сказал старец.
— Это неправда, — сказал царь, — я — я, а Лаилиэ — Лаилиэ.

— Ты и Лаилиэ — одно, — сказал старец. — Тебе только кажется, что ты не Лаилиэ и Лаилиэ не ты.

— Как кажется? — сказал царь. — Я вот лежу на мягком ложе, вокруг меня покорные мне рабы и рабыни, и завтра я буду так же, как сегодня, пировать с моими друзьями, а Лаилиэ как птица сидит в клетке, и завтра будет с высунутым языком сидеть на колу и корчиться до тех пор, пока издохнет, и тело его не будет разорвано псами.

— Ты не можешь уничтожить его жизнь, — сказал старец.

— А как же те 14 000 воинов, которых я убил и из тел которых я сложил курган? — сказал царь.
— Я жив, а их нет; стало быть, я могу уничтожить жизнь.

— Почему ты знаешь, что их нет?
— Потому что я не вижу их. Главное же то, что они мучались, а я нет, им было дурно, а мне хорошо.

"Daut schient uk bloos An soo. See habe sikj selfst jekjwält, oba nich an."

"Ekj vesto nich," säd de Kjeenich.

"Muchte See daut vestone?"

"Jo, ekj wull."

"Dan komm häa," säd de oola Maun un died opp eene Tonn voll Wota.

De Kjeenich stunt opp un jinkj to de Tonn.

"Trakj de Kjeleeda ut un go em Wota nenn."

Esarhaddon deed, aus de oola Maun am säd.

"Sooboolt ekj aunft, dit Wota äwa die to jeete", säd de oola Maun un feld de Tonn met Wota, "duck dien Kopp unja."

De oola Maun stelpt de Tonn äwa dän Kopp vom Kjeenich un de Kjeenich bieejd sienen Kopp, bat hee unja Wota wia.

Un sooboolt Kjeenich Esarhaddon unja Wota wia, haud hee daut Jefeel, nich mea Esarhaddon to senne, sonda Jeemaunt aundra. Un aus hee sikj aus dis aundra Maun feeld, sach hee sikj dichtbie eene Schmocke Fru opp eenen rikjen Bad ligje. Hee haud äa noch niemols ea jeseene, oba hee wist, daut see siene Fru wia.

De Fru recht sikj opp un säd to am, "Leewa Maun, Lailie! See wiere meed von de Oabeit von Jistre un habe lenja aus sonst jeschlope, un ekj habe june Ru bewacht un See nich jewakjt. Oba nu wachte de Prinse opp See en de Groote Haul. Trakje See sikj aun un gone See to an."

Un Esarhaddon vestunt ut dise Wieed, daut hee Lailie wia. Hee feeld sikj doaräwa äwahaupt nich äwarauscht, sonda wundad sikj bloos, daut hee daut verhäa nich wist. Hee stunt opp, trock sikj aun un jinkj en de Grooten Haul, wua de Prinse fa am wachte.

De Prinse bejreeste Lailie, äaren Kjeenich, un bieejde sikj to Boddem. Dan stunde see opp un to sienem Wuat sade sikj ver am. De elsta von de Firste funk aun to räde un säd, daut wia ommäajlich, de Beleidjunge vom beesen Kjeenich Esarhaddon lenja uttohoole, un see muste jäajen am Kjrigh fiere. Oba Lailie spruak doajäajen un befool, daut Veträda jeschekjt woare sulle, om bie Kjeenich Esarhaddon to vehandle. Dan entleet hee de Prinse vonne Haul.

— И это тебе кажется. Ты мучал сам себя, а не их.

— Не понимаю, — сказал царь.

— Хочешь понять?

— Хочу.

— Подойди сюда, — сказал старец, указывая царю на купель, полную водой.

Царь встал и подошел к купели.

— Разденься и войди в купель.

Асархадон сделал то, что велел ему старец.

— Теперь, как только я начну лить на тебя эту воду, — сказал старец, зачерпнув воды в кружку, — окупись с головой.

Старец нагнул кружку над головой царя, и царь окунулся.

И только что царь Асархадон окунулся, он почувствовал себя уже не Асархадонем, а другим человеком. И вот, чувствуя себя этим другим человеком, он видит себя лежащим на богатой постели рядом с красавицей женщиной. Он никогда не видал этой женщины, но он знает, что это жена его.

Женщина эта приподнимается и говорит ему: «Дорогой мой супруг Лаилиэ, ты устал от трудов вчерашнего дня и потому спал дольше обыкновенного, но я берегла твой покой и не будила тебя. Теперь же князя ожидают тебя в большой палате. Одевайся и выходи к ним».

И Асархадон, понимая из этих слов, что он — Лаилиэ, и не только не удивляясь этому, но удивляясь тому, что он до сих пор не знал этого, встает, одевается и идет в большую палату, где князя ожидают его.

Князя земным поклоном встречают своего царя Лаилиэ, потом встают и по его приказу садятся перед ним, и старший из князей начинает говорить о том, что нельзя долее терпеть всех оскорблений злого царя Асархадона и надо итти войной против него. Но Лаилиэ не соглашается с ним, а велит послать послов к Асархадону, чтобы усювестить его, и отпускает князей.

Doano nand hee bediedende Perseenlichkjeite to Bootschoftasch un beendrukt an met däm, waut see Kjeenich Esarhaddon saje sulle.

Nodäm hee dit Jeschaft beendet haud, feeld sikj Esarhaddon, dee sikj aus Lailie feeld, opp de Jacht no wilde Äsels. De Jacht haud gooden Erfolg. Hee brocht selfst twee wilde Äsels om, kjeed no Hus trigj, jinkj met siene Frind Äte un fua eenen Daunz von Kjnajcht Mejales to besieekje.

Aum näakjsten Dach jinkj hee nom Rajcht Hus, wua hee Mana met Pettischens troff, un Jefangne dee ver Rajcht kome sulle. Doa entscheid hee aus jeweentlich dee am utjesochte Faule. Nodäm hee dit Jeschaft beendet haud, ritt hee wada to sienem beleefta Vejnieeje, de Jacht. Un wada haud hee gooden Erfolg, dit mol brocht hee eene oola Leiw met siene ieejne Henj om, un kunn äare beid Junge fange näme. No de Jacht fieed hee wada met siene Frind un wort met Musikj un Daunz unjahoole. De Nacht vebrocht hee met siene Fru, dee hee goot wia.

So vebrocht hee siene Tiet tweschen Kjeenichliche Flichte un Freide un wond Doag un Wäakje, un wacht opp de Trigreis von de Bootschofta, dee hee to disem Kjeenich Esarhaddon jeschekjt haud, dee ea hee selfst wia. Ieescht eenen Moonat lota kjeede de Bootschofta trigj, un see kjeede met aufjeschnäde Näse un Uare trigj.

Kjeenich Esarhaddon haud an befoole, Lailie to saje, daut et, waut An, dän Bootschofta, aunjedone worde wia, uk Kjeenich Lailie selfst aunjedone woare wudd, buta wan, hee fuaz eene Aunerkanunk schekjt ut Selwa, Golt un Ziepressenholt un selfst kjeem dän Kjeenich Esarhaddon Iea to erwiese.

Lailie, eenst Esarhaddon, vesaumeld de Firste wada un leet sikj berode, waut hee doone sull. See aule säde eenich, daut Kjrich jäajen Esarhaddon jefieet woare must, one doanopp to wachte, daut hee See aunjreep. De Kjeenich stemd to; un naum sienen Plauz aun de Spetz vonne Armee aun, un funk dän Felt Zuch aun. De Kampanje dieed säwen Doag. Jiedren Dach reet de Kjeenich met de Armee, om dän Moot von siene Kjrieja to wakje. Aum achten Dach troff siene Armee dee von Esarhaddon en eenen breeden Dol, derch daut een Fluss rand. Lailie siene Armee kjamft brow, oba Lailie, eenst Esarhaddon, sach dän Fient aus Eemskje

После этого он назначает почтенных людей послами и внушает им подробно то, что они должны передать царю Асархадону.

Окончив эти дела, Асархадон, чувствуя себя Лаилиэм, выезжает в горы на охоту за дикими ослами. Охота удачна. Он сам убивает двух ослов и, возвратившись домой, пирует с своими друзьями, глядя на пляску невольниц.

На другой день, по обыкновению, он выходит на двор, где ожидают его просители, подсудимые и тяжущиеся, и решает представляемые ему дела. Окончив эти дела, он едет опять на любимую свою забаву — охоту. И в этот день ему удается самому убить старую львицу и захватить ее двух львенков. После охоты он опять пирует с своими друзьями, забавляясь музыкой и пляской, а ночь проводит с любимой женой своей.

Так живет он дни и недели, ожидая возвращения послов, отправленных к тому царю Асархадону, которым он был прежде. Послы возвращаются только через месяц и возвращаются с отрезанными носами и ушами.

Царь Асархадон велит сказать Лаилиэ, что то, что сделано с его послами, будет сделано и с ним, если он сейчас же не пришлет назначенную дань серебра, золота и кипарисового дерева и не приедет сам на поклон к нему.

Лаилиэ, бывший прежде Асархадонем, опять собирает князей и советуется с ними о том, что надо делать. Все в один голос говорят, что надо, не дожидаясь нападения Асархадона, итти на него войною. Царь соглашается и, становясь во главе войска, идет в поход. Поход продолжается 7 дней. Каждый день царь объезжает войска и возбуждает мужество своих воинов. На 8-й день его войска сходятся с войсками Асархадона в широкой долине на берегу реки. Войска Лаилиэ храбро дерутся, но Лаилиэ, бывший прежде Асархадонем, видит, что враги, как муравьи,

von de Boaj erauf schwoarme, daut Dol un siene Armee äwakome; un en sienem Woage woagd hee driest en medden von de Schlacht, un heiwd un schluach dän Fient. Oba de Kjrieja von Lailie wiere bloos hundade, wäarent dee von Esarhaddon Dusende wiere. Lailie wort velazt un jefange jenome.

Näajen Doag reisd hee met aundre Jefangne, dee von de Kjrieja von Esarhaddon jebunge un bewacht worde. Aum tieenden Dach errieekjt hee Ninive un wort en eenen Klotje jebrocht. Lailie litt weinja unja Hunga un Wunde aus unja Schäm un machtloose Wutt. Hee feeld, woo machtloos hee wia, sikj aun sienem Fient to Rache, wan hee uk soo vâl dulde must. Aules, waut hee doone kunn, wia, sienen Fient daut Vejnieceje to näme, sien Leide to seene. Hee wia faust entschlote, mootich one een Brumlen uttohoole, aules waut see met am doone kunne.

Twintich Doag saut hee en sienem Klotje un wacht opp de Hanrechtunk. Hee sach siene Vewaunte un Frind nom Doot jefieet woare; hee horcht daut Stäne von dee, dee hanjerecht worde, eenje haude Henj un Feet aufjeschnäde, aundre worde läwendich jeschält, oba hee wees entwäda Onru noch Metleet noch Angst. Hee sach de Fru, dee hee leewd, jebunge un von twee Schwoate Utjeschnädne jefieet. Hee wist, daut see aus Kjnajcht Fru no Esarhaddon jebrocht wort. Uk daut vedruach hee one brumle.

Oba eene von de Wacht, dee am seene sulle, säd, “Ekj hab Metleet met die, Lailie; du wiescht een Kjeenich, oba waut best du nu?” Aus hee dise Wieed hieed, erinnad sikj Lailie an aules, waut hee veluare haud. Hee omfoot de Stange von sien Klotje un wull sikj selfst ombrinje, schluach sienen Kopp jäajen dee. Oba hee haud nich de Krauft doatoo un ständ vetwieweld opp dän Boddem vom Klotje.

Schlieslich muake twee Henkja siene Klotje Däa op, un nodäm see siene Oarme faust jebunge haude, fieede see am nom Hanrechtunk Plauz, daut naut met Bloot wia. Lailie sach, woo een schoapa Post met Bloot drept, von däm jrod de Leich von een Frint jeräte worde wia, un hee vestunt, daut dit jedone worde wia, doamet de Post von siene ieejne Hanrechtunk deene kunn.

See trocke Lailie siene Kjleeda ut. Hee wia vebleft äwa de Schlankheit von sien eenst stoakjen, jleien

сбегаются с гор, затопляют долину и одолевают его войска, и бросается на своей колеснице в середину битвы, колет и рубит врагов. Но воинов Лаилиэ сотни, а Асархадона тысячи, и Лаилиэ чувствует, что он ранен и что его берут в плен.

Девять дней он с другими пленниками идет связанный среди воинов Асархадона. На 10-й день его приводят в Ниневию и сажают в клетку. Лаилиэ страдает не столько от голода и раны, сколько от стыда и бессильной злобы. Он чувствует себя бессильным отплатить врагу за всё зло, которое он терпит. Одно, что он может, это то, чтобы не доставить своим врагам радости видеть его страдания, и он твердо решил мужественно, без ропота, переносить всё то, что с ним будет.

20 дней сидит он в клетке, ожидая казни. Он видит, как проводят на казнь его родных и друзей, слышит стоны казнимых, которым одним отрубаят руки и ноги, с других с живых сдирают кожу, и не выказывают ни беспокойства, ни жалости, ни страха. Видит, как евнухи ведут связанную любимую жену его. Он знает, что ее ведут в рабыни к Асархадону. И он переносит и это без жалобы.

Но вот два палача отпирают клетку и, затянув ему ремнем руки за спиной, подводят его к залитому кровью месту казней. Лаилиэ видит острый окровавленный кол, с которого только что сорвали тело умершего на нем друга Лаилиэ, и догадывается, что кол этот освободили для его казни.

С него снимают одежду. Лаилиэ ужасается на худобу своего когда-то сильного красивого тела.

Kjarpa. De beid Henkja jreepe disen Kjarpa aun de Schinkjes; see hoowe am opp un wulle am opp dän Post faule lote.

“Daut es de Doot, Vedoawe!” docht Lailie, un vegaut siene Entschloteheit, bat nom Enj brow un ruich to bliewe, schulchst un bäd om Jnod. Oba kjeena horcht am to.

“Oba daut kaun nich senne,” docht hee. “Ekj schlop doch. Dit es een Droom.” Un hee bemieejd sikj, sikj to wakje, un wacht uk werkjlich opp, om entwäda Esarhaddon noch Lailie to senne, sonda eene Oat Tia. Hee wia erstaunt doaräwa, daut hee een Tia wia, un erstaunt uk, daut hee dit nich verhää jewist haud.

Hee grosd en eenen Dol, reet daut fiene Graus met de Täne un wescht Flieeje met sienem langen Zoagel wajch. Om am erom rand een lank-beenich, dunkel greiwa Äselfalm, dee opp däm Rigje jestriep wia. Daut Falm staup met de Hinja Been aun, galoppieed met volle Krauft opp Esarhaddon to, stad am met siene glaute kjliene Schnutz unja dän Buck, socht no däm Lutsch, beruijd sikj un schlukt. Esarhaddon vestunt, daut hee eene Äselin wia, de Mutta vom Falm, un daut äwarauscht am wada un muak am uk nich truarich, sonda brocht am Vejnieceje. Hee beläwd een froet Jefeel vom jlikj tiedichet Läwe en sikj un en sienem Nojewauss.

Oba oppeenst fluach am waut met eenen piepaden Jereisch dicht bie un troff am en de Sied, un met eene schoape Spetz jinkj et en siene Hut un Fleisch. Met eenen brennenden Weedoag enne Sied, reet Esarhaddon, dee jlikj tiedich de Äsel wia, daut Ieda von de Täne vom Falm un reet met de Uare trigj to de Häad, von dee hee jekome wia. Daut Falm galoppieed aun siene Sied. See haude de Häad, dee vefieet wort, aul meist errieekjt, aus een aundret Feil em vollen Fluach dän Hauls vom Falm troff. Daut boad derch de Hut un zettad em Fleisch. De Falm schulchst kjläachlich un foll opp de Kneee. Esarhaddon kunn daut nich oppjäwe un bleef doaräwa stone. Daut Falm stieej opp siene lange denne Been opp oba foll wada. Een enjstlichet, tweebeenschet Wäsent, een Maun, rand han un schnitt am dän Gorjel derch.

“Daut kaun nich senne; daut es emma noch een Droom!” docht Esarhaddon un muak eene latste Aunstrenjunk, om opptowakje. “Secha sie ekj nich

Два палача подхватывают это тело за худые ляжки, поднимают и хотят опустить на кол.

— Сейчас смерть, уничтожение, — думает Лаилиэ и, забывая свое решение выдержать мужественно спокойствие до конца, рыдая молит о пощаде. Но никто не слушает его.

— Да это не может быть, — думает он, — я, верно, сплю. Это сон. — И он делает усилие, чтобы проснуться. Он и действительно проснулся, чтобы либо Лаилиэ, либо Асархадон стать, а возможно и каким либо зверем.

Он пасся в долине, щипал мелкую травку зубами и отмахивался длинным хвостом от мух. Вокруг него бегал длинноногий, спина в полоску, ослиный жеребёнок. Он бил задними копытами землю и с большой силой напрямиком с разбегу кинулся на Асархадона. боднул его вниз живота со своей гладкой мордой в поисках сосков. Асархадон понял, что он ослиха, мать жеребёнка, и это его снова удивило, но не опечалило. Наоборот получал удовлетворение в новом преобразовании.

Но вдриг со свистящим шумом мимо него что-то пролетело и вонзилось в бок острым концом в через кожу в тело. С жением и болью в боку он оторвал жеребёнка от сосков и рванул к своему стаду. Жеребёнок ему следовал сбоку. Уже приближаясь к испуганному стаду, уже жеребёнку вонзилось такое же остриё в шею. Оно трясясь застряло в коже. Жеребёнок захлебнулся и упал на колени. Асархадон- ослиха, как вкопанная, остановилась. Жеребёнок попытался встать на свои длинные тонкие ноги, но снова упал. Единственное двухногое существо подбежало и перерезало ему глотку.

-Быть не может, это всё ещё сон,-думал Асархадон усиленно патаясь проснуться. Конечно я не Лаилиэ и не осёл, а Асархадон.

Lailie ooda de Äsel, sonda Esarhaddon!”

Hee schrieech opp un hoof jlikj tiedich dän Kopp ut de Tonn. De oola Maun stunt dichtbie am un scheddad de latste Dreppe ut däm Kruck äwa sienem Kopp.

"O, woo schrakjlich sie ekj to Schod jekome, un fa woo lang!" säd Esarhaddon.

“Lang?” auntuwad de oola Maun, “See habe äaren Kopp bloos unja Wota jedukt un wada oppjehowe; seene See, daut Wota es noch nich volstendich ut däm Kruck. Vesteist du et nu?”

Esarhaddon gauf kjeene Auntwuat, sonda sach dän oolen Maun bloos met Grule aun.

“Vestone See nu,” fua de oola Maun fuat, “daut Lailie es See, un de Kjrieja, dee See omjebrocht habe, wiere uk See? Un nich bloos de Kjrieja, sonda uk de Tiere, de See bie de Jacht ombrochte un en June Faste jejäte habe, wiere See. See dochte, daut Läwe bloos en Junt wia, oba ekj hab dän Schleia vonne Enbildunk biesied jelajcht un See habe jeseene, daut See, endäm See aundret Beeset aunjedone habe, daut uk aun See selfst jedone habe. Daut Läwe es eent en aulen, un Jie senne bloos een Deel von disem jemeensomen Läwe. Un bloos en disem eenen Deel vom Läwe, daut An jehieet, kjenne See daut Läwe bäta ooda schljachta moake, hecha schuwe ooda dol drekje. See kjenne daut Läwe en sikj bloos vebätre, endäm See de Hindanise vestiere, dee Jun Läwe von de aundre trant, un endäm See aundre aus Junt selfst betrachte doone un See goot habe. Doaderch schift See Jun Lāwes Aundeel hecha. See velote Jun Lāwe, wan See daut aus daut eensje Lāwe betrachte doone, un vesieekje, daut Goot befinje auf Koste von aundre Lāwe hecha to brinje. Doaderch vekjlandre See daut bloos. Daut Lāwe to vestieere, daut en aundre läft, lajcht butahaulf June Macht. Daut Lāwe von dän, dee See omjebrocht habe, es ut June Uage veschwunge, woat oba nich vestieet. See habe jedocht, om Jun ieejnet Lāwe to velenjre un to vekjartre, oba See kjenne daut nich doone. Daut Lāwe kjant wāda Tiet noch Rum. Daut Lāwe von een Uageblekj un daut Lāwe von dusent Joare, äa Lāwe un daut Lāwe von aule sechtboare un onsechtboare Wäsent en de Welt sent jlikj. Daut Lāwe to vestieere ooda to veendre es ommājlich; wiels daut Lāwe es daut eensje, waut eksistieet, aules aundret, schient ons

— Он вскрикивает и в то же мгновение высовывает голову из купели. Старец стоит над ним, выливая ему на голову последнюю воду из кружки.

— О, как ужасно мучался я! И как долго! — говорит Асархадон.

— Как долго? — говорит старец. — Ты только что окунул голову и тотчас опять высунул ее; видишь, вода из кружки еще не вся вылилась. Понял ли ты теперь?

Асархадон ничего не отвечает и только с ужасом глядит на старца.

— Понял ли ты теперь, — продолжает старец, — что Лаилиэ — это ты, и те воины, которых ты предал смерти — ты же. И не только воины, но и те звери, которых ты убивал на охоте и пожирал на своих пирах, были ты же. Ты думал, что жизнь только в тебе, но я сдернул с тебя покрывало обмана, и ты увидел, что, делая зло другим, ты делал его себе. Жизнь одна во всем, и ты проявляешь в себе только часть этой одной жизни. И только в этой одной части жизни, в себе, ты можешь улучшить или ухудшить, увеличить или уменьшить жизнь. Улучшить жизнь в себе ты можешь только тем, что будешь разрушать пределы, отделяющие твою жизнь от других существ, будешь считать другие существа собою — любить их. Уничтожить же жизнь в других существах не в твоей власти. Жизнь убитых тобою существ исчезла из твоих глаз, но не уничтожилась. Ты думал удлинить свою жизнь и укоротить жизнь других, но ты не можешь этого сделать. Для жизни нет ни времени, ни места. Жизнь мгновения и жизнь тысячи лет, и жизнь твоя и жизни всех видимых и невидимых существ мира равны. Жизнь уничтожить и изменить нельзя, потому что она одна только и есть. Всё остальное нам только кажется.

bloos to senne."

Nodäm dit jesajcht wia, veschwunk de oola Maun.

Сказав это, старец исчез.

Aum näakjsten Morje befool Kjeenich Esarhaddon, Lailie un aule Jefangne frietolote un de Hanrechtunge entostale.

На другое утро король Асархадон приказал Лаилиэ и всех пленных освободить и суд закрыть.

Aum dredden Dach roopt hee sienen Sän Assur-Bani-Pal un gauf daut Kjennichrikj en siene Henj. Un hee selfst jinkj en de Wiltnis, om äwa aules notodenkje, waut hee jeliëet haud. Doano jinkj hee aus Waundra derch de Darpa un Städe un prädicht to de Mensche, daut aulet Läwe eent es un daut Mensche, wan see aundre Schode aundoone muchte, sikj selfst Beeset aundoone.

На третий день король позвал своего сына и передал ему всё королевство и сам пошёл странствовать, чтобы понять то новое, чему он научился. Проходя города и сёла он нёс людям проповедь, что всё на земле едино. Делая зло, оно вернётся к тебе обратно.

12. Dree Froage

Een Dach foll et eenen bestemden Kjeisa bie, daut wan hee emma de rajchte Tiet fa waut aunfange wist; wan hee emma wist woone Mensche hee toohiere sull, un wäm hee meide sull, un hauptsechlich, wan hee emma wist waut daut wichtichste Dinkj to doone wia, dan wudd hee Erfolg habe en aul siene Woakje.

Soo schwind aus dis Jedanke am biejevolle wia, jeef de Kjeisa em gaunzen Kjennichrikj een Befäl, en däm aunjekjindicht wort, daut jieda, dee de Froage beantwuade kunn, eene groote Beloonunk kjriee wudd. Väle, dee daut Befäl leese, muake sikj fuaz opp dän Wajch nom Paulaust, jiede Persoon met eene aundre Auntwuat.

En Beantwuat von de ieeschte Froag wees eene Persoon doanopp han, daut de Kjeisa eenen krakjten Tietplon oppstald, de jiede Stund, jiedren Dach, jiede Moonat un jiedat Joa fa bestemde Oppgowe weid, un dan däm Tietplon bat nom Breef folje. Bloos dan kunn hee hope, jiede Oppgow to rajchte Tiet to besorje.

Eene aundre Persoon auntwuad, daut et ommäajlich wia, em verut to plone, oba daut de Kjeisa aule Vejnieeje biesied laje un opp aules achte sull, om to weete, waut to woonem Tietpunkt to doone es.

Jeemaunt aundra bestunt doaropp, daut de Kjeisa niemols doaropp hope kunn, daut hee aul de neediche Wietsecht un Fäichkjeit habe wudd, om to entscheide, wan hee jiede eenselne Oppgow besorje sull un waut hee werkjlich brukt, wia eenen Rot von Jeliiede un daut Meddel habe äa Rot uttofiere.

Jeemaunt aundra säd, daut bestemde Dinja fuaz entscheide woare muste un nich opp de Berodunk wachte kunne. Wan hee oba verhää weete wull, waut passiere wudd, sull hee sikj met Hakjsemeista un Woasjasch berode.

De Auntwieed opp de tweede Froag haude uk kjeene

Три вопроса

Подумал раз царь, что если бы он всегда знал время, когда начинать всякое дело; знал бы еще, с какими людьми надо и с какими не надо заниматься, а, главное, всегда знал бы, какое из всех дел самое важное, то ни в чем бы ему не было неудачи.

И подумав так, царь объявил по своему царству, что он даст великую награду тому, кто научит его, как знать настоящее время для каждого дела, как знать, какие люди самые нужные, и как не ошибаться в том, какое дело из всех дел самое важное.

Стали приходиться к царю ученые люди и отвечали различно на его вопросы.

На первый вопрос одни говорили, что для того, чтобы знать настоящее время для каждого дела, надо составить вперед расписание дня, месяца, года и строго держаться того, что назначено. Только тогда, говорили они, всякое дело будет делаться в свое время.

Другие говорили, что нельзя вперед решить, какое дело делать в какое время, а надо не отвлекаться пустыми забавами, а всегда быть внимательным к тому, что случается, и тогда делать то, что требуется.

Третьи говорили, что как ни будь внимателен к тому, что случается, одному человеку нельзя всегда верно решить, в какое время что нужно делать, а надо иметь совет мудрых людей и по этому совету решать: что в какое время делать.

Четвертые говорили, что бывают такие дела, что некогда спрашивать советчиков, а надо сейчас решать: время или не время начинать дело. Для того же, чтобы знать это, надо вперед знать, что случится. А это могут знать только волхвы. И потому для того, чтобы знать настоящее время для каждого дела, надо спрашивать об этом волхвов.

На второй вопрос отвечали так же различно.

Stemmunk. Eene Persoon säd, de Kjeisa sull aul sien Vetrue en de Vewaultasch sate, eene aundre drenjd opp Priestasch un Menjche, wäarent aundre Doktasch toorode. Wada aundre sade opp Kjrieja.

De dredde Froag jeef eene änliche Veschiedenheit von Auntweed han. Eenje säde, Wissenschoft wia daut wichtichste Sträwe. Aundre bestunde opp Relijion. Wada aundre jeewe vää, daut wichtichste wia millitärische Fäichkjeit.

De Kjeisa wia met kjeene von de Auntweed tofräd, un doa wort kjeene Beloonunk jejäft.

No eenje Nachte von Besennunk entscheid sikj de Kjeisa, eenen Eensiedla to besieekje, dee opp däm Boajch wond un aus oppjewakjta Maun betieekjent wort. De Kjeisa wull dän Eensiedla finje, om am de dree Froage to stale, wan hee uk wist, daut de Eensiedla dän Boajch niemols velote haud, un daut hee bloos de Oame oppnaum un sikj stiepad, met Persoone von Vemieeje ooda Macht waut to doone habe. Soo vestald sikj de Kjeisa aus een eenfacha Bua un befool sienen Bejleita, aum Foot vom Boajch opp am to wachte, wäarent hee auleen enopp stieech, om dän Eensiedla to sieekje.

Aus de Kjeisa bie de Wonunk vom heiljen Maun aunkaum, funk hee dän Eensiedla ver siene Bood wua hee eenen Goade growd. Aus de Eensiedla dän Framden sach, nekjt hee aus Bejreessunk un growd wieda. De Oabeit wia nom lote noch schwoa fa am. Hee wia een elra Maun, un jiedat Mol, wan hee sienen Spodem em Boddem stad, om de Ieed to dreie, odemd hee schwoa.

De Kjeisa kjeem to am un säd, “Ekj sie häa jekome, om June Help met dree Froage to auntwuade, wan es de baste Tiet, om aules to besorje? Met wäm es daut aum wichtichsten to oabeide? Waut to jieda Tiet es daut wichtichste to doone?”

Одни говорили, что самые нужные царю люди это его помощники правители, другие говорили, что самые нужные царю люди это жрецы, третьи говорили, что самые нужные люди царю это врачи, четвертые, что нужнее всех людей для царя воины.

Так же различно отвечали и на третий вопрос: какое дело самое важное? Одни говорили, что самое важное на свете дело это науки, другие говорили, что самое важное дело это военное искусство, третьи говорили, что важнее всего богопочитание.

Все ответы были различны, поэтому царь не согласился ни с одним из них и никому не дал награды.

Для того же, чтобы узнать вернее ответы на свои вопросы, он решил спросить об этом у отшельника, про мудрость которого шла великая слава. Отшельник жил в лесу, никуда не выходил и принимал только простых людей. И потому царь оделся в простую одежду и, не доезжая с своими оруженосцами до жилья отшельника, слез с коня и один пошел к нему.

Когда царь подошел к нему, отшельник перед своей избушкой копал гряды. Увидав царя, он поздоровался с ним и тотчас же опять принялся копать. Отшельник был худ и слаб и, втыкая лопату в землю и выворачивая небольшие комья земли, тяжело дышал.

Царь подошел к нему и сказал:

— Я пришел к тебе, мудрый отшельник, просить тебя дать мне ответы на три вопроса: какое время надо помнить и не пропускать, чтобы потом не раскаиваться? какие люди самые нужные, с какими, стало быть, людьми надо больше и с какими меньше заниматься? и какие дела самые важные и какое поэтому дело из всех надо делать прежде других?

De Eensiedla horcht oppmoaksom to, haujd dän Kjeisa oba bloos aun de Schulla un growd wieda. De Kjeisa säd, "See woare meed senne. Hia, lot mie die doabie halpe." De Eensiedla dankt am, rieekjt däm Kjeisa dän Spodem un sad sikj dan oppem Boddem, om sikj to vepuste.

Nodäm hee twee Rieej jegroft haud, bleef de Kjeisa stone, dreid sikj aun dän Eensiedla un wadahold siene dree Froage. De Eensiedla auntwuat emma noch nich, sonda stunt enne Städ opp, wees opp dän Spodem un säd, "Wuarom vepust du die nich? Ekj kaun daut wada äwanäme." Oba de Kjeisa growd wieda. Eene Stund vejinkj, dän twee. Schlieslich jinkj de Sonn hinja däm Boajch unja. De Kjeisa läd dän Spodem dol un säd to däm Eensiedla, "Ekj kjeem hiahäa un fruach, auf See miene dree Froage beantwuede kunne. Oba wan See mie kjeene Auntwuat jäwe kjenne, lote See mie daut weete, doamet ekj veleicht no Hus go."

De Eensiedla hoof dän Kopp un fruach dän Kjeisa, "Kjenne See doa wäm rane hiere?" De Kjeisa dreid sien Kopp. De beid sage een Maun met eenen langen witten Boat vom Woolt rutkome. De Maun rand wilt, un prast siene Henj opp eene bloodriche Wund en sien Buk. Hee rand toom Kjeisa, un dan foll bewustloos oppem Boddem, wua hee stänent lach.

Aus see dän Maun siene Kjeleeda op muake, sach de Kjeisa un Eensiedla daut de Maun eene deepe Wund haud. De Kjeisa wauscht de Wund jrintlich un dän brukt sien ieejnet Hamd om daut to ombinje, oba daut Bloot muak daut en weiniche Minnute naut. Hee fua wieda met siene Behaundlunk bat de Wund opphieed to bleede.

Entlich kjeem de Vewundeta toom Bewust senne trigj un fruach om eenen Schluck Wota. De Kjeisa rand nom Borm han un brocht eene Kruck met freschet Wota trigj.

Entweschen wia de Sonn veschwunge un de Nachtloft wort kolt. De Eensiedla holp däm Kjeisa, endäm see dän Maun en de Bood druage, wua see am opp daut Bad vom Eensiedla läde. De Maun schloot de Uage un läd sikj ruich han.

De Kjeisa wia vom langen Dach opp dän Boajch krupe un biem Goade growe hunt meed. Hee länd sikj jaaen

Отшельник выслушал царя, но ничего не ответил, а плюнул в руку и опять стал ковырять землю.

— Ты утомился, — сказал царь, — дай мне лопату, я поработаю за тебя.

— Спасибо, — сказал отшельник и, отдав лопату, сел на землю.

Вскопав две гряды, царь остановился и повторил свой вопрос. Отшельник ничего не ответил, а встал и протянул руку к лопате:

— Теперь ты отдохни; давай я, — сказал он.

Но царь не дал лопаты и продолжал копать. Прошел час, другой; солнце стало заходить за деревья, и царь воткнул лопату в землю и сказал:

— Я пришел к тебе, мудрый человек, за ответами на мои вопросы. Если ты не можешь ответить, то так и скажи мне, я уйду домой.

— А вот кто-то бежит сюда, — сказал отшельник.

— Посмотрим, кто это?

Царь оглянулся и увидел, что из леса, точно, бежал бородатый человек. Человек этот держался за живот руками; из-под рук его текла кровь. Подбежав к царю, бородатый человек упал на землю и, закатив глаза, не двигался, а только слабо стонал.

Царь вместе с отшельником раскрыл одежду человека. В животе его была большая рана. Царь, как умел, обмыл ее и своим платком и полотенцем отшельника перевязал. Но кровь не унималась, и царь несколько раз снимал промокшую теплой кровью повязку и вновь обмывал и перевязывал рану.

Когда кровь унялась, раненый очнулся и попросил напиться. Царь принес свежей воды и напоил раненого.

Солнце между тем совсем зашло, и стало свежо. Царь с помощью отшельника перенес раненого человека в келью и положил на кровать. Лежа на кровати, раненый закрыл глаза и затих.

Царь же так устал от ходьбы и работы, что, прикорнув на пороге, тоже заснул и таким

de Däa un schleep en. Aus hee oppstunt, wia de Sonn aul äwa däm Boajch oppjegone. Fa eenen Uagenblekj vegaut hee, wua hee wia un wuaväa hee häajekome wia. Hee kjikjt nom Bad han un sach dän Vewundeteten uk vebiestat om sikj kjikje.

Aus hee dän Kjeisa sach, gluft hee am oppmoakjsom aun un säd dän en eenen schwaken Fuschlen, “Bitte vejeff mie.”

“Oba waut habe See jedone, daut ekj an vejäwe sull?” fruach de Kjeisa.

“See kjane mie nich, Majestät, oba ekj kjan Junt. Ekj wia Jun jeschwoarna Fient, un ekj haud jeschwoare, aun Junt Rach to näme, wiels em latsten Kjrich haude See mienen Brooda omjebrocht un mien Ieejendom fuat jenome. Aus ekj enwort, daut See auleen opp dän Boajch kaume, om dän Eensiedla to trafe, beschloot ekj mie, An opp äarem Trigjwajch to äwarausche, om An om to brinje. Oba nodäm ekj lang jewacht haud, wia emma noch nuscht von Junt to seene, un soo jinkj ekj om Junt to sieekje. Oba enne Städ Junt to finje, sie ekj opp Jun Bejeleita jestukst, dee mie mie dise Wund aunjedone haft. Toom Jlekj sie ekj utjerezt un sie hiahäa jekome. Wan ekj Junt nich jetroffe haud, wia ekj sechalich aul doot. Ekj wull Junt ombrinje, oba enne Städ habe See mien Läwe jerat! Ekj schäm mie un sie ontalboa dankboa. Wan ekj läw, vespräakj ekj, fa dän Äwalei von mien Läwe Jun Deena to senne. Bitte jewoare See mie June Vejäwunk.”

De Kjeisa wia sea jlekjlich, daut hee sikj soo leicht met eenen jewäsnen Fient veseene kunn. Hee vezeid däm Maun nich bloos, sonda vespruak, daut gaunze Ieejendom vom Maun trigjtojäwe un sienen ieejnen Dokta un sien Deena to schekje, om dän Maun to besorje, bat hee volstendich jeheelt wia.

Nodäm hee sienen Deena befält haud, dän Maun no Hus to brinje, kjieed de Kjeisa nom Eensiedla trigj. Ver siene Trigjreis nom Paulauust wull de Kjeisa siene dree Froage noch eenmol wadahole. Hee funk dän Eensiedla, dee en de leed seid, dee see aum verhäajen Dach jegroft haude.

De Eensiedla stunt opp un kjikjt dän Kjeisa aun. “Oba

крепким сном, что проспал так всю летнюю короткую ночь, и когда утром проснулся, долго не мог понять, где он и кто тот странный бородатый человек, который лежит на постели и пристально смотрит на него блестящими глазами.

— Прости меня, — сказал бородатый человек слабым голосом, когда увидел, что царь проснулся и смотрит на него.

— Я не знаю тебя и мне не в чем прощать тебя, — сказал царь.

— Ты не знаешь меня, но я знаю тебя. Я — тот враг твой, который поклялся отомстить тебе за то, что ты казнил моего брата и отнял у меня мое имущество. Я знал, что ты пошел один к отшельнику, и решил убить тебя, когда ты будешь возвращаться. Но прошел целый день, и тебя всё не было. Тогда я вышел из засады, чтобы узнать, где ты, и наткнулся на твоих оруженосцев. Они узнали меня, бросились на меня и ранили. Я убежал от них. Но, истекая кровью, я помер бы, если бы ты не перевязал мою рану. Я хотел убить тебя, а ты спас мне жизнь. Теперь, если я останусь жив и ты захочешь этого, буду как самый верный раб служить тебе и то же прикажу сыновьям моим. Прости меня.

Царь был очень рад тому, что ему так легко удалось примириться с своим врагом, и не только простил его, но обещал возратить ему его имущество и, кроме того, прислать за ним своих слуг и своего врача.

Простившись с раненым, царь вышел на крыльцо, отыскивая глазами отшельника. Прежде чем уйти от него, он в последний раз хотел попросить его ответить на заданные ему вопросы. Отшельник был на дворе и, ползая на коленях подле вчера вскопанных гряд, сажал в них огородные семена.

Царь подошел к нему и сказал:

— В последний раз, мудрый человек, прошу тебя ответить мне на вопросы.

— Да ведь тебе уж отвечено, — сказал

diene Froage worde aula beantwuat.”

“Woo es daut?” fruach de Kjeisa vewert.

“Wan See Jistre nich met mienem Ella Metleet jehaut un mie biem growe von dise Bade jeholpe haude, wiere See oppem Huswajch von disem Maun aunjejräpe worde. Dan wia An daut sea leet jewast, nich bie mie jebläwe to senne. Doahää wia de wichtichste Tiet de Tiet, en de See em Bad growde, de wichtichste Persoon wia ekj selfst, un de wichtichste Oppgow bestunt doarenn, mie to halpe. Lota, aus de Vewundeta hia han kaum, wia de wichtichste Tiet de Tiet, en dee See siene Wunde vesorjde. Wan See sikj nich om am jekjemmat haude, wudd hee jestorwe senne un See haude de Schans veluare, sikj met am to veseene. Krakjt soo wia hee de wichtichste Persoon, un de wichtichste Oppgow bestunt doarenn, sikj om siene Wunde to kjemre.

Denkje See doaraun, daut et bloos eene wichtiche Tiet jeft, un dee es nu. De Jäajenwoaticha Uagenblekj es de eensje Tiet, äwa dee wie harsche. De wichtichste Persoon es emma de Persoon, to dee See jehiere, dee ver An rajcht hat, wiels wää weet, auf See en de Tookunft met eene aundre Persoon to doone habe woare. Daut wichtichste Ziel es daut, dise Persoon, dee aun June Sied steit, jlekjlich to moake, wiels daut auleen es daut Sträwe nom Läwe.”

отшельник, присев на свои худые икры и снизу вверх глядя на стоявшего перед ним царя.

— Как отвечено? — сказал царь.

— А как же? — сказал отшельник. — Если бы ты вчера не пожалел мою слабость, не вскопал за меня эти гряды, а пошел бы один назад, тот молодец напал бы на тебя, и ты бы раскаялся, что не остался со мной. Стало быть, самое настоящее время было то, когда ты копал гряды, и я был самый важный человек, и самое важное дело было мне добро сделать. А потом, когда тот прибежал, самое настоящее время было, когда ты за ним ходил, потому что, если бы ты не перевязал его рану, он бы помер, не помирившись с тобой. Стало быть, и самый важный человек был он, а то, что ты ему сделал, и было самое важное дело.

Так и помни, что самое важное время одно: сейчас, а самое важное оно потому, что в нем одном мы властны над собой; а самый нужный человек тот, с кем сейчас сошелся, потому что никто не может знать, будет ли он еще иметь дело с каким-либо другим человеком, а самое важное дело — ему добро сделать, потому что только для этого послан человек в жизнь.

Bibliografie - Литературы

L. and A. Maude (translators), Twenty-three Tales by Tolstoy, Funk and Wagnalls Company, New York, 1907.

The Complete Works of Count Tolstoy - Vol. 12, L. Wiener (trans. & ed.), Dana Estes & Co., Boston, 1904.

A. Stoeckl, Dauts Plautdietsch, Daut Groote Huachdietsch-Plautdietsch Rejista, Austria, 2018.
<http://www.plautdietsch-copre.ca/books>

Verbix, Plautdietsch verb conjugation. <https://www.verbix.com/languages/plautdietsch.html>

Waldemar Penner, Plautdietschet Wiedbuek, Russisch-Plautdietsch-Hochdeutsch, 2005.
<https://www.plaut-dietsch.de/pages/russplat.html>

E. H. Zacharias, Ons Ieeschtet Wiedabuak, Friesens, Altona, 2009.
www.plautdietsch.22web.org